

С.Г. Гусева

**Социокультурный образ достатка в русском
национальном сознании**

Монография

Нижний Новгород

2017

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

С.Г. Гусева

Социокультурный образ достатка в русском
национальном сознании

Монография

Нижегород

ННГАСУ

2017

ББК 87.715

Г 96

Рецензенты:

Фортулатова В.А. – д. фил.н., профессор кафедры культурологии и психологии предпринимательства, Нижегородского государственного института экономики и предпринимательства, «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Шестакова Л.А. – д.пед.н., профессор кафедры менеджмента Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е.Алексеева.

Гусева С.Г. Социокультурный образ достатка в русском национальном сознании [Текст]: монография / С.Г. Гусева; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2017. – 167 с. ISBN 978-5-528-00218-7

Данная работа затрагивает проблему взаимовлияния двух сфер в процессе человеческой деятельности – культуры и экономики, и посвящена вопросу достатка, его культурных и экономических возможностей.

Монография предназначена для специалистов в области социально-гуманитарного знания. Данное издание также может быть полезно для всех интересующихся русской культурой.

ББК 87.715

ISBN 978-5-528-00218-7

© С.Г. Гусева
© ННГАСУ, 2017

Оглавление

Введение	4
Глава I. Достаток как вид социокультурной адекватности.....	10
1.1. Сущностные черты достатка как культурологической категории	10
1.2. Структурно-семантические свойства и формы достатка	29
1.3. Особенность воздействия достатка на культуру.....	39
Глава II. Достаток в исторической психологии русского народа	60
2.1. Архетипические образы достатка в народном сознании	61
2.2. Понимание достатка во времени и пространстве	78
2.3. Русская философская мысль о достатке.....	92
Глава III. Человек как основное проявление достатка	103
3.1. Достаток в системе идей современной культурантропологии	104
3.2. От экономического человека к человеку достатка	118
3.3. Достаток как фактор инкультурации личности	135
Заключение.....	147
Литература.....	149

Введение

Тема монографии обусловлена современными этическими проблемами российского общества, связанными с экономическими преобразованиями и дестабилизацией ряда общественных процессов. Одной из причин возникших трудностей является низкий уровень экономической культуры значительной части населения, несформировавшееся экономическое мышление и стереотипы поведения (склонность к социальному иждивенчеству, неприязнь к частной собственности, достатку, отождествление предпринимательства с «жульничеством» и т.п.). Одновременно с этим происходит изменение сознания россиян: в личностном отношении на первый план выдвигаются и гипертрофируются ценности индивидуального характера: престиж, деньги, успех. Ориентируясь на западное общество с его ценностями и приоритетами, постсоветское общество не учитывает многовековую отечественную традицию. Резкий разрыв между двумя типами ориентации неизбежно приводит к разладу в общей системе культуры, отражающемуся и в психологии повседневной жизни, и в стремлении к обогащению любыми способами, отмечаемом многими современными авторами.¹

Сегодня наблюдается заметное сужение предметного поля экономической науки, где социальная компонента трактуется однобоко, в то время как важно приобщение к ней человеческого фактора. В экономике человек должен выступать и как цель, и как регулятор экономических преобразований.² Кроме того, экономика сейчас лишена гуманитарной

---

¹ Борисова Л.Г., Солодова Г.С., Харченко И.Н. Экономическая предприимчивость – новое социальное качество поколения // ЭКО. – 2000. №5. – С. 53-55.; Бюллетень фонда «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения 7 июня 1999 г. // Социологические исследования. – 2000. №1. – С. 156-158.; Васильчук Ю.А. Социальное развитие человек в XX веке. Фактор денег // Общественные науки и современность. – 2001. №4. – С. 5-30.; Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996-1998) // Социс. – 2001. №6. – С. 59-66.

² Абалкин Л.И. К самопознанию России. – М.: Институт экономики РАН, 1995. – 204 с.; Фальцман В. Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. – 2000. № 8. – С. 45-48.; Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. – М.: ИФ РАН, 1997. – 214 с.; Возрождение экономики России: путь в XXI век. – М.: Наука, 2000. – 269 с.

направленности, в ней нарушается связь с этикой и моралью.³ Исследуемой проблемой достатка затронуты глубокие корни мировоззренческого характера – роль социокультурных факторов и изменений в самом человеке, основном носителе потребностей и инноваций, необходимость воспитания установки на уважение, понимание ценности экономического процветания, формирование этики достатка в российском обществе.

Отношение к достатку невозможно понять без контекста национальных традиций. Российские философы «Серебряного века» отмечали такие черты национального характера, как склонность к поиску справедливости, нравственных и этических основ собственности. В России, как известно, получило распространение меценатство, стремление пожертвовать личными интересами и богатством на благо общества. Для России характерна духовная сторона достатка, привязанность не только к своей личной, но и к общей собственности – дому, земле, родной природе.

Феномен достатка не получил многоаспектного отражения в гуманитарной литературе, хотя отдельные аспекты этой категории давно являются предметом исследований в зарубежной и отечественной философии. Отечественной философской мыслью XIX-XX вв. наиболее полно были разработаны проблемы собственности как составляющей достатка. Необходимость института частной собственности признавали такие философы, как Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, Н.Н. Алексеев, однако при этом обоснование частной собственности не означало оправдание всякого злоупотребления имуществом. Отечественная религиозная философия по-разному отнеслась к идее собственности – вопрос обсуждался на перекрестке трех измерений: «Божье», «свое» и «чужое» (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, В.Ф. Эрн, Ф.А. Степун).

---

³ Абалкин Л.И. Выбор за Россией. – М.: Ин-т экономики РАН, 1998. – 212 с.; Львов Д.С., Макаров В., Клейнер Г. Экономика России на перепутье веков. – М., 2000. – 87 с.; Василенко И. Православная этика и российская цивилизация // Новая Россия. – 1999. №1. – С. 29-32.

Зарубежные философы также большое внимание уделяли этой проблеме. Правовое измерение достатка как проблема справедливого распределения материальных и духовных благ обнаруживается при знакомстве с трудами Платона, Аристотеля, Т. Гоббса. Именно Платон приписывал людям разного общественного положения и, следовательно, разного уровня достатка, разные изначально данные им их положением, свойства. Основание собственности усматривали в труде (Дж. Локк), в первоначальном завладении или оккупации (Ж.Ж. Руссо) и др. Последовательным сторонником «линии Аристотеля» в вопросе о собственности выступил Г. Гегель. Он один из немногих идеалистических философов, кто посвятил в своих сочинениях собственности целый раздел (в «Философии права»). «Линия Платона», наоборот, дала наиболее убежденных последователей в среде марксистов. Крах иллюзий рационализировать управление экономикой на основе обобществления собственности показал Фридрих фон Хайек в труде «Дорога к рабству».

Еще один аспект достатка, рассматриваемый философской мыслью, – деньги. К. Маркс проанализировал три основных функции денег: 1) деньги как средство общения; 2) деньги как мера стоимости; 3) деньги как средство сбережения. В фундаментальном труде Г. Зиммеля «Философия денег» признается их главенствующая роль в мире, а денежное обращение – как универсальное качество экономики.

Нравственное измерение феномена достатка можно реконструировать путем обращения к работам Вл. Соловьева, Р.Л. Лившица, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и др.

Философская мысль, затрагивая различные экономические аспекты категории достатка, такие как собственность, деньги, богатство, доходы, тем не менее, не дает полного представления и гуманитарной характеристики данной категории. В рамках антропологического подхода можно выделить ряд исследователей, изучавших различные аспекты, касающиеся проблем экономической антропологии. Теория различных

видов «капитала», построенная П. Бурдьё, включает в себя проблему телесности человека, его физического статуса, имиджа, здоровья, т.е. рассмотрение антропологического «богатства» личности.

Проблема духовных основ экономической жизни общества является предметом социальной и экономической психологии. Процессы мотивации хозяйственной деятельности и функционирование экзистенциальных форм сознания исследовали З. Фрейд, К.Г. Юнг.

Опосредованное рассмотрение этой проблемы осуществляется при изучении феномена предпринимательства (Н.Н. Зарубина, А.И. Агеев, Т.И. Заславская, В.Г. Смольков) и меценатства (А.А. Аронов, И.Ю. Беляева, А. Глаголев).

Различение «своего» и «чужого», «присвоения» и «отчуждения» является методологической базой анализа движения собственности в экономической и социальной сфере, описываемой В.В. Бибихиным.

А.К. Байбурин отмечает, что среди главных жизненных ценностей, критериев благополучия, наряду с материальным благосостоянием, доминирует внешний образ, физический имидж человека.

Несколько работ известного культуролога И.М. Быховской были посвящены вопросам телесно-двигательных характеристик человека, которые являются производными от соционаправленных структур, в частности, от обеспеченности человека, его благополучия, статуса и пр.

Достаток с точки зрения теории потребностей и престижного потребления рассматривали А. Маслоу в работе «Мотивация и личность» и Т. Веблен в своем труде «Теория праздного класса». В работах Ж. Бодрийяра изучаются процессы производства и потребления, привлекая внимание к факту огромного влияния, которое имеют имиджи.

В ракурсе социальной семантики предметом изучения М. Вебера и К. Гиртца являлось строение общества: фиксации знаков различий в символической структуре и их интерпретации. Символизм вещей в

пространстве общечеловеческой культуры, в повседневной жизни исследовался в трудах В.П. Топорова, Ю.М. Лотмана.

С точки зрения социальной стратификации экономическое расслоение находит отражение в работах П.А. Сорокина, В. Зомбарта, Э. Дюркгейма, К. Манхейма.

Аксиологические проблемы ценности вещей, частной собственности были рассмотрены в работах У. Джемса, О.М. Панфилова, А.И. Китова, Ж. Бодрийяра, А. Тоффлера. Различные ценностные ориентации по отношению к богатству, деньгам подробно описывал Э. Фромм. Ценности и идеалы экономического либерализма получили теоретическую разработку в трудах влиятельных социальных мыслителей Запада, таких как К. Поппер, К. Поланьи, Л. Мизес.

Проблема достатка как вида культурной ценности рассматривается только с точки зрения ценности вещей. В подобных работах можно выделить два базовых аспекта взаимосвязи личности и материально-хозяйственного мира: 1) чем больше человек овладевает пространством и временем, энергией и информацией, чем более он независим от ограничений материального мира, тем больше зависим через него от мира социального; 2) если полезная вещь является актуальной для всех в своем желании обладать ею, то данная вещь становится общечеловеческой ценностью.

Многие исследователи считают, что концепция богатства принадлежит к конституционным элементам любого общества: Л. Винничук, А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, Ж. Ле Гофф, И.М. Кулишер. Поэтому концепция богатства, доминирующая в обществе, задает императивы поведения и формирует идеалы, которыми руководствуются члены этого общества.

Ю.М. Лотман, Б.А. Романов, Ю.М. Овсянников, И.И. Смирнов дают в своих трудах многостороннее описание быта и традиций русского народа. Здесь можно обнаружить основные представления о богатстве и

изобилии, отразившиеся в различных сказаниях и легендах, рожденных русской народной культурой, имеющих ментальную основу.

Ментальность часто понимают как синоним сознания, ассоциирующийся с такими понятиями, как национальное сознание, национальный характер, по терминологии З.В. Сикевича, народный дух, по определению В. фон Гумбольдта, или «внутренняя форма», которая является отражением народного духа, «социальный архетип» в истолковании К.А. Касьяновой. В. Ключевский, П.А. Сорокин, В.П. Кожевников, Д.С. Лихачев, И.О. Надточий в своих трудах выделяют «основные черты русской нации», а также дают их в сравнении с западной культурой. Этот круг проблем отражен и в работах В.П. Кожевникова.⁴ – Развитие русской культуры, анализ древнеславянской духовной традиции, природно-хозяйственные условия развития отечественной культуры, хозяйственная жизнь россиян, особенности восприятия Добра и Зла, богатства и бедности, – все это становится базой для общей характеристики национальной истории россиян.

Таким образом, данная тема актуализирует многие аспекты проблем различных сфер культурологии, и эти проблемы, их видение и анализ интерпретируются в представленной монографии.

---

⁴ Кожевников В.П. Ментальность российской цивилизации: История и методология исследования. – М.:Изд-во Гуманитарного института, 1998. – 278 с.; Кожевников В.П. Концепция русской культуры. – М.: Б.и., 1999. – 236 с.; Кожевников В.П. Теория русской культуры: Проблемные лекции. – Н.Новгород: Б.и., 1995. – 196 с.

ГЛАВА I. Достаток как вид социокультурной адекватности

Достаток относится к числу наиболее сложных состояний человека. В этой универсальной по своей природе категории воплотились самореализация личности, удовлетворение ее духовных и материальных потребностей, а также позитивное отношение к этим достижениям со стороны общества. На таком балансе личных амбиций и общественных представлений и требований возникает явление достатка, отражающее статус индивида и уровень духовно-экономического развития общества.

1.1. Сущностные черты достатка как культурологической категории

Достаток – явление сложное и противоречивое, его социально-культурные возможности принадлежат к числу наименее разработанных проблем культурологической науки. Достаток и деньги занимают прочное место в быту человека, являясь мощным источником формирования обыденного сознания, затрагивая различные стороны общественной жизни. Это влияние на развитие современного общества, его норм, ценностей и образцов поведения обуславливает принадлежность категории достатка к феномену культуры.

Если мы обратимся к словарям, то понятие *достаток* трактуется в них как: 1 – богатство, 2 – зажиточность, 3 – обилие, 4 – довольство, 5 – наличие имущества, 6 – материальные средства, 7 – материальное благосостояние, 8 – отсутствие нужды, 9 – доходы, 10 – земля, 11 – деньги, 12 – собственность.⁵

---

⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. – Т. 7. – 472 с.; Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – 782 с.; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: «АЗЪ», 1993. – 960 с.; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – 912 с.

На материале словарей можно увидеть, что главным значением этих понятий во всех анализируемых источниках является: «обладающий большим имуществом». Значению «большое имущество» приводится следующий синонимический ряд: множество, обилие, изобилие, избыток, излишество. При этом понятие «достаток» в русском языке представляется еще и как состояние человека, которое проявляется в наличии денег, золота, других материальных ценностей в большом количестве.

Из представленных определений видно, что традиционно достаток сводится только к экономическим характеристикам. Одновременно с этим достаток выступает как количественная категория, так как не является единым, однородным объектом.

Количество – философская категория, выражающая внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей, а также свойств, связей – их величину, число, степень проявления того или иного свойства.

Как особую категорию, количество рассматривал еще Аристотель: «Количеством называется то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо. То или другое количество есть множество, если его можно счесть, это – величина, если его можно измерить. Множеством при этом называется то, что в возможности (потенциально) делится на части не непрерывные, величиною, – то, что (делится) на части непрерывные».⁶ Таким образом, количество – это не единичное, а некое множество, имеющее составные части, которые выступают как единицы.

Количественную сущность категории достатка доказывают входящие в ее определение составные элементы – деньги, материальные средства, имущество. Все это может делиться на части и быть измеренным.

Впервые диалектическую взаимосвязь количества и качества и их различие выявил Г. Гегель. По его мнению, количество отличается от качества тем, что в то время как последнее однозначно характеризует вещь

---

⁶ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1127.

так, что при изменении качества вещи она становится другой. – Количественное же изменение до поры до времени может и не превращать её в другую вещь.

При этом Гегель дает такое определение количества. – "Это совокупность свойств, указывающих на размеры вещи, на ее величину (характеризующих ее объем, длину, ширину, темп развития, степень проявления тех или иных свойств); внешняя бытию, безразличная для него определенность".⁷

На данном этапе в содержание понятия количества вносятся дополнительные категории, которые могли бы его характеризовать, такие как: величина, мера, число.

В понятие достатка входят значения «материальные средства», «наличие имущества»⁸, то есть множественность элементов (количество). При изменении данного количества в большую сторону размер значительно увеличивается, и достаток переходит в другое качественное состояние – богатство, при изменении количества в меньшую сторону, соответственно – в недостаток, или нужду. При этом существенную роль играет субъективное отношение: «у кого жемчуг мелкий, у кого – картошка», то есть субъективно достаток может и не переходить в другое качество.

Характеристика категории достатка обуславливает его количественную сущность. При этом, исключив множественность из понятия достатка, мы утратим его сущность, достаток будет чем-то другим, но уже не будет достатком. Он, таким образом, есть граница количества, избытка.

В работах классиков марксизма-ленинизма категория количества рассматривается, прежде всего, в связи с установлением количественных (математических) закономерностей, связанных с качественными

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.

⁸ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: «АЗЪ», 1993. – С. 179.

преобразованиями вещей. «... Невозможно изменить качество какого-нибудь тела без прибавления или отнятия материи либо движения, то есть без количественного изменения этого тела».⁹

С целью установления количественной определенности предмета сравниваются составляющие его элементы – пространственные размеры, скорость изменения, степень развития – с определённым эталоном как единицей счёта и изменения. Чем сложнее явление, тем труднее его подвергать изучению с помощью количественных методов (например, явления в сфере нравственности, политики, эстетического восприятия мира и тому подобное); в этих случаях прибегают к различного рода шкалам.

Достаток относится к числу сложных явлений, так как затрагивает не только сферу материальных отношений, но и сферу сознания. Поэтому измерение данной категории представляется затруднительным. Такие составные элементы достатка, как *зажиточность*, *довольство*, *благополучие* не поддаются количественному измерению, а лишь предполагают наличие каких-либо средств. Поэтому достаток является одновременно и качественной категорией.

Кроме того, это – сложноорганизованная структура, состоящая из множества элементов, каждый из которых обладает качественной характеристикой. Вместе с тем, само понятие достатка имеет своей сущностью качество.

Качество – философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом. Качество отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта, которое характеризует его специфику, дающую возможность отличать один объект от других.¹⁰

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Наука, 1955. – Т. 7. – С. 385.

¹⁰ Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – С. 171.; Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 207.

Достаток не может считаться таковым, если его элементы не обладают свойствами, характерными для степени высокого качества. Ведь это не просто изобилие вещей или денежных средств, а внутреннее состояние удовлетворенности их качеством и количеством, а меру их соотношения определяет культурный уровень индивида.

«Качество – родовой признак явлений».¹¹ Благодаря ему каждый объект существует и мыслится как нечто отграниченное от других. Вместе с тем качество выражает и то общее, что характеризует весь класс однородных объектов.

Для понятия достатка важна эта связь, так как качество определяет субъективный уровень исследуемого объекта. Мир состоит не из законченных и неизменных вещей, а представляет собой совокупность процессов, в которых вещи постоянно возникают, развиваются и уничтожаются, переходят в другие вещи. При любом качественном изменении имеется такой более общий, а вместе с тем, и более глубокий уровень, который остается по существу тем же: изменяется лишь вариация его существования. То есть объект постоянно изменяется; вместе с тем он обладает некоторой устойчивостью, которая и выражается как качественная определенность. При изменении существенных свойств категории достатка происходит ее преобразование в другую категорию.

Таким образом, качество является основополагающим компонентом понятия достатка. При этом качество вещей одного и того же рода может быть различным (более или менее высоким производственных материалов). В данном случае эта степень определяет его ценность.

Это положение является необходимой составной частью такого понятия, как достаток, охватывая все элементы, входящие в него. Как было отмечено выше, достаток – не только количественная категория, для него еще важна и степень качественного состояния, иначе он не будет иметь

---

¹¹ Зеленов Л.А. Основы философии. – М.: ВЛАДОС, 2000. – С. 151.

ценности. Потеряв это свое существенное свойство, достаток перестанет быть самим собой и перейдет в иную категорию.

Качество достатка – сложный феномен, охватывающий социальное и индивидуальное благополучие, он выходит за рамки традиционного представления о материальном состоянии и включает философские, психологические и культурные компоненты. Это понятие содержит материальные и духовные потребности человека (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, окружающей среды, структура досуга и др.).

К духовным потребностям может быть отнесена степень удовлетворения от обладания, права распоряжения, владения и пользования необходимыми вещами, их качеством и количеством, а также психологическое чувство стабильности, защищенности и уверенности в себе.

В настоящее время категорию качества обычно определяют с помощью понятия свойства. Свойство есть любой признак, относительно которого предметы могут быть сходны между собой или отличаться один от другого, то есть форма, величина, цвет, объем и т.п. Свойство – есть проявление, обнаружение той или иной внутренней, качественной стороны явления по отношению к другому явлению, предмету, вещи, явлению и т.д.¹²

Главными существенными свойствами категории достатка являются: *предметность* (то есть наличие определенного набора предметов материальной действительности, отсутствие таковых означает недостаток), *свойство существования сверх необходимости* (нахождение в состоянии необходимости не может считаться достатком), *ценность* (при отсутствии ценности материального благополучия в условиях всеобщего равенства и доступности «богатств» понятие достаток размывается и перестает быть таковым). Эти свойства определяют основное качество данной категории.

---

¹² Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 407.

Количество находится в единстве с качественной определённой явлений, вещей, процессов; это единство составляет их меру. «Мера – это единство количества и качества, это количественное качество или качественное количество».¹³

Мера – категория, используемая для измерения параметров, выражающая закономерную связь между качественной и количественной сторонами явления.

Понятие достатка имеет этическое значение умеренности, противостоящее избытку и недостатку. Поэтому категория достатка обладает свойством меры.

Категория меры тесно связана с такими понятиями философского (гносеологического, эстетического, этического) дискурса, как пропорция, гармония, соразмерность, порядок, умеренность, середина. В античной мифологии символом меры была богиня Немезида, изображавшаяся с весами в руках, поскольку она выполняла функции кары и возмездия за преступные деяния человека. Она же почиталась как богиня справедливости, равенства, закона и была устроительницей космического порядка. Мера имела и в античной мифологии, и у досократиков этическое и космическое значение. Мера, понимаемая как умеренность в поступках и словах, – одно из центральных понятий первых античных философов. Клеобул: «Мера лучше всего»; Солон: «Ничего слишком»; Питтак: «Знай меру»; Фалес: «Блюда меру».¹⁴ В древнегреческом мире развивается антропологическая трактовка меры. Так, согласно Протагору: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют».¹⁵ Здесь уже критерием, или мерой, является человек, измеряющий собой все вещи и весь космос.

¹³ Зеленов Л.А. Введение в общую методологию: Монография. – Н.Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2002. – С. 75.

¹⁴ Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – С. 92.

¹⁵ Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – С. 335.

Платон одновременно употребляет ряд терминов, относящихся к мере, как синонимы (соразмерность, умеренность). Он начинает связывать меру с измерением, которое не ограничивается количественными величинами, а включает в себя и качественно сущностную характеристику деятельности человека в других областях, например, в политике. Благо не поддается количественному виду измерения. Для того чтобы найти меру, характеризующую благо, Платон вводит понятие «беспредельное» и «предел», смешение которых и составляет меру. Благо понимается им как единство трех идей – красоты, соразмерности и истины.

Универсальное значение мера приобретает у Аристотеля. Он развивает мысль о том, что скорее вещи являются мерой для человеческого знания: «могло бы казаться, что знание есть мера, а то, что познается, – измеряемое, однако на деле оказывается, что хотя всякое знание касается того, что познается, но не всякое познаваемое соотносено со знанием, так как в некотором смысле знание измеряется тем, что познается».¹⁶ Категория меры играет большую роль в этическом исследовании добродетелей, рассматриваемых Аристотелем как середина между двумя крайностями – пороками (например, мужество – это середина между безрассудством и трусостью, скромность – это середина между бесстыдством и застенчивостью и т.д.).

Этика, как учение о добродетели, по сути, является учением о мере, избегающей крайностей излишества и недостаточности и выражающейся в ряде понятий – симметрия, умеренность, середина, равенство, справедливость и т.д. Теоретические принципы древнегреческой этики и эстетики проявляются в следующем: *красота* – это соответствие вещи человеку, *гармония* вещи и человека и *мера*, исключая избыток и недостаток. При соблюдении этих принципов достаток является благом для человека и общества. Если эти принципы не соблюдаются, то достаток переходит в недостаток – излишество или нужду.

¹⁶ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1174.

Данные характеристики позволяют определить, что количество и мера являются сущностью категории достатка. Именно в достатке заключается единство количества и качества. Без количества нет достатка, так как он не может состоять из одного элемента, это множественная категория. Количество – его суть.

Мера также является сущностью категории достатка, поскольку выход за пределы достаточности означают переход в другую категорию (малое количество – недостаток, слишком большое – избыток). Достаток несет в себе значение умеренности, середины, соразмерности и сам является мерой количества, означающий его середину.

Из словарей можно увидеть, что достаток трактуется как экономическая категория. Однако, углубляясь дальше в значение этого термина, можно найти в русском языке множество разного рода семантических и лексических оттенков и устойчивых выражений (синонимов или созвучных данной категории понятий), которые позволяют рассматривать *достаток* как категорию, обладающую более разносторонними характеристиками, чем просто экономические. В словарях, дающих толкование данной категории, *достаток* выходит за рамки определений материальной культуры, затрагивая также области психологии и морали: «*Достаток*, - тка; м. 1. Зажиточность, самостоятельность; 2. мн.: достатки, – ов. Материальные средства, доходы; 3. Имущество; 4. Достаточное количество чего-либо, изобилие».¹⁷

В данном толковании присутствие таких понятий, как *зажиточность*, *самостоятельность*, *количество чего-либо* доказывает правильность соотнесения понятия достатка с областью не материальных интересов. Этот термин обозначает в своем самом общем виде определенное соединение качественных и количественных характеристик какого-либо предмета.

---

¹⁷ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: «АзЪ», 1993. – С. 179.

Существует и целый ряд других терминов, словесно выраженных иначе, но по смыслу близких к понятию *достаток* или даже прямо совпадающих с ним. Таково понятие *достаточность*: 1. Столько, сколько требуется; достаточно; 2. В достаточной степени, немало; 3. Полно, изрядно, порядком, порядочно.¹⁸

Это содержание практически совпадает с изучаемым нами понятием. Одновременно оно указывает, с одной стороны, на количество (*немало, полно, изрядно*), а, с другой, на ограничение этого количества потребностью (*столько, сколько требуется*).

Созвучно с ним и понятие *довольный*: достаточный, обильный, изрядный; годный к чему-либо. Довольствие, продовольствие, достаток, избыток.¹⁹ Не оставляет сомнений психологическая нагрузка данного понятия. Быть довольным – означает в полной мере удовлетворить свои потребности в чем-либо, быть уравновешенным, находиться в спокойном состоянии.

Довольствие, довольство: достаток, зажиточность, избыток; дар, способность; делать довольным, удовлетворять; || быть довольну, не требовать большего, не искать иного; перемогаться, пробавляться по необходимости.²⁰

Это говорит о некоторой мере, позволяющей определять границы необходимого. Здесь соединяется уже не просто представление о каком-нибудь количестве, но о таком, которое соответствует определенному качеству, как было сказано выше.

Необходимо рассмотреть однокоренное понятию *достаток* слово *достать*: что или до чего достигать, досягать; хватать, дохватывать; вынимать или снимать откуда, брать; добывать, приобрести; нажить, разжиться, промыслить, промыслить, раздобыть.²¹ С этим понятием и с

¹⁸ Словарь синонимов. – М.: ТОМ, 1997. – С. 128.

¹⁹ Там же. – С. 123.

²⁰ Там же. – С. 123.

²¹ Там же. – С. 128.

понятием *достаток* из данного синонимического ряда логически связано слово *достаточный*: о человеке, богатый, зажиточный; о запасе, о доводах, причинах: довольный для чего, удовлетворительный.

Выражение *достаточный* по отношению к человеку раскрывает целый ассоциативный ряд, имеющий отношение к рассматриваемому нами понятию: говоря о человеке (*достаточный*), подразумевается, во-первых, определенное умение приобретать, доставать, брать из окружающего материального мира все необходимое (*достаточно, достатно* нареч. довольно, не мало, сколько нужно, досыта; о человеке, быть зажиточным, с достатком, не нуждаться); во-вторых, характеризует человека как полноценную личность, реализовавшую себя в жизни и обществе. Так еще говорят и о достаточной личности – морально и интеллектуальной развитом человеке. То есть, *быть достаточным*, значит быть гармонично развитым человеком, быть в гармонии с идеальным и материальным миром.

Нельзя упустить из внимания и понятие *достоинство*, слова с одинаковым корнем. В словаре В. Даля мы находим: «*Достоинство, достои* – приличие, приличность, соразмерность, сообразность; чего стоит человек или дело, по достоинству своему. Как должно, как следует, достоин, по приличию и стоимости».²² Человек, *достойный чего*, – подразумевает обладание определенными моральными качествами, заслуживающими уважение, то есть достижение признания этих качеств со стороны других людей. О таком человеке говорят: стоящий, должный, приличный, сообразный с требованиями правды, чести. *Достойный человек* – уважаемый, ценимый. Здесь *достаток* выступает как «качество», только по отношению не к вещи, а к человеку.

Правда, в эпоху феодализма развивается феодальное понятие «достоинство» (рыцарская честь), носившее ярко выраженный сословный

---

²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 912.

характер. В этом смысле человек как бы «достал» до тех высот, которые признаются, ценятся в обществе. Еще Гоббс ставил достоинство человека в зависимость от его личных способностей и добродетелей, образующих могущество человека. «Публичная ценность человека, то есть та цена, которое придает ему государство, есть то, что люди обычно называют достоинством. И эта цена, положенная ему государством, выражается в пожаловании должностей военных, судейских, по государственному управлению или в пожаловании имен и титулов, введенных для выявления такой цены».²³ То есть достоинство – это определенные достижения, наличие каких-либо заслуг, явное противоречие недостатку.

Достоинство личности – осознание своего общественного значения, право на уважение, основанное на признании обществом социальной ценности человека. Содержание господствующих в том или ином обществе взглядов на человеческое достоинство определяется, в конечном счете, характером общественных отношений, от которых зависит положение личности в обществе. В буржуазном обществе главным мерилом достоинства человека является его богатство, здесь капитал обладает самостоятельностью и уважением. Личностные достижения заменяются денежным эквивалентом. Но это лишь мнимое достоинство.

На сегодняшний день, в связи с проблемой соотношения культуры и цивилизации, многие понятия приобретают искаженный вид. Человек не замечает этой подмены и воспринимает ее, как должное. Цивилизация диктует свои принципы существования в обществе и в определенном смысле берет верх над культурой. Сегодня достоинство – это способность приобретать товары и вещи, которые носят символический характер, но не обладают функцией удовлетворить необходимые потребности. Например, реклама какого-нибудь товара гласит: «Ты этого достоин». Рекламируется, пропагандируется какая-то определенная марка, качество, но по существу речь идет всего лишь о вещи, которая, в общем-то, и не нужна.

---

²³ Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – С. 67.

Получается, что человек начинает обладать достоинством, просто купив, например, пачку сигарет. При этом моральное качество – достоинство, духовное по своей природе, принижается до статуса вещи, относящейся к предметному миру.

Достоинство личности, обладающей частной собственностью, как пишет русский философ Н. А. Бердяев, выражается в ее способности употреблять собственность для блага своего и других людей, а не злоупотреблять ею. «Ибо человек несет ответственность перед Богом за то, чем он владеет и за то, какие плоды приносит это владение».²⁴ Собственность, которая является источником инициативы, творчества, свободы может стать источником рабства человека. Искажение происходит в том случае, когда человек становится рабом принадлежащих ему вещей. Достоинством человека становится не то, что он есть сам по себе, «а то, что у него есть». Перенесение идеи частной собственности на людей Н. А. Бердяев оценивает как одно из негативных ее проявлений. Честным человеком оказывается тот, кто уважает собственность и богатство другого человека, но не раболепствует перед ними.²⁵

Призывая к уважению богатства, естественно, вызывает вопрос об отношении к бедности. Н. А. Бердяев считает, что бедность нельзя не замечать, но ее невозможно «уважать». В «Самопознании» он пишет о том, что конфликт между жалостью и свободой, состраданием и утверждением высших ценностей сопровождал его всю жизнь и был связан с его прошлыми социалистическими симпатиями. И все-таки аристократизм рефлексирующего интеллигента в нем берет верх, в чем он сам признается: «Я всегда предпочитал угнетенных, преследуемых, бедных, но никогда не мог с ними слиться. Всегда оставалась привилегированность моей собственной жизни».²⁶

---

²⁴ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 190.

²⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). – М.: «Книга», 1991. – С. 69.

²⁶ Там же. – С. 70.

Бедность – антипод достатка, представляет собой его полную противоположность. *Бедный* – убогий, неимущий, скудный, недостаточный, нужный, то есть нуждающийся; о человеке, небогатый, у кого нет достатка, имущества, средств для жизни; *беднеть* – становиться бедным, приходить в бедность, лишаться обилия, достатка. Бедность – состояние нужды, нехватка чего-либо, скудость. *Недостаток*: состояние, когда чего нет, недостает; отсутствие чего, неполнота; || то, чего недостает. || Бедность, нужда, нищета, скуда, незажиточность. || Нужда в чем-либо, независимо от богатства, неимение нужного. || Погрешность, ошибка, порок, дурная сторона чего-либо. || Отсутствие или малость.²⁷ *Недостаточный человек*, небогатый, неполный, неудовлетворительный в каком-либо отношении. Таким образом, отсутствие возможности удовлетворения своих потребностей воспринимается и расценивается как недостаток, то есть бедность означает нехватку чего-либо, неспособность проявления своих потенциальных возможностей, а, значит, и недостаточность.

Возможность осуществления своих способностей может быть расценена как состоятельность. В данном случае уместно такое выражение, как: *состояться*, то есть исполниться, сбыться, свершиться. *Состоятельный человек* – с порядочным достатком, зажиточный. *Состояние*, быт, положение, в каком кто или что состоит, находится, есть; отношения предмета. || Сословие, звание, каста; звание, род занятий и род жизни, по рождению, либо наследственно, или по избранию. || Богатство, зажиточность, имение, достаток, собь. *У него хорошее состояние*.²⁸ Здесь осуществление своих возможностей переносится также и на материальный мир, обустройство своего быта в положительном состоянии, в порядке. *Порядочный дом, хозяйство*, содержимые в порядке, в устройстве. *Порядочный человек* – любитель порядка, или ведущий, держащий себя

²⁷ Словарь синонимов. – М.: ТОМ, 1997. – С. 273.

²⁸ Там же. – С. 544.

изрядно, прилично, как должно, толковый, распорядливый. *Порядничать* – править хозяйством.

Имущество: скарб, пожитки; достаток, состоянье. *Иметь*: владеть чем-либо, пользоваться; что у кого есть, то он *имеет*; у меня есть или я *имею*. *Именье*: владенье, состоянье того, кто имеет; то, что кто-либо имеет, достаток, собственность, собина, состоянье. *Иметельный, имовитый, имущий* – состоятельный, зажиточный, замочный, богатый.

Таким образом, достаток предполагает обязательное наличие имущества, собственности, хозяйства, причем все это находящееся в порядке, обустроено, предполагает уважительное отношение к вещам и умелое ими пользование. То есть достаток – это не просто обладание материальными благами, но и бережное отношение к ним, духовное наполнение системы «человек – вещь».

Другая крайность бедности – богатство, изобилие. *Изобилие* – излишество, множество. *Изобильный* – более чем достаточный, то есть сверх меры, обильный, богатый или избыточный. *Изобильничать*: роскошничать, тратить, мотать, раздавать или потреблять что слишком торопато, жить не в меру. *Обилие*: множество, избыток, изобилие; богатство, довольство, или роскошь, противополож. *скудость, недостаток, бедность, нищета*.²⁹ *Обиловать* чем, изобиловать, избыточествовать, излишествовать, быть богатым, иметь что во множестве.

Избыток что избывает, остается в излишке; лишек, излишек, остаток; все, что сверх известной меры или счета; обилие, изобилие, достаток, излишество, богатство. *Избыточный*, остаточный, лишний; с избытком, обильный; о человеке, зажиточный, богатый. *Избыточность* свойство, состоянье, принадлежность избыточного. *Избыточествовать*, быть в избытке, в излишке, в остатке; обиловать, изобиловать.

---

²⁹ Там же. – С. 37.

Часто *богатство* употребляют как синоним *достатка*, но это допустимо лишь в случае указания на отсутствие недостатка материальных средств. Богатство – это то, что сверх меры, излишество, когда чего-то очень много, что не совпадает с понятием *достаток*, который все-таки является границей избытка и недостатка. Кроме того, природа богатства не труд и хозяйствование, а другие источники дохода.

Еще один термин, созвучный достатку – *благополучие*: спокойное и счастливое состояние, существование; жизнь в достатке, в довольстве. Для созидания благополучия и богатства нужна такая предпосылка, как любовь к богатству. Богатство понимается здесь не только как владение материальными или духовными благами, а, прежде всего, богатство как символ духовной мощи и духовной производительности.³⁰ Нельзя избавиться от бедности не став богатым, как невозможно ограничиться лишь приобретением его. Блага не даются, а созидаются, и в этом заключен гуманистический смысл повседневной созидательной и творчески преобразующей деятельности.

Проблема взаимосвязи человека и мира вещей сложна и неоднозначна. Некоторые исследователи включают вещный мир в определение личности. По У. Джемсу,³¹ личность в широком смысле – это «Я» плюс капитал и наличность, вещи и недвижимость, экипаж, библиотека, связи, семья и так далее. Такое расширение понятия «личность» представляется нам вполне допустимым по ряду причин.

Во-первых, она формируется не только социальной, но объектной средой. Отношения к труду, к вещам и деньгам (достатку) закрепляются в характере. Взаимосвязь с миром вещей может быть детерминирована в значительной степени особенностями темперамента (так, экстраверты и интроверты демонстрируют различную степень привязанности к вещам, разные поведенческие реакции по отношению к деньгам). Экономический статус семьи,

---

³⁰ Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 82.

³¹ Джемс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – 367 с.

материальное благополучие являются важными факторами развития интеллектуальных способностей. Характер собственности конкретного человека дает нам существенную информацию о его образе жизни, интересах и склонностях (автомобилист, дачник, коллекционер, «добытчик», у которого «дом – полная чаша»).

Во-вторых, обладание какой-либо вещью, материальными ценностями влияет на образ «Я». Часто, покупая вещь, человек возлагает надежды на расширение каких-то своих возможностей, видит себя в новом, улучшенном свете. Напротив, нехватка какого-либо желанного объекта может порождать дефицит уверенности в себе, усиливать комплекс неполноценности.

В-третьих, собственность человека влияет и на то, как его воспринимают другие. Таким образом, вещный мир включен в межличностные отношения, причем не только опосредует их, но и существенно на них влияет.

Одной из характеристик взаимосвязи «личность – мир вещей» является экспансия их друг в друга. Человек находит продолжение в своих вещах: в одежде, в доме, в автомобиле. Собственность есть идеальное продолжение личности в вещах или ее перенесение на вещи. Их объединяет та же органическая связь, что и с органами его собственного тела.³² Включение вещного мира в личность и экспансия личности в вещный мир отслеживается в антропогенезе научно-технического прогресса. Человек меняет мир, а тот в свою очередь требует приспособления к себе и дает новый толчок к развитию. Развиваясь, эволюционируя сам, человек заставляет изменяться, регенерироваться мир, в котором он живет. Можно согласиться, что личность в универсальном понимании – это есть и определенная культура обладания собственностью, что предусматривает расширение личностных границ путем не только и не столько материальных ценностей, сколько духовных приоритетов.

Все эти факты могут послужить выделению в микросоциуме личности трех тесно взаимосвязанных сред – человеческой, духовной и вещной. Именно в

---

³² Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.

категории достатка происходит их гармоничное слияние. Достаток – компенсация недостающего потенциала человека в различных областях. В отношении человека и вещи можно выстроить следующую цепочку: потребность – вещь – функция – роль. Возникает потребность в чем-либо, например, быстрого передвижения по городу. Это начальное звено цепочки – *потребность*. Для этого покупается вещь (автомобиль), способная удовлетворить данную потребность. Это второе звено цепочки – *вещь*. Выполняя с этой вещью *функцию* (третье звено), в которой была необходимость – езда, человек одновременно приобретает определенный общественный статус (четвертое звено) – *ездок, автомобилист*.

Достаток – это такое состояние, когда все звенья названной цепи собраны воедино, и она не рвется. Тогда это понятие является полным, духовное содержание отношения «человек – вещь» сохраняется. Когда же из цепочки уходит одно звено, например, *функция*, возникает цепочка: потребность – вещь – роль, то создается лишь видимость достатка, символическая функция, перенос ценности вещи на человека. Он имеет машину, но не ездит на ней, а имеет при этом *роль* – видимость автомобилиста. Если нет необходимости (*потребности*) в обладании, например, двумя домами, а человек их имеет, то происходит то же самое: духовное содержание исчезает, возникает *излишек, бездушное накопительство*, происходит трансформация ценности вещи в обесценивание человека.

Достаток – поле взаимодействия материального и физиологического, точнее психологического, это не количество вещей, а определенное внутреннее состояние удовлетворенности человека.

Исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является потребность человека в благах.³³ Потребность, как известно, – это состояние нужды в объективных условиях, предметах, объектах, без

---

³³ Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – С. 12.

которых невозможно полноценное существование и развитие; ощущение неудовлетворенности; как отражение в психике человека несоответствия между внутренними и внешними условиями деятельности. Потребности – источники активности. Поскольку существуют материальные и духовные потребности, они вызывают соответственно материальные и духовные интересы, которыми руководствуется человек в своем выборе.

С повышением жизненного уровня, получаемого в результате роста материального богатства, связана одна из узловых проблем зависимости способа воспроизводства и удовлетворения потребностей, то есть от жизненного уровня или достатка, поскольку его наличие характеризует степень удовлетворения потребностей человека и свидетельствует о реальных возможностях вести тот или иной образ жизни. Наличие или отсутствие необходимых условий для осуществления жизнедеятельности (от элементарных, обеспечивающих потребности в пище, жилище, одежде, передвижении, в поддержании здоровья, до более сложных, связанных с развитием нравственных, эстетических, культурных запросов) способствует или препятствует реализации человеком творческих сил и способностей, раскрытию его индивидуальности.

Суммировав все вышеизложенные материалы словарей, можно сделать следующее определение: *достаток — это количественно-качественная категория, составляющая условия бытия сверх необходимости, выступает мерой избытка и недостатка, способного удовлетворять материальные и духовные потребности человека.*

Таким образом, можно сделать вывод о сущности достатка как культурологической категории:

- достаток – это состояние, имеющее экономический эквивалент, достигаемое за счет гармонизации с окружающей средой и другими людьми, означающее стабильность, смысловую и духовную наполненность жизни и являющееся одновременно целью и путем к достижению этой цели;

- достаток не является чисто экономической категорией, так как представляет собой более сложное явление, затрагивая различные сферы бытия: нравственность, мораль, этику, психологию и т.д.;
- достаток можно отнести к проблеме философского осмысления, поскольку его сущностью являются философские категории (количество, качество, мера);
- достаток является мерой количества, так как служит границей избытка и недостатка;
- достаток – поле взаимодействия материального и биологического (это не количество вещей, а определенное внутреннее состояние удовлетворенности).

1.2. Структурно-семантические свойства и формы достатка

Морфологическое изучение культуры предполагает включение категории достатка в спектр своего внимания по следующим направлениям исследования: генетическое – порождение и становление культурных форм достатка; динамическое – динамика культурных форм достатка в исторических масштабах времени (непосредственная трансляция культурной информации); структурно-функциональное – принципы и формы организации культурных объектов достатка и процессов в соответствии с задачами удовлетворения потребностей, интересов и запросов членов общества.

Общую морфологическую модель категории достатка в соответствии с сегодняшним уровнем знания можно представить тремя уровнями связи субъекта социокультурной жизни с окружением – специализированный, трансляционный и обыденный: культурные модусы социальной организации (хозяйственная культура); культурные модусы социально значимого значения (религия, философия); культурные модусы социально значимого опыта (массовая культура); обыденные аналоги

специализированных модальностей (нравы, обычаи, мораль); трансляция культурного опыта.

В рамках культурологии морфологический подход к достатку имеет ключевое значение, поскольку позволяет выявить соотношение его универсальных и специфических характеристик. Как любому культурному элементу, достатку присущи свои формы воплощения и культурные свойства.

С позиций культурно-антропологической теории культурная форма может быть определена как совокупность наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления, процесса), которые могут отражать как утилитарные, так и символические функции этого объекта, и на основании которых происходит его идентификация, то есть различение с другими объектами и установление тех или иных свойственных ему параметров и характеристик. Категория достатка имеет совокупность признаков, воплощенных в материальные продукты человеческой деятельности и продукты духовного (символического) производства.

К материальным формам достатка относятся, в первую очередь, *собственность* – это принадлежность чего-либо кому-либо с правом распоряжения. Собственность предполагает наличие материальных средств и имущества, в это понятие входят такие формы воплощения достатка, как *деньги, земля, вещи*. Вместе с этим очень важно, что под достатком понимается не просто обладание этими материальными средствами, а обладание ими в большом или очень большом количестве, то есть *богатством*, которое выступает, в данном случае, синонимом исследуемой категории.

Совокупность признаков достатка, воплощенных в таких формах, как *счастье, комфорт, довольство, обеспеченность, зажиточность, благосостояние, состоятельность, благополучие* несет в себе психологическую компоненту и относится к продуктам духовного производства. Основной характеристикой данных форм является

внутреннее состояние удовлетворенности своим финансовым положением. В зависимости от этого личность определяет для себя свой уровень достатка. В материальных формах воплощения главным отличительным признаком является обладание средствами в большом или очень большом количестве, а в духовной сфере – степень удовлетворенности этим обладанием.

Достаток обладает следующим набором признаков концептуализации: *состояние человека*, которое проявляется в наличии *денег*, а также *золота и других материальных ценностей и собственности* в *большом количестве, изобилии*; состояние приятности, комфортности и счастья, то есть *благополучия*.

Всякая культурная форма включает в себя как признаки результата (культурного продукта), так и технологии его достижения. При этом, выделив в качестве предмета такие формы воплощения достатка, как: деньги (монеты, купюры, крупные суммы); золото; богатство; источник богатства; власть денег; обеспеченная жизнь, богатый человек; и признаки: характеризующийся богатством – большими деньгами, материальными ценностями; характеризующийся чрезвычайным, несметным богатством; живущий в роскоши; то обозначится и сам процесс достижения достатка и его распоряжением, выраженный в следующих формах: *обогащаться, наживаться, зарабатывать, копить, добывать деньги, тратить, наживать, богатеть, благотворительствовать*.

Категория достатка как выражение обилия материальных средств относится к человеку. Это антропоцентрическая, антропонаправленная характеристика. Действительно, фразеологизмы *грести (загрести) деньги лопатой, жить припеваючи, при деньгах, толстый (тугой) карман (кошелек)* характеризуют человека, его состояние, его статус, его действия.

В тех идиомах, где актуальным значением является достаток и богатство, на первый взгляд, дистанцированное от лица, обязательно присутствует человек в качестве субъекта, объекта. В таких случаях или

валентность идиом антропная, или актуальное значение идиом содержит эксплицитные антропонаправленные компоненты. Например: *золотое дно – богатый, неисчерпаемый источник дохода (чьего)*; *курица, несущая золотые яйца – источник обогащения (кого)*; *молочные реки, кисельные берега – привольная, беззаботная, обеспеченная жизнь (кого)*; *только птичьего молока нет – о полном достатке, изобилии (у кого)*; *желтый дьявол – золото, порабащующее людей, власть капитала (над кем)*.

Посредством изменения стереотипов сознания и поведения происходит приспособление как человеческих сообществ, так и отдельных индивидуумов к меняющимся условиям жизни. В современных условиях с потребностью в адаптации к изменившемуся экономическому положению наблюдается порождение новых культурных форм, где понятие «достаток» сопрягается с иными характеристиками и значениями.

Можно констатировать, что в русском языковом сознании конца XX в. понятие достатка занимает более важное место, чем в ранние периоды того же столетия.

Во-первых, произошли существенные изменения в семантических оценках концептов *богатство – бедность*. Наблюдается ослабление интенсивности отрицательной оценки по отношению к богатым людям и богатству в целом: уход в пассивный состав лексемы *богатеи* – с пометкой «презрительно». Аналогичная картина имеет место и в отношении лексемы *богачиха* – с пометкой «презрительно» *богачка* – это является косвенным подтверждением высказанного предположения.³⁴

Во-вторых, в словарях русского языка³⁵ отмечается появление сочетания *новый русский* – российский предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший.

³⁴ Куцый С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. – С. 95.

³⁵ Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.; Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.; Словарь синонимов. – М.: ТОМ, 1997. – 648 с.

Вместе с тем, синонимичная лексема *нужорши* – тот, кто стремительно разбогател (обычно на спекуляциях); богач-выскачка снабжена пометкой «неодобрительное» и отмечена как возвращающаяся в актив. В плане выявления оценочных характеристик сочетания «новый русский» наиболее показательное появление огромного количества анекдотов, в которых новый русский предстаёт глупым, жадным, криминализированным и безмерно богатым, но достойным только усмешки и жалости, а не восхищения и одобрения. Между тем, сочетание «новые русские» понемногу деактуализируется, его заменяют «олигархи». Однако это слово обозначает не богатых, а сверхбогатых, которые сосредоточили в своих руках львиную долю национального достояния страны. Именно на олигархов перешло отрицательное отношение к новым русским, но без шутливо-юмористической окраски. Это также является косвенным свидетельством смягчения негативного отношения к богатству в русском национальном сознании.

Языковые изменения, отмечаемые в современных словарях, свидетельствуют: 1) об изменении отношения к концепту «достаток» в российской ментальности; 2) о новых формах его воплощения, отражающих российскую действительность, таких как: *успех*, непременно сопутствующий понятию достаток, и *марка*, как неотъемлемая часть имиджа состоятельного человека. На сегодняшний день трудно представить достаток в полном объеме без этих составляющих.

Таким образом, можно обобщить и выделить несколько форм его воплощения.

1. Деньги (купюры, капитал, электронный эквивалент).
2. Собственность (вещи, имущество, земля).
3. Ценности (художественные, украшения, антиквариат).
4. Изобилие (большое количество ресурса, имущества, собственности).
5. Состоятельность (удовлетворенность материальным положением, статусом, положением в обществе);

6. Благополучие (приятная, комфортная, обеспеченная, счастливая жизнь);
7. Успех (активная предпринимательская деятельность, инициатива, предприимчивость, состоятельность, благотворительность).
8. Марка (стильные вещи и аксессуары, доступные по цене только человеку с достатком).

Структурировав данные формы воплощения категории достатка, можно заметить, что некоторые из них, такие как: *деньги, благополучие, собственность, состоятельность* могут относиться как к материальным, так и духовным компонентам, что говорит о многоаспектности и многомерности категории достатка.

Обобщая вышеизложенное, можно оформить таблицу, демонстрирующую многогранность изучаемого понятия.

Структура достатка

Структура достатка			
К О	МАТЕРИАЛЬНЫЕ	<u>деньги</u> (купюры, капитал, электронный эквивалент); <u>собственность</u> (вещи, имущество, земля); <u>ценности</u> (художественные, украшения, антиквариат)	
		М П О Н Е Н Т Ы	ДУХОВНЫЕ
символические	<u>деньги</u> (купюры, капитал, электронный эквивалент); <u>ценности</u> (художественные, украшения, антиквариат); <u>марка</u> (стильные вещи и аксессуары, доступные по цене только человеку с достатком)		
ценностные	<u>деньги</u> (купюры, капитал, электронный эквивалент); <u>собственность</u> (вещи, имущество, земля); <u>благополучие</u> (приятная, комфортная, обеспеченная, счастливая жизнь); <u>состоятельность</u> (удовлетворенность материальным положением, статусом, положением в обществе)		
	ФИЗИЧЕСКИЕ	<u>успех</u> (активная предпринимательская деятельность, инициатива, предприимчивость, состоятельность, благотворительность)	

Рассматривая достаток в системе культурологических понятий, можно также выделить характерные свойства этой категории. Важно отметить, что культурологические категории имеют в своей основе ту или иную доминанту культуры и вбирают в себя то, из чего выходят. Достаток является универсальной категорией культуры, отражающей все составляющие элементы, и в основе своей имеет экономическую и психологическую доминанту. Это определяет специфику свойств и функций данной категории. Присущие достатку свойства отражают его внутреннюю сложность и феноменальность.

Функциональность – свойство достатка как системы, состоящей из структурных элементов, функционально связанных друг с другом и выполняющих определенные функции по отношению к обществу. Совокупность ролей, которые выполняет достаток, охватывает сферу общественных и индивидуальных форм активности, что позволяет обозначить данную категорию как многомерную по своей функциональности.

Семантичность – свойство достатка служить средством выражения определенного смысла, а через него – и значения. Внешний вид человека, «состоящего» из элементов (знаков) достатка, несет в себе информацию различного уровня. Это влияет на то, как его воспринимают другие. Недаром говорят, что «встречают по одежке», ведь личная собственность, в том числе одежда, пища, а также дом, дача, машина и прочее, является важным компонентом имиджа, говорящего о статусе человека, образованности, вкусе, материальном положении и т.д. Кроме того, материальная обеспеченность становится опосредованной оценкой обществом способностей субъекта и его адаптированности к социальной среде.

Утилитарность – свойство достатка, выражающее принцип полезности. Любые предметы достатка в процессе жизнедеятельности вовлечены во взаимоотношения личности и мира вещей. Сталкиваясь с

вещью, человек оценивает ее с точки зрения своих потребностей и интересов. Она становится значимой для субъекта и в этом измерении включается деятельностью субъекта в социальную жизнь. Полезная вещь фиксируется в оценочном сознании как обладающая стоимостью, несущая в себе затраты общественно необходимого труда. В этом новом стоимостном измерении усиливается социальное качество вещи. Как товар она может обмениваться и этим включается в сферу экономической жизни общества. Эквивалентно выражая стоимость, она становится полезной вдвойне, потому что позволяет приобрести другие вещи, необходимые для человека именно в данных определенных условиях.

Ценность – свойство, проявляющееся на двух уровнях: материальном и духовном. С одной стороны, достаток как совокупность материальных объектов представляет для индивида определенную ценность в силу своего финансового эквивалента, то есть как материальная ценность. С другой стороны, человек нравственно, психологически, эмоционально отражает и переживает свое состояние собственника (человека с достатком) или не собственника (человека без достатка): удовлетворение, радость, озабоченность, страх, гордость, уверенность, тревога, довольство, состоятельность и т.д. Все эти субъективные, духовные формы бытия собственности (достатка), как составляющие духовный мир субъекта, также представляют для него ценность.

Универсальность – свойство достатка, заключающееся в его всеобщности и многофункциональности. Совокупность ролей, которые выполняет достаток, определяется не только экономической сферой. Затрагивая различные стороны жизни, этот концепт является культурно-психологической категорией. Элементы достатка, функционируя в обществе, взаимодействуют на стыке философии, культурологии, экономики, социологии, психологии. Предметом интенсивного размышления становится исследование социокультурной природы достатка как механизма общественных, внутрисемейных и межличностных

отношений.

Уникальность заключается в способности достатка осуществлять функцию социального патронирования. «Благотворительность – проявление сострадания к ближнему, и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему».³⁶ Определение, предложенное в одном из лучших словарей мира, содержит в себе указание на то, что, во-первых, благотворительность является отношением между имущим и неимущим, во-вторых, это отношение является ролевым. Ролевое позиционирование в благотворительности не может рассматриваться в отрыве от понятия «социальный статус». Эта функция может быть осуществлена только при наличии определенных материальных средств, то есть в состоянии достатка. Нельзя дать то, чего не имеешь. Это позволяет говорить об уникальном свойстве данной категории.

Антиномичность – свойство, присущее достатку, выражающееся в возможности оказания противоположного воздействия на психологическом, эмоциональном, культурном, эстетическом уровне, как отдельного человека, так и общества в целом. Достаток – противоречивая категория, вызывающая споры по поводу его позитивного и негативного влияния на общественную жизнь. Онтологическая природа достатка определяет многогранность его проявлений, что обуславливает его антиномичность.

Итак, достаток, имея культурно-морфологические свойства, является универсальной культурологической категорией. В его структуру входят как материальные, так и духовные, и физические компоненты. При этом достаток, являясь многофункциональной и всеобъемлющей категорией, приобретает все новые формы воплощения в современном сознании.

Полисемантическая природа достатка обосновывает множественность аспектов в его изучении:

---

³⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – Т. 7. – С. 55.

- онтологический аспект: достаток «укореняет» личность в бытии; человек осуществляет себя не только через посредство интеллектуальных и душевных сил, но и через ближайший окружающий предметный мир (дома, территории вещей и т.д.);
- антропологический аспект: начало достатка связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать свободные акты, преодолевая сопротивление окружающей среды, быстротечность времени путем присвоения части пространства;
- семиотико-семантический аспект: важной частью освоения мира является обозначение предметов и явлений, существующих в нем;
- психологический аспект: достаток активно влияет на внутренний мир человека, выявляет особенности его индивидуальной культуры, а иногда – отсутствие таковой;
- феноменологический аспект: достаток каждого индивида обладает неповторимостью и своего возникновения, и своего проявления, и своего развития.

1.3. Особенность воздействия достатка на культуру

Категории достатка, как элементу общественного сознания, присущи определенные культурные роли или культурные функции, которые могут быть выстроены в иерархическую структуру от наиболее общих до сравнительно частных.

Можно выделить несколько функций достатка, где одной из главных является **идеологическая**, которая была описана П. Бурдьё.³⁷ Согласно его теории, любая власть стремится укрепить свое положение через идеологию, которая транслируется на общество. На сегодняшний день денежный достаток как часть экономической сферы стал выходить из

---

³⁷ Бурдьё П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 287 с.

подчинения непосредственных потребностей, в обществе установилась тенденция власти денег, философии наживы. Экономика в новых рыночных условиях приобрела статус всеобщего, числящегося раньше за политикой, государством. При этом человек, в качестве производителя и потребителя, в погоне за деньгами представляет экономическую сферу общества, персонифицирует ее, становится человеком экономическим, действуя свободно и самостоятельно, руководствуясь собственным интересом и принципом выгоды.³⁸

Человек экономический инициирует рационализацию способа ведения хозяйства, управления во всех сферах социальной жизни. В свою очередь, этот процесс оказывает обратное воздействие – рационализирует образ мышления людей, способ их чувствования и образ жизни в целом. Деньги выступают в роли идеального образца, примера благосостояния, уподобляясь универсальной религии, не знающей национальных границ. Происходит проникновение экономического фактора во все уровни человеческого бытия, начиная от обыденного мышления и заканчивая официальной идеологией. Процесс вытеснения духовности и сама культурная ситуация теснейшим образом сопряжены с новым статусом экономических отношений. Меняется общественная психология человека; интенциональность сознания приобретает сугубо «денежный» характер, происходит становление новой идеологии, новой «денежной» ментальности. Уходит понимание богатства как важного условия и средства для достижения иных, более значимых целей с точки зрения ценностей человеческого существования, характерного для высокоразвитых сообществ. Достаток становится не средством, а целью; его ценности трансформируются из области материальной в экзистенциальную.

---

³⁸ Фасахов А.И. Мировоззренческие основы экономического выбора: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н.Новгород, 2002. – 26 с.

Однако тотальная экономизация человеческого мышления не может быть длительной, как показывает история, фетишизация денег в обществе периодически отходит на второй план, уступая место духовным основам бытия. «Монетарный» человек вновь должен уступить место «человеку разумному». Для этого должна развиваться культура пользования богатством, ибо деньги способны принести счастье или несчастье в зависимости от того, насколько правильно человек их тратит».³⁹

Второй уровень культурных функций достатка включает в себя основные средства совместной жизнедеятельности людей, то есть **социальную интеграцию**, где обеспечивается формирование оснований устойчивого коллективного существования и деятельности по признаку достатка. Здесь вырабатывается культура собственности, власти и социальной престижности, связанная с развитием приемлемых для данного сообщества технологий и форм властно-собственнических претензий и отношений, способах обретения богатства, формированием иерархии социальных статусов, порядка статусного роста и его символической маркировки (титулатура, регалии, престижные образцы одежды, украшений, обстановки быта, стилистики поведения, этикета).

В рамках данной функции может также осуществляться социальная селекция и мобильность – достаток служит механизмом закрепления личности за определенной группой, стратой, строем. Он в виде некоего набора материальных и нематериальных элементов способствует консолидации и самоидентификации людей как обеспеченного слоя посредством выработки общих целей и идеалов совместного существования, групповых интересов и потребностей, формированию системы образов групповой идентичности (социальных, психологических, культурных маркеров), субъективного чувства самотождественности и целостности.

---

³⁹ Фортунатова В.А. Богатство и деньги как культурологические ценности / Культурология. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 284.

Каждой общности соответствуют наборы образцов, которые помогают людям выделить свою культурную среду, распознавать и оценивать события и явления окружающего мира. Категория достатка способствует приобщению к определенной социальной группе с соответствующими культурными ценностями. Происходящая интеграция в отдельную группу «людей с достатком» со своим набором образцов поведения, культурных норм, этикой, «стандартами быта» создает, таким образом, субкультуру, которая в большей степени характерна для городской культуры. Ярким выраженным моментом в данной субкультуре является претензия на «элитарность» (далеко не всегда элитарность вкусов, а лишь статусное отличие), имеющая четко очерченные границы знаний, норм, ценностей, образцов, представлений, вкусов, идеалов, традиций. «Идеология группы, ее мифология и информационная политика наряду с языковыми и невербальными средствами создает довольно плотную границу, коммуникативный барьер, позволяющий строго дозировать объем и характер контактов с другими социальными образованиями».⁴⁰ Чем выше страта и достаток, тем действеннее она использует соответствующие символические ограждения.

С одной стороны, это положительное явление, обеспечивающее человеку место в культурной жизни в соответствии с потребностями и интересами, дающее возможность самореализоваться, способствующее самоидентификации личности и позволяющее ей чувствовать себя частью социальной общности или группы. Все это при отсутствии стабильности в обществе помогает человеку преодолевать жизненные трудности, психологические конфликты с обществом, с другими людьми и с самой собой.

С другой стороны, развитие субкультуры достатка приводит к внутренней замкнутости на чисто материальных ценностях, к ограничению

---

⁴⁰ Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. – М.: Механик, 1997. – С. 56.

культурных связей рамками только своей общности. Это лишает их подлинного динамизма, адаптации к изменениям жизненных ситуаций, гибкости к появлению и воспитанию новых социокультурных ценностей.

Следующей из наиболее общих и универсальных культурных функций достатка можно признать **семиотическую функцию**, где его элементы выступают как особые социальные знаки и символы. Как отмечает в своих работах Ю.М. Лотман,⁴¹ предметы созданной человеком «второй природы» также могут функционировать в качестве особых знаков, которые закрепляют накопленный социальный опыт, выражая определенный способ поведения и деятельности людей в предметном мире. Образы достатка можно рассматривать в качестве информационного аспекта жизни общества как социально значимую информацию, регулирующую деятельность, поведение и общение людей. Эта информация, выступающая как совокупный исторически развивающийся социальный опыт, может осознаваться людьми, но весьма часто она функционирует как «социально подсознательное». Ее передача возможна только благодаря закреплению в знаковой системе.

Люди являются творцами своего мира, они создают «вторую (искусственную) природу», предметы культуры, а также духовные символы, которые упорядочивают отношения. При этом любой социальный знак может рассматриваться в качестве индикатора достатка. Человек, являясь порождением культуры, может жить только в особой реальности созданных им значений – в мире символов. «Я поддерживаю, – пишет К. Гиртц, один из лидеров символично-интерпретативного подхода – по существу семиотическое понимание культуры. Полагая, вместе с М. Вебером, что человек есть животное, подвешенное к паутине значений, которую он сам сплел, я понимаю культуру как эту паутину и ее анализ,

---

⁴¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.; Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.

следовательно, не как экспериментальную науку в поисках закона, а как интерпретативную в поисках значения».⁴² Делом социальной семантики становится изучение знаков различий в символической структуре и их интерпретация. «Поскольку человек живет не только в мире реальном, но и в мире символическом, мы можем рассматривать имидж как единицу именно этого символического мира».⁴³

Человек с достатком, зачастую вовлеченный в предпринимательскую деятельность, предъявляет особые требования, например, к одежде, так как внешний облик – первый шаг к успеху. Костюм человека с достатком служит своеобразным кодом, свидетельствующим о степени его солидности и надежности. Как и у всякой социальной группы людей, здесь сложился свой стереотип. Можно говорить о дресс-коде человека с достатком, в котором каждый элемент помимо утилитарной функции выполняет еще и семиотическую – служит выражением смысла обладания, самодостаточности, уверенности, богатства. Ни один из элементов не может быть взят случайно, что может нарушить общее впечатление. Его может испортить мятый, несвежий носовой платок, полуоторванная пуговица или привычка протирать очки концом галстука, отечественная привычка дополнять пиджачную пару с галстуком босоножками, из которых выглядывают носки, слишком резкий запах одеколona или лосьона после бритья. Дешевая дамская сумочка не может сочетаться с дорогими туфлями или дорогой maik-ар с ароматом дешевых духов. Происходит нарушение общего контекста, ядром которого является достаток.

Бытие человека с достатком в виде символьных знаков можно рассмотреть и на примере адаптирования своей среды обитания (интерьер дома, участка, подъезда, офиса). У владельца формируется особый эмоционально-нравственный способ выражения своего существования в

---

⁴² Geertz C. The interpretation of Cultures. – London, 1973. – P. 5.

⁴³ Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – С. 19.

этом мире. Отражение на уровне человека может иметь как объектную, так и персонифицированную форму, где знаками будут являться как предметы, так и сами люди. Внешний облик и поведенческие проявления другого человека выступают той материальной оболочкой, той формой, за которой скрыто содержание, «значение» данного знака – его собственные способы и механизмы жизнедеятельности. «Персонифицированный знак оказывается генетически первичным по отношению к знаку-вещи».⁴⁴ Свою функцию быть знаком для Другого человек с достатком «усиливает» и «удлиняет» с помощью вспомогательных средств – предметов достатка (одежда, аксессуары, вещи, жилище и т.п.). При этом средства достатка позволяют человеку выступать в роли знака, открывающего определенные смысловые конструкции.

Функция коммуницирования, а также сложение языков обмена информацией (вербальных, невербальных языков жестов и телесной пластики, символических и церемониальных действий). Все знаковые системы, функционирующие в обществе, служат средством коммуникации между людьми; знаки достатка являются элементом одной из таких систем.

Коммуникативная функция достатка состоит в том, что от одних людей к другим передаются определенные стандарты и культурные образцы, наделяемые значениями социального престижа и статуса. Вместе с этими стандартами происходит передача обозначаемых ими ценностей и вкусов. Культура может быть рассмотрена как относительно автономная от индивида система трансляции коллективного опыта, поток сообщений, передающих информацию. То, что проявляется в западном обществе «социальных достижений» как символическая динамика изменения статуса путем прямой экспансии в физическое, социальное и культурное пространство (дома, поместья, автомобили, звания, посты, образование,

---

⁴⁴ Глотова Г.А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 28.

коллекции произведений искусства, и т.п.), в обществах с более стабильной статусной диспозицией, может осуществляться не только в переносном, но и в прямом смысле как игра.⁴⁵

Форма и характер сообщений предъявляют негласные условия своим участникам. Эти условия при операциональном подходе могут восприниматься как правила, а их выполнение – как поощрительный механизм игры в социальные взаимодействия и перемещения. При этом общество как воспроизводящая коммуникация предполагает возможность наследования символов, а также их значений и смыслов не только внутри человеческих ассоциаций, но и в социальном пространстве и времени.

В этом смысле можно рассматривать процессы ассимиляции, «культурное подражание» низших слоев образу жизни элиты. Человек, с этой точки зрения, сам целиком предстает как артефакт, продукт культурного производства, создавая обратную перспективу, образуя среду, фон, контекст общества, которое существует как система воспроизводства культуры посредством коммуникации. При этом на первый план выступает проблема кодирования или маркирования, где достаток играет главную роль. Посредством знаков достатка происходит обмен информацией между людьми, которая реализуется в виде процессов символизации объектов и явлений, где формируются обозначающие понятия, слова, знаки и символы, осуществляющие невербальный обмен информацией.

Престижная функция. Понятие достатка прочно связано с положением человека в обществе, его статусом. Преобразование социальной структуры в нашей стране сопровождается разрушением одних и возникновением других оснований группового самопричисления. Расслоение отражает процесс развития социального неравенства и иерархического группирования людей на социальных уровнях, которые различаются между собой престижем, собственностью и властью.

---

⁴⁵ Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. – М.: Механик, 1997. – С. 57.

Роль социального престижа, оценки членами сообщества реальной, иллюзорной или сознательно демонстрируемой социальной позиции действительно велика. Она создает мифический, знаковый, символический мир разделяемых большинством ценностей и оценок. П. Бурдьё развил «концепт роли престижа, репутации, имени, официальной номинации и идее символического капитала, который наряду с экономическим, культурным и социальным капиталами определяет влияние (власть) и позицию своего носителя в общественном пространстве».⁴⁶ Социальный статус человека, обозначающий его принадлежность к определенной социальной группе, делает характеристику положения более ассоциативной («престиж»), поскольку обозначает не только уровень его индивидуальной позиции в социальной структуре, но и корпоративные возможности, потенциал включающей его общности, в процессе статусного закрепления большую роль играет символическое оформление занятого ею пространства.

Таким образом, непосредственная включенность в систему социальных взаимодействий, развивающихся по определенным согласованным нормам, является основанием стратификационного порядка в любом обществе. Социальная субординация в этом смысле держится на статусе, признании социальных прав и символических барьеров. «Этажи» общества очень четко разделены ценностями, культурой и привилегиями. Статус является, как было обосновано Бурдьё, своего рода символическим капиталом, который приносит своему носителю разного рода преимущества или убытки.

Приоритеты социального наследования харизмы «людей влиятельных» сменились приоритетами «людей обеспеченных», так как в значительной степени поменялись порождающие доминанты между этими двумя характеристиками. Возможность инвестиции создает сегодня приоритеты не только первому, но и второму поколению «новых русских». Если первое поколение манкирует ценностями образования «для себя»,

---

⁴⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 58.

поскольку горячие деньги важнее для приобретения высокого социального имиджа, чем статусные приращения по критериям культуры и образования, то для наследников они считают не только более престижным, но и функционально важным получение дефицитного и высококлассного образования. «В новых статусных группах властной и экономической пирамид отмечаются некие критические точки «насыщения», по достижении которых базовые критериальные основания прагматично-функционального плана трансформируются в достигаемые цели номинации и символических ценностей».⁴⁷ Это проявляется в социальной погоне за званиями – знаками действительных социальных значений, в приобретении реквизитов для демонстрации своей социальной принадлежности.

Некоторые исследователи⁴⁸ в этой связи выделяют особый тип сознания – *статусное сознание*, при котором в фокусе деятельности оказывается внешняя, видимая, демонстративная сторона жизнедеятельности – «стиль жизни», а сама деятельность сводится к потреблению символов престижа – *престижному потреблению* – присвоению материальных и идеальных объектов культуры с целью символизации и индикации социального положения. Возникает возможность манипулировать общественным мнением обманным путем, достигая его признания и поощрения, присваивая символы статуса, характеризующие достаток (престижные символы). «Социальный мир объективно представляется как символическая система, пространство стилей жизни и группы по статусу, характеризующееся различными стилями жизни».⁴⁹

Согласно теории Т. Веблена, источник престижной деятельности нужно искать в таких психологических феноменах, как соперничество и

---

⁴⁷ Там же. – С. 63.

⁴⁸ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 379 с.; Бурдьё П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 287 с.; Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. – М.: Механик, 1997. – 207 с.

⁴⁹ Бурдьё П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 196

зависть. Склонность к завистному сравнению и соперничеству – черта, пронизывающая всю человеческую природу и имеющая глубокие корни. «Мерилом же преуспевания в сопернической борьбе является богатство, деньги».⁵⁰ Достаток является одним из факторов повышения или понижения престижа тех или иных явлений, ценностей, культурных образцов и т.д.; выполняя, таким образом, престижную функцию.

Функция, формирующая **культуру социального патронажа**, которая проявляется в традициях оказания материальной поддержки. Культура социального патронажа включает в себя два основных аспекта: меценатство (направление материальных средств на развитие искусства) и благотворительность (направление материальных средств людям).

Что касается меценатства, то особое место в развитии различных видов художественной культуры занимают меценаты, имеющие своих предшественников еще в древней истории многих стран. Этим видом патронирования занимается сравнительно небольшая группа очень богатых людей, хотя в скромных размерах к ней могут присоединиться и люди среднего достатка, что и происходит в последние десятилетия в развитых странах. Очень часто меценатами являлись преуспевающие дельцы. Еще на заре предпринимательства богатые купцы и фабриканты выступали меценатами, получая за вознаграждение от художников свои изображения. Именно богатство было условием расцвета живописи, архитектуры, музыки, книгоиздательства. И хотя в этом проявлялась большая доля тщеславия, это богатство, соединяясь с культурой, служило и на пользу последней, так как поддерживало ее существование через обеспечение заказов на произведения «высокого искусства», получившего признание во вкусах культурной элиты.

Предпринимательство и культура, или вопрос соотношения богатства и культуры, всегда был неоднозначным в философии.

---

⁵⁰ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – С. 140.

Предпринимательство постоянно играло и играет значительную роль в регуляции культурной деятельности, и эта роль неизменно возрастала по мере развития рыночных отношений, где основным механизмом влияния предпринимательства на сферу художественной культуры является рынок. Конечно, и большой бизнес тем самым добивается нейтрализации отношения к нему в общественном сознании и расширения сферы симпатий его деятельности. «Но, немаловажно, что, идя навстречу творческим пожеланиям культурной элиты, большой бизнес ослабляет критику в свой адрес со стороны радикально настроенной творческой интеллигенции, а, удовлетворяя потребности масс, и, навязывая эти потребности, адаптирует широкие слои населения к функционированию в условиях массового общества».⁵¹ Для данного типа деятельности еще в большей степени, чем для других субъектов социального регулирования культуры, характерна рекламная сторона. В современных условиях различные слои бизнеса, беря на себя определенную долю участия в регуляции культурной сферы, оказывают сильное влияние на ее содержательную сторону.

Другой аспект функционирования достатка в обществе – благотворительность – способствует осуществлению культурного взаимодействия и выработки гуманистических качеств. Господствующие в течение последних веков рационалистические ценности привели к кризису европейской культуры, а точнее гуманистической традиции. Стало характерным крайнее развитие индивидуализма, рационализма и утилитаризма. Материальная и духовная несвобода современного человека одновременно угрожает ему стать негуманным, поскольку нормальное отношение человека к человеку становится затруднительным.⁵² Образ

---

⁵¹Литвинов В.А. Богатые люди: опыт социального исследования // Обществознание в школе. – 2000. №1. – С. 2-12.

⁵²Малашия Г. От человека экономического к человеческому: критический взгляд на современную экономическую систему // Перспективы человека в глобализирующемся мире. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 278-318.

жизни, характерный для «экономического человека», интенсификация взаимного общения и совместного бытия, ограниченное пространство мегаполисов приводит к нарушению культурного диалога и отчужденности по отношению к себе подобным. Это привело к утрате подлинно человеческого участия к своим ближним и отречению от истинно человеческих отношений даже там, где они возможны и уместны. Сочувствие и сострадание в условиях, где ведущую роль играют лишь денежные отношения, подменяются принципами выгоды и корысти. Там, где утрачивается чувство родства со своим ближним, там человечество скатывается на путь антигуманности.

На смену присущему человеку от природы участливому отношению к ближнему приходит проявляющаяся в более или менее разнообразных формах абсолютная индифферентность. Всячески подчеркиваемые в отношении незнакомых людей высокомерие и безучастность уже не воспринимаются как проявления отсутствия внутренней культуры. На фоне материальных благ человеческое достоинство утрачивает свою уникальность и ценность. «Влияние денег на общественные отношения, на формирование мировоззренческих ориентиров обусловлено не объективным фактом их присутствия в бытии человека, а тем значением и смыслом, которыми их наделяет человек в своей субъективности».⁵³ Именно функция социального патронажа может способствовать возрождению культурного взаимодействия в резко дифференцированном по имущественному положению обществе, где отношения «Я и Другой» могут быть построены на принципах сострадания, сочувствия и помощи.

Эта функция достатка формирует традицию оказания материальной поддержки людям, оказавшимся в ситуации неконкурентоспособности (по возрасту, увечью, врожденным физическим недостаткам, пострадавшим от войны или стихийного бедствия), благотворительности, милосердия, идеологии гуманизма и абсолютизации ценности человеческой жизни,

---

⁵³ Кортунов В.В. Философия денег. – М.: Логос, 1997. – С. 32.

мифологии социальной справедливости. При этом роль человека с достатком в поддержании этих традиций и ценностей возрастает в глазах общества и переходит из чисто экономической области в область человеческих отношений.

Функция психофизиологической разрядки. В современных условиях эта функция достатка особенно значима, учитывая негативное влияние на индивида таких факторов, как монотонность многих производственных процессов, однообразие городской среды, стандартный характер промышленной продукции и так далее. Утомляемость нервной системы и психики человека в индустриальном обществе чрезвычайно высока. Однообразие повседневной жизни усугубляется тем, что житель современного города, в значительной мере отчужденный от природы, по существу, не подвергается воздействию разнообразия, имеющегося в природной среде обитания. Время и пространство сегодня воспринимаются по-другому: смена времен года, весьма ощутимая для архаической культуры, слабо ощущается современным человеком. При всем том, что архаические общества, безусловно, не отличались внутренним разнообразием культурных проявлений, их повседневная жизнь отнюдь не страдала монотонностью вследствие тесной связи с природой. Достаток, или деньги – один из ответов на насущную потребность в психофизиологической разрядке, в этом отношении функциональная нагрузка достатка очень велика. Российское общество, выбрав за образец западный образ жизни, вынуждено пожинать плоды такого выбора.

Протестантская этика Запада – это ориентированная на утилитарную рациональность этика. Богатство в ней не осуждается, а предписывается и оправдывается как следствие выполнения профессионального долга, а если и порицается, то только в том случае, когда оно служит мирским наслаждениям, лени и бездеятельности, то есть досугу. С утверждением данной этики меняется и отношение ко времени. Оно должно быть без

исключения заполнено служению утилитарным целям и практической деятельности. Возникший новый хозяйственный дух формирует особое отношение к праздности. «Для человека эпохи капитализма трудно понять мысль Аристотеля, в соответствии с которой, война существует ради мира, а занятия - ради досуга. Подлинный смысл жизни заключается не в труде, не в деятельности, не в разнообразных занятиях, а именно в досуге. Подразумеваемая под досугом деятельность, имеющую смысл лишь в ее соотнесении с творчеством и свободой, древние были убеждены в том, что смысл человеческой жизни состоит в том, чтобы наслаждаться миром и пользоваться досугом».⁵⁴ Нашим современникам необходимо научиться владеть искусством досуга, уметь себя в нем реализовывать, а не просто предаваться безумным тратам в игорных домах. Процессы в сфере досуга свидетельствуют о глубинных переменах в обществе и культуре. Противоречия в развитии материальной и духовной сфер выявляют причины возникновения нового смысла досуга. В этой ситуации он функционирует как явление, полностью зависимое от материальных процессов. Такое положение требует от личности перенапряжения, которое ведет к иссяканию в ней творческого начала.

Это также порождает противоречия между досугом и культурой. В новой цивилизации время досуга может увеличиваться, но отнюдь не служить пространством для развития культуры, а, скорее, для несовместимых с духовной деятельностью актов. Способность человека быть носителем культуры зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом. Но в силу того, что сама культурная ситуация теснейшим образом сопряжена с новым статусом экономических отношений, человек вынужден больше вовлекаться в борьбу за существование и улучшение собственных условий

---

⁵⁴ Хренов И.А. Мифология досуга. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1998. – С. 248.

бытия. В этом случае идеалы, диктуемые прагматическими интересами, пропитывают идеалы культуры и лишают их духовного наполнения.

Вместе с тем, между материальной и духовной свободой существует внутреннее единство. Современный же человек ограничен и в свободе, и в способности мыслить. Ситуация, когда умеренное и прочное благосостояние являлось бы доступным широким массам, культура получила бы больше преимуществ для своего развития, поскольку материальная зависимость порождает несвободу.

Даже те слои общества, которые обладают высоким уровнем доходов и независимой деятельностью, из-за характерной для современной экономической системы неуверенности в надежности достигнутого все шире вовлекаются в борьбу за качество жизни. Такая сверхзанятость во всех слоях общества ведет к умиранию в современном человеке духовного начала. Это продиктовано тем, что для работы над самим собою в оставшееся свободное время необходима сосредоточенность, которая в данных условиях дается нелегко. «Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для «экономического человека» физической потребностью».⁵⁵ Не познание и развитие становится главной жизненной целью, а развлечение, требующее минимального духовного напряжения, что оказывает обратное воздействие на развитие культуры.

В культурологии существует понятие культурной адаптации, которое подразумевает приспособление к особенностям и традициям одной культуры к другой. С точки зрения общения, поведения и деятельности людей в обществе, культурная адаптация является наиболее значимой в социализации личности, где особое место занимает достаток. Его **адаптационная функция** представляется очевидной.

Под воздействием меняющихся условий жизни в нашей стране после рыночных реформ для отдельных категорий граждан появилась возможность внезапно и резко увеличить свой доход. Поскольку прежде

---

⁵⁵ Там же. – С. 250.

мы находились в относительно равном материальном положении, то такая перемена привела к вынужденному приспособлению. Адаптацию психология определяет как приспособление организма к неблагоприятным воздействиям внешней среды, социология выделяет ее в качестве первой фазы социализации и связывает с усвоением человеческого опыта. Думается, адаптацию можно рассматривать и в другом ракурсе, применительно к личности, как культурную адаптацию – процесс активного усвоения человеческого опыта и приспособления к новым культурным формам с помощью различных средств, в том числе и денежных. В процессе довольно быстрой смены основ общественного строя и установления системы рыночных отношений произошел переход от одной цивилизации (формации) к другой. Сдвиги носят коренной характер и вызывают кризисное состояние, отражающееся абсолютно на всем. Эти явления переходного периода определяют актуальность социальной и культурной адаптации. По мнению Л.А. Гордона,⁵⁶ обобщенным выражением степени адаптации может служить состояние массового сознания, общественное настроение, отражающее готовность принять (не принять) новые социально-экономические порядки, переносить или не переносить тяготы перехода к ним. Адаптация заключается не столько в принятии отдельных элементов, сколько в социальном и психологическом освоении меняющегося типа общественных отношений, а также в социальной и психологической способности пережить чрезвычайную ситуацию перехода и способности воспринять новые культурные нормы и образцы.

В такой сложной ситуации перехода актуальными и важными становятся адаптационные функции культуры, и, в частности, деньги и собственность, которые служат своего рода проводниками в мир человеческих отношений, способствующие социализации личности.

---

⁵⁶ Гордон Л.А. Потери и обретения в России девяностых: Ист. социол. очерки экон. положения народного большинства. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – Т. 1. – 304 с.

Достаток помогает человеку лучше усвоить условия окружающей среды, способы и образцы социального поведения и действия, ориентирует в знаниях, нормах и ценностях группы, коллектива, организации, территориальной общности, в которые входит индивид, способствует социальной и культурной идентификации. Это дает возможность понять и принять особенности взаимодействия, общения людей друг с другом, а также формы предметно-практической деятельности на работе, в быту, в семье и дальнейшей инкультурации с учетом наличных социокультурных реалий. Как известно, деньги придают чувство уверенности и социальной защищенности; достаток для человека становится условием его комфортного существования в любом обществе. При этом возникает естественное желание адаптировать и среду своего обитания к собственным возможностям, благоустроить жилье, двор, улицу.

Одновременно адаптация к достатку затрагивает и внутренние процессы человека, происходит формирование определенного социального типа личности, соответствующего требованиям времени. Каждое поколение на основе самоидентификации подражает сознательно или стихийно сформировавшимся представлениям привлекательности образа. В современных условиях развития в нашей стране заполняет образ преуспевающей личности, которой неизменно сопутствует денежный успех и достаток. Основной функцией образца является ориентация поведения людей на нормы-идеалы, олицетворенные в нем. Такие образцы выполняют свои культурные функции в случае создания ценностей и норм, соответствующих жизненным ожиданиям людей. Средства выражения достатка (в частности одежда, модные вещи) – один из способов приобщения индивида к социальному и культурному опыту.

Участие в достижении достатка связано с усвоением определенных социальных ролей, норм и ценностей. Важно не только содержание собственно модных стандартов, но и сам факт следования неким нормативным образцам, участие в социальной жизни как таковой. Это

участие благодаря достатку, где он служит одним из средств символизации, выступает в значительной мере в игровой и демонстративной формах, что облегчает процесс культурной адаптации и осуществляется посредством оппозиции, противопоставления образов жизни людей с различным материальным уровнем.

Воспроизводя одни стандарты, индивид в то же время отвергает другие. Подражая одним референтным группам и индивидам, участник достижения материального благополучия одновременно стремится отличаться от других референтных групп и индивидов. В процессе адаптации к новому статусу «человека с достатком» происходит изменение стереотипов сознания и поведения, постепенно создается новый общественный тип, и таким образом достаток оказывается одним из основных факторов культурогенеза личности, а его адаптационная функция переходит в **человекоформирующую**.

Реализация этой функции основана на потребностях личности, обусловленных общественными процессами. Человек творит самого себя в деятельности, направленной на их удовлетворение. Общество на разных этапах истории имеет неодинаковые возможности развития человека, его сущностных сил. Оно может блокировать одни потребности, стимулировать другие и вызывать к жизни новые. Таким образом, достаток по заказу общества начинает осуществлять человекоформирующую функцию.

В настоящее время оказались заблокированными ценности и нормы социализма, и происходит утверждение других с помощью трансляции образцов массовой культуры развитых капиталистических стран. В то же время сама культура оказалась заблокированной экономически, что ограничивает ее возможности в социализации личности, поэтому ее место занимают другие категории. Достаток и деньги начинают выполнять главные функции в обществе, которые традиционно выполняла культура. В этих новых условиях в процессе социализации человек поставлен в

ситуацию, предполагающую усвоение ценностей, норм, образцов поведения и деятельности, связанных с рыночными экономическими отношениями. Поскольку за предыдущие десятилетия не создана такая культура, для формирования новой социальности используются зарубежные образцы, где материальные блага занимают ведущее место. Но какого человека они создают, нужен ли он данному обществу, что может дать этот человек обществу? Оценка формирующегося человека с этой точки зрения возможна через выявление его основных черт. Если его характеризуют негативные черты, то культура – это единственное, что может противостоять этим процессам, начав формировать другой тип личности – творца.

В современных условиях требуется обновление культуры, гармонизация отношений между общественным и личностным началами человека, так как отказ от коллективных форм жизнедеятельности приводит к другой крайности – развитию индивидуализма и обособлению личности. По мнению Л.К. Кругловой,⁵⁷ гармонизации требуют личные и общественные проявления человека, индивидуальное и универсальное, духовное и телесное, рациональное и эмоциональное, природное и историческое. Это возможно при возведении в ранг общекультурной ценности яркой человеческой индивидуальности, что, в свою очередь, предполагает перестройку всей системы культуры, изменения ценностей и норм взаимоотношений человека и общества. Изменений требует и характер связей между материальными и духовными элементами в культуре. Культивирование ценности материальных благ, денег, в последнее время, не должно привести к одностороннему развитию нашей цивилизации. Нельзя упускать из виду невнимание к материальной стороне жизни человека, речь идет о глубоком одухотворении материальных элементов культуры. Оно предполагает возвращение определяющей роли моральных ценностей в систему культуры,

---

⁵⁷ Круглова Л.К. Социализм. Человек. Культура. – М.: Высшая школа, 1990. – 141 с.

наполнение всех сфер жизнедеятельности человека моральным содержанием.

Таким образом, культурные функции достатка, независимо от степени очевидности, играют важную роль в формировании как общественной, так и индивидуальной культуры. Наиболее главной и универсальной функцией достатка следует назвать человекоформирующую функцию. Ее можно считать активной и многообразной, так как достаток помогает в реализации индивидуальных потребностей и способствует формированию определенного типа личности.

Проведенный в главе анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Достаток – историческая категория, представляющая собой совокупность предметов материальной действительности, существующих во взаимосвязи с духовной сферой. Универсальное понятие, имеющее сложную, многофункциональную природу, обладающее диалектическим противоречием субъектно-объектного характера.
- Достаток относится одновременно к числу универсальных и феноменальных явлений, пронизывающих человеческое бытие, а онтологическая природа достатка определяет многогранность его проявлений. Категория достатка обретает новые функции в современной социокультурной среде.

ГЛАВА II. Достаток в исторической психологии русского народа

Корни нашей экономической культуры были сформированы в течение многих столетий развития российской цивилизации. Культурно-исторический фактор формирования установок на социально-экономическую зависимость тесно связан с понятием менталитета нации как исторически сложившегося долговременного умонастроения, единства сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок.

Понятие ментальности позволяет описать своеобразие видения людьми, живущими в конкретной культуре, окружающего мира и объединить специфику реагирования на него. Проблематика национального менталитета занимает существенное место в работах классиков российской исторической науки и социальной философии: В. О. Ключевского, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, Г. П. Федотова, А. И. Ильина.

Народное сознание выражает глубинные структуры культуры, которые малоизменимы и составляют национальное своеобразие культуры.

Богатство и собственность в менталитете народа определяется характером его социальной деятельности. Последняя выражает совокупность исторически сложившихся функций народа, прагматику его поведения, потребности и способности. Прежде всего, это характеристика мотивационных установок этноса, его ценностных ориентиров бытия. Они характеризуют социальные устремления, его интересы, идеалы, систему ценностей, специфику самоопределения в системе человеческого рода. Поэтому необходимо рассмотреть особенности формирования категории достатка в социокультурном сравнении.

2.1. Архетипические образы достатка в народном сознании

Долгое время исследователи⁵⁸ выделяли основным рычагом общественного прогресса только экономические факторы, оставляя в стороне социокультурные. Не учитывались ни духовные, ни религиозные, ни исторические стороны, которые имеют не менее важное значение для развития общественного строя и представляют особый интерес при изучении отдельных феноменов.

С развитием современной цивилизации человечество столкнулось с проблемой архетипного сознания. Современные исследования в области истории, этнографии, психологии, культурологии, культурантропологии показывают, что архетипное сознание, мифотворчество, неоязычество⁵⁹ появляются вновь, сохраняются и не только уживаются с успехами в области науки и техники, но порой побеждают цивилизованного человека. Поскольку «обнаруживая свое присутствие лишь в символически-образной форме»⁶⁰, они постоянно воспроизводят человеческий опыт в виде социальной памяти, а потому неискоренимы, и в этом проявляется их значимость как первых духовных выражений культуры.

Исследование природы архетипного сознания позволяет глубже понять национальную культуру. Обращение к проблеме архетипов в культуре выводит на проблему типологии культуры, религии, личности. Принято считать, что Россия исторически и геополитически выполняет роль некоего культурного синтеза, объединяющего два начала – восточное и западное. Это особый географический и культурный мир с особой евразийско-русской культурой. Русский народ по своей душевной

---

⁵⁸Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2001. – 254 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Ойкен В. Основы национальной экономики. – М.: Экономика, 1996. – 315 с.; Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Дело catallaxy, Б., 1986. – 701 с.; Гришин А. Мы как участники рыночных отношений // Вопросы экономики. – 2000. № 8. – С. 31-37.; Марьяновский В. Российский экономический менталитет // Вопросы экономики. – 1996. №9. – С. 158-160.

⁵⁹Монастырская И.А. Проблема архетипов в русской культуре // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8 – СПб.: Издательство Санкт-петербургского философского общества, 2001. – С. 300.

⁶⁰Юнг К.Г. Человек и его символы. – М.: С.Б.К, 1996. – С. 66.

структуре – народ восточный, и такие черты национального характера, как созерцательность, чувственность, эстетичность, эмоционально-образное, интуитивное восприятие жизни сближает его с восточной культурой. Россия – христианский Восток, который в течение нескольких столетий подвергался сильному влиянию Запада, и в своем верхнем структурном слое ассимилировал многие западные идеи. Н.А. Бердяев, говоря об особенностях русской культуры, особо выделял «мистику земли», чувство одухотворенности, миролюбия и любви по отношению к земле, а не стремление завоевать «жизненное пространство».⁶¹ Восточнославянские мифы, первоначальный состав которых сложился к тому времени, когда из разрозненных восточнославянских племен образовалось государство – Древняя Русь, относятся к X веку.

С древнейших времен скот считался основным богатством племени, семьи. Древнерусские источники постоянно называют Волоса или Велеса «скотским богом». Значит, этот бог покровительствовал хозяйству и, прежде всего, скотоводству. В Древней Руси скот, как и хлеб, был самой жизнью, олицетворением производящих сил, плодородия, богатства, а также важным объектом торговли. О состоятельности человека судили по количеству скота, которым он владел. И получается, что Волос был не только богом скотоводов, но и богом торговли и богатства.⁶² В культе Волоса важную роль играют шерсть, волос – все это символы достатка, благосостояния, плодovitости (здесь можно вспомнить русский свадебный обычай сажать молодых на тулуп, вывернутый шерстью наружу, а также устраивать брачную постель на шкурах животных, чтобы супруги жили богато). Корень «воло» и «вло» стал составной частью слова «володеть» (владеть). Славянское слово «бог» и «богатство» однокоренные слова, а «богатырь» состоит из двух частей «Бог» и «тырить» – нести (то есть

---

⁶¹ Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. – С. 107.

⁶² Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов: «Надежда», 1993. – С. 13.

иметь в себе много Бога). В богатстве, таким образом, отразилось отношение к собственности как дару богов, символу избранности и удачи.

Специфика древнерусских представлений о категории богатства лучше и образней всего выразилась в таком феномене культуры, как одежда. Одежда высших слоев общества не отличалась от одежды основной массы покроем, а лишь качеством используемой ткани. Те же срачицы, свиты, сапоги и кожухи. Только у рядового населения из простого полотна, грубого сукна – волоты, овчины, а у богатых из привозных паволок и аксамитов, заморского сукна, дорогих мехов. Знать имела некоторые отличительные детали туалета – богатые пояса, корзна, гривны, но каждый из этих элементов имел аналоги и в костюме простолюдина. Выбор платья для человека XI – XIII веков не был случайностью, поэтому есть основания считать относительно слабую дифференциацию древнерусского костюма показателем соответствующего развития социальной структуры. Разные слои общества не обособились еще настолько, чтобы возникла необходимость манифестировать свою социальную принадлежность при помощи совершенно различных подходов к подбору одежды. Знатный одевался богато и тем демонстрировал свое положение, простой человек – по необходимости беднее, но костюм был одинаковый.⁶³

Таким образом, категория богатства являлась одним из важнейших параметров социализации в древнерусской картине мира, как и в средневековом западе. Однако наши предки (восточные славяне) никогда не были под властью денег, золотого тельца, никогда не гнались за ними. Они считали богатство и золото грехом. Вот как об этом говорится в «Песне птицы Гамаюн»: мифах киевской ветви ведической религии.

В одном из эпизодов рассказывается о битве правдивого Перуна со скипер-зверем. Последний обращается к Перуну с просьбой не дать ему

---

⁶³ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историческо-бытовые очерки 11-13 вв. – М.-Л.: Наука, 1966. – 240 с.

смерть скорую, а дать три года сроку-времени и обещает подарить за это горы золота. Сильный бог Перун отвечает: «Я не дам тебе даже трех часов! Твое золото все неправое, оно кровью людскою полито!».⁶⁴ Смысл и правда для наших предков всегда были выше денег и золота. Еще одна из главных богинь восточных славян – Макошь. Ее имя составлено из двух частей: «ма» – мать, и «кошь» – кошелка, корзина. Макошь – мать наполненных кошей, мать хорошего урожая. Это богиня итогов сельскохозяйственного года, богиня урожая, подательница благ. Достаток ассоциировался с наполненностью, толстой сумой, дарами земли. Среди кумиров, поставленных Владимиром «близ двора теремного»⁶⁵, был идол бога, который в летописи назван Дажь-бог. Смысл его достаточно ясен: Дажь-бог – это бог, который дает благо, наделяет богатством. Это божество солнца, ибо именно солнце дает жизнь всему на земле, от него зависит урожай, а, следовательно, и благополучие.

Углубляясь в древнюю мифологию относительно понятия достатка, очевидным становится тот факт, что при всей антропоморфности мифологического мышления нет прямой связи человека с данной категорией. В это время понимание достатка только зарождается и напрямую связывается с окружающими предметами и явлениями, от которых человек имеет зависимость. Это непременно земледелие и плодородие, богатый урожай, золото, наличие скота и хлеба. Такое понимание, по существу, еще не является «достатком» в полной мере, а лишь формированием данного понятия.

Архетипичность достатка выступает как образец благополучия, довольства и комфорта. «Человеку свойственно искать удовлетворения и исполнения желаний как в том, что он еще не имеет, так и в том, что есть в избытке и чем он никак не может насытиться».⁶⁶ Вытесненные желания не

---

⁶⁴ Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – С. 35.

⁶⁵ Там же. – С. 32.

⁶⁶ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1993. – С. 30.

прекращают своего существования, так как энергия, им присущая, не изжита, – и в области подсознательного они продолжают быть активными, прорываясь в психическую жизнь.

В крестьянском фольклоре эпохи средневековья особым соблазном обладали мифы об обильной еде: мечта о стране Кокань, которая позже вдохновила Брейгеля. Но еще с XIII века она стала литературной темой как во французском фавлю «Кокань», так и в английской поэме «Страна Кокань». Для общей характеристики этого периода необходимо обратить внимание на чрезвычайно важное явление, накладывающее отпечаток на всю эту эпоху: постоянный голод. Средневековый Запад – это универсум голода, страх голода. «Чувство неуверенности влияло на умы и души людей средневековья и определяло их поведение – неуверенность в материальном обеспечении и неуверенность духовная. Ментальность, эмоции, поведение формировалось в первую очередь в связи с потребностью в самоуспокоении».⁶⁷

Воображение средневекового человека неотступно преследовали библейские чудеса, связанные с едой, начиная с манны небесной в пустыне и заканчивая насыщением тысяч людей несколькими хлебами. Чудо св. Бенедикта: «Великий голод свирепствовал во всей Кампаньи, когда однажды в монастыре святого Бенедикта братья обнаружили, что у них осталось лишь пять хлебов. Но святой Бенедикт, видя, как они удручены, мягко упрекнул их за малодушие, после чего сказал в утешение: «Как можете вы пребывать в горести из-за столь ничтожной вещи? Да, сегодня хлеба не хватает, но ничто не доказывает, что завтра вы не будете иметь его в изобилии». И действительно, на завтра у дверей кельи святого нашли двести мешков муки. Но и поныне никто не знает, кого послал для этого Господь».⁶⁸

---

⁶⁷Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – С. 213.

⁶⁸Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – С. 237.

Навязчивая мысль о голоде встречалась по контрасту и у богатых, где продовольственная роскошь, хвастовство едой выражали на этом уровне классовое поведение. Свое превосходство верхушка общества демонстрировала, прежде всего, в области питания. Излишество в пище было первым из излишеств. Тут напоказ выставлялись особые продукты: дичь из сеньориальных лесов, деликатесы, стоившие очень дорого, пряности и диковинные кушанья, которые готовили повара. Церковной роскоши, обеспеченной литургическими сокровищами, соответствовала рыцарская роскошь, которая также носила «продовольственный» характер. Сцены пиршеств занимают большое место в поэмах о героических деяниях. Эта социальная дискриминация бедствий, которые поражали бедных и щадили богатых, была характерна для средневековья, лишь в редчайших случаях голод был настолько велик, что не щадил все классы. Пища являлась наваждением для всего средневекового общества. Удовлетворив свою первейшую потребность – в пище, средневековые люди имели очень немного. Понятие «существование» есть социально-экономическое, даже историческое, культурологическое, а не чисто материальное и варьируется в зависимости от социальных слоев. Для массы достаточно средств существования, чтобы обеспечить чисто физиологические потребности: принятие пищи, одежда, жилище. Крестьянская масса была низведена до минимума жизненного уровня.

Для высших слоев понятие «существование» предполагало удовлетворение гораздо больших потребностей; оно должно было позволить сохранить им свой статус, не опускаться ниже определенного ранга. Однако в целом хозяйственная деятельность средневекового запада заключается именно в том, чтобы обеспечивать только необходимым.

Эта особенность средневекового Запада, описанная Ле Гоффом, была характерна и для отечественной истории. Трудно найти другое блюдо в русской кухне, которое бы так часто упоминалось в произведениях народного эпоса, как каша. В сказках, былинах, притчах она неперенный

атрибут, символ богатства и благополучия. Представления русских о роскоши также сводились к «продовольственной». Извечные легенды о сказочной стране с молочными реками и кисельными берегами являются ярким отражением этой тенденции. Именно в этих мифах, легендах, сказаниях таятся вечные человеческие ценности и истины, что составляет образ идеального общества, в частности, в русской ментальности.

В Древней Руси социально-мировоззренческие основы хозяйства, особенности сознания и поведения людей в этой области формировались в контексте общей духовной культуры. И в этом плане значительную роль сыграли традиции славянского язычества, которому были присущи представления о богатстве, как понятия «честь», «родовитость», «знатность». Богатство мыслится феодалом как средство достижения целей, находящихся далеко за пределами экономики. Богатство – знак, свидетельствующий о доблести, щедрости, широте натуры. Русское архетипическое сознание в отношении богатства обладает некоторой спецификой.

Духовную жизнь России на протяжении тысячи лет определяло православие, оно формировало менталитет нации. Для русского Православия характерно удивительное, почти забытое почитание бедности, как образа самого Христа.

Г.П. Федотов⁶⁹ отмечает «кенотизм» русских святых, любивших бедность, плохую одежду, жизнь вместе с низшими слоями общества. Тихон Задонский писал: «Богатство – Божие, ибо все боже есть, что имеешь, кроме грехов».⁷⁰ Каким бы мы богатством не обладали, не нам оно принадлежит, но Богу, и дано нам не ради нас одних, но ради ближних наших. Человеку только кажется, что богатство возвышает его, а на самом деле оно губит его, потому что, когда он привязывается к нему, в нем пробуждается жадность, скупость, стяжательство. Богатый является

---

⁶⁹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. – СПб.: София, 1991. – 352 с.

⁷⁰ См. Флоревский Г.В. Восточные отцы церкви IV века. – М.: МП «Паломник», 1992. – С. 212.

приставником, надзирателем над деньгами, которые он должен раздать нищим. Не тот богат, кто много имеет, а тот, кто много дает.

Одна из основных тем Иоанна Златоуста – это тема богатства и бедности. Нужно подчеркнуть, что для Златоуста это были нравственные вопросы, – социальные темы имеют для него, прежде всего, моральный смысл. Богатство соблазняет, прежде всего, владеющего. Опасно не только богатство, несправедливо и нечестно приобретенное, но и всякое имение. «Любовь к богатству есть неестественная страсть, – говорит Златоуст, – желание богатства ни естественно, ни необходимо, но излишне. Обоснования этого положения таковы: а) дух стяжания привязывает к вещам, Бог научает презирать их и отрекаться; б) мирскому пафосу стяжания, накопления, пафосу хранения вещественных благ противостоит евангельская заповедь: раздай нищим. «Не достаточно презирать богатства, – говорит Златоуст, – а нужно и напитать нищих, а главное – последовать за Христом».⁷¹

Уже в раннем христианстве содержатся идеи сознательной справедливости, равенства, организованной помощи неимущим, как общего долга. Христос не имел никакого имущества и жил в полной бедности, и этому примеру следовали его ученики. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, – гласило Евангелие от Матфея, – но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше».⁷² Не можете служить Богу и Мамоне одновременно. Христос призывал не заботиться о пище и одежде и жить, как «птицы небесные», которые «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы».⁷³

Познание мира в Древней Руси осуществлялось через христианское прочтение. Благодаря передаче посредством слова православных идеалов,

---

⁷¹ Там же. – С. 253.

⁷² Евангелие от Матфея (6, 19-21, 24).

⁷³ Там же (6, 26).

в душе русского народа прочно утвердился глубинный приоритет духовных ценностей над благами материальными. Развитие массовых нравственных идеалов России восходит к синкретической нравственности, сформировавшейся еще в догосударственных сообществах древних славян. Но постепенно вырабатываемые нравственные системы прочно связываются с практической деятельностью, входят в сознание людей.

До XVIII века в России не существовало понятия «экономика». Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название «Домостроительство». Домостроительство в понимании русского человека – научение вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Многие основы этой науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа «Домострой». Главная идея «Домостроя» (XVI век) – замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (нестяжательство), живущее по православным нравственным нормам.⁷⁴ Как справедливо отмечалось, духовное начало одухотворяет мир экономики. «Экономика оживает, когда все благословенно, и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни. В «Домострое» проводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси».⁷⁵

Русская цивилизация и русская традиционная культура сформировались на основе аграрной экономики, так земледелие было доминирующей отраслью. Состояние производственных сил определило тот факт, что основным хозяйственным субъектом выступала община.⁷⁶ В общинных идеалах нашли проявление не только традиции народа, но и его нравственные, духовные приоритеты. Общинные ценности были

---

⁷⁴ Домострой. – М.: Художественная литература, 1991. – 317 с.

⁷⁵ Очерки русской культуры 13-15 вв. – М.: Издательство МГТУ, 1969. – С. 327.

⁷⁶ Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси 12-13 вв. – М.-Л.: Издательство Академия наук СССР, 1963. – 364 с.

определяющими в формировании национального менталитета, порождали особенности культурной деятельности.

Хозяйство на Руси – это прежде всего богосоответственное занятие, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцелью, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и беспощадную эксплуатацию. Народному идеалу больше соответствует образ бедняка: «Бедность – святое дело», «У голыша та же душа», «Гол, да не вор; беден, да честен», «Хоть мошна пуста, да душа чиста». Идеалом крестьянина являлось не богатство, а бережливость и запасливость: «Запасливый лучше богатого», «Бережливость – половина спасения», «Домашняя копейка рубль бережет».

Но скупые осуждаются: «Кто до денег охоч, тот не спит всю ночь», «Скупому человеку Бог убавит веку». Можно отметить такие тонкости понимания сути греховности богатства: «Не от скудости скупость вышла, от богатства», «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть в прок не идет».

Среди неисчислимых духовных ценностей культуры многих народов особое место занимают эпические памятники: былины, легенды, сказания. Эпос более реалистичен, чем миф. В эпосе происходит не «мистическая сопричастность» ряда поколений к своему доисторическому прошлому, а реальная сопричастность (соучастие) к действительной истории.⁷⁷ Эпос отражает не всю историю народа, а лишь ее эпохальные события.

Словоцентризм обусловил в русском национальном сознании идею бедности как основу добродетели. Русская литература оказалась подлинно христианской, в смысле тех ценностей, которые являются для него основными.

Общая духовная настроенность, совокупность мыслей относительно различных явлений действительности проявлялась в народном творчестве,

---

⁷⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-пресс, 1999. – С. 177.

в частности, в создании различного рода сказок, притч, пословиц и поговорок, которая, по сути, представляет собой народную мудрость.

Сказки и притчи отражают обобщенное поэтическое и философское мировосприятие народа – его представление о добре и зле, о любви и ненависти, о богатстве и бедности.

Интересно, что понятия «русский человек» и «богатый человек» не отождествляются даже в сказках, где не существует границ для фантазии. Но в русских сказках и былинах нет идеи богатства. Если герой сказки совершает подвиги или отправляется в путешествие, то все это не ради золотых гор, а ради, например, спасения другого человека или поиска какой-нибудь диковины, или ради самопознания. Ведь нет ни одного персонажа западных сказок, который бы, не найдя себе применения в родном углу, отправился посмотреть мир, себя показать, авось, где и пригодится.

Зачастую на героя русских сказок богатство сваливается совершенно случайно: и невеста, и «полцарства в придачу». Культурологи полагают, что отторжение идеи богатства в нашей культуре обусловлено географическими особенностями.⁷⁸ Во-первых, климат: каждый день – новая погода, невозможно жить стабильно в таких условиях, и как следствие – невозможно делать накопления. Во-вторых, огромные пространства и постоянные перемещения. Символ русской культуры – конь. Это значит путь, дорога... Разве можно взять с собой в дорогу много богатства?

Русский народ никогда не был экономически свободным. Подавляющее большинство русского населения – крестьяне, работающие не на себя, а на князя, барина, помещика, поэтому особых доходов не имеющие. Отрицательное отношение к изобилию складывалось оттого, что

---

⁷⁸ Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. – М.: «Прогресс», 1995. – 354 с.; Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Альманах «Русская идея», 1997. – 446 с.; Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 524 с.

тот, кто имел богатство, нажил его не своим трудом, а за счет многих эксплуатируемых, то есть не своим умом и энергией, а чужими. Логическим следствием тысячелетней российской истории стало закрепощение личности, чему сопутствовало неумолимое ее подавление, холопское подчинение государю и государству; формирование рабского менталитета.

Но желание обладать имуществом, жить, ни в чем не нуждаясь, породило в сознании народа миф о мгновенном обогащении без особого труда (ведь собственными силами разбогатеть невозможно, а за счет других – плохо). Это желание ярко выразилось в русских национальных сказках, в которых скрыт глубокий смысл архетипичности достатка. Извечная русская мечта – идея быстрого обогащения без затраты усилий – воплотилась сегодня в «делании» денег из ничего.

Анализируя русские сказки и притчи, в которых затрагивается тема богатства, достатка, изобилия, меры и т.п. («Сказка о золотой рыбке», «По щучьему веленью, по моему хотенью»⁷⁹, притча о скупом боярине, легенда о кисельных реках и молочных берегах и др.), можно сделать следующие выводы:

1. Отсутствует идея богатства;
2. Скупость, жадность и другие пороки, связанные с личным обогащением, являются постоянным предметом порицания и насмешек;
3. Везением и вознаграждением одаривается только герой, который не ищет обогащения за счет других людей, он же является народным кумиром;
4. В некоторых сказках герой, не умеющий владеть достатком (даром), наказывается изъятием этого достатка (дара);
5. Скромный достаток не является пороком, а зачастую является идеалом в народном представлении.

---

⁷⁹ Русские народные сказки. – Мн.: Харвест, 1975. – 346 с.

Выражение мнение народа, народная оценка жизни, наблюдения народного ума заключено в пословицах. Не всякое изречение становится пословицей, а только такое, которое согласовалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших.

Пословицы и поговорки представляли собой и кодекс морали, и правила общежития, и наставления жизненной мудрости, запоминавшиеся благодаря своей форме на всю жизнь. В них нашла отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных проявлениях – это, как и в других формах творчества данного периода, уже антропологическая направленность изучаемой категории.

Пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий, явлений. Поэтому они «не сочиняются, а появление их как бы вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье...; их стоны и вдохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый. «Что не болит, то и не плачет»; что не дошло до народа, не касалось житья-бытья его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось, добром либо лихом, в быт его, то найдете и в пословицах».⁸⁰

Частая тема в пословицах – богатство. – бедность. Она занимает значительную часть – ¼ всех существующих пословиц. Тема достатка в

---

⁸⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 3 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 18.

пословицах – широкая и включает в себя несколько тем: материальное благополучие, умение хозяйствовать, соизмеряя доход с расходом, бедность и богатство. А материальное благополучие немислимо без крыши над головой, без жилья, без своего дома.

1. Тема – дом. Вполне обеспеченным может считаться лишь тот, у кого есть «Крыша над головой», «Свой угол». «Всякая пташка хлопочет – своего угла хочет», «Дай то бог и собачке свою конуру», «В своем доме хозяин – барин», «О том кукушка и горюет, что своего гнезда нет». Вообще человек смелей чувствует себя в своем доме. Это придает ему силы. Поэтому и говорят: «В своем доме стены помогают», «На своей улице бойка и курица», «Горе без дома», «Ни кола, ни двора» «[ничего не имеет, очень беден кто-либо; это собственно русское выражение. Кол (устар.) – полоса пахотной земли, шириной в две сажени]».⁸¹

2. Тема – богатый и бедный. «Взаимоотношения между бедным и богатым. Пословицы данного раздела чаще вспоминают бедные, сетуя на несправедливое распределение материальных благ, оправдывая свои поступки, осуждая богатых».⁸²: «Пока толстый сохнет, тонкий сдохнет», «Сытый голодного не разумеет», «Никто не ведает, как бедный обедает», «Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Шуба овечья, зато душа человеческая», «Богатый душу черту закладывает». Другие пословицы противопоставляют бедность богатству: «Богатство – с золотом, а бедность – с весельем», «Бедность учит, а богатство портит». Богатый не очень жалуется бедных: «И двери богатого стыдятся нищих». Богатых и счастливых не любят, отсюда возникает зависть: «Горе берет, что сосед хорошо живет», «В чужих руках лопать больше кажется», «На чужом дворе и курица с гуся», «Берут завитки на чужие пожитки». Но тут надо знать умеренность: «Много желать – добра не видать». О зазнайстве

⁸¹ Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского языка. Объяснительный словарь. – М.: «Сюита», 1996. – С. 143.

⁸² Там же. – С. 136.

богатого: «Полез в богатство – забыл и братство», «Ему теперь и черт не брат», «Богатый любит взять, но не любит дать», «Разбогатевший нищий милостыню не подает», «Богат да крив, беден, да честен». При богатстве и глупый человек не выглядит глупым: «С богатством ум приходит», «У богатого гупна и свинья умна», «С деньгами и дурак проживет», «Ума много, денег не так – вот тебе и дурак». В то же время говорят: «От нужды умнеют, а от богатства дуреют», «Сытое брюхо к ученью глухо». Никакого противоречия тут нет. Внешне богатый дурак выглядит умником. А на самом деле дурак при всех условиях остается дураком. Здесь речь идет о человеке средних умственных способностей. При богатстве человек умней не становится, ибо ему не надо много думать: думать о завтрашнем дне, слишком убиваться из-за мелких неурядиц и т.п. Бедному же постоянно приходится изворачиваться. Поэтому и говорят: «Проймет голод – появиться и голос», «Нужда научит есть калачи» [бедность, нищета научат быть непрехотливым; это собственно русское выражение. Объясняется тем, что нужда заставляла крестьян северных губерний России отправляться на заработки в южные губернии, где пекли пшеничный хлеб (калачи), в отличие от жителей севера, которые пекли хлеб из ржаной муки].⁸³ «Нужда жучит, нужда и учит», «Голь на выдумки хитра» (бедные люди всегда изобретательны).

3. Тема – деньги и заботы: «Лишние деньги – лишние заботы», «К пустой избе замка не надо».

4. Тема – бережливость: «Береги хлеб для еды, а деньги для беды», «Тот без нужды живет, кто деньги бережет».

5. Тема – доход-расход: «Запас карман не трет», «Не по достатку еда – та же беда», «По доходу и расход веди».

6. Тема – нужда: «Прежде всего, отметим, что в русском языке есть две нужды: нужда – бедность и нужда – потребность. Бедный человек живет в нужде, во всем нуждается. Богатый человек нужды не знает. Однако и он

---

⁸³Там же. – С. 137.

может испытывать в чем-то нужду. Это уже другая нужда: нужно купить что-то, нужно поехать куда-то, вообще нужно сделать что-то. Во всех случаях данную «нужду» легко заменить словом «нужно».⁸⁴ «Нужда свой закон пишет», «Нужда в хату – любовь из хаты».

7. Тема – голод: раньше богатство крестьянина в основном хранилось в сусеке. Есть запас в сусеке – человек сыт и богат. «В сусеке – хоть шаром покати», «Голод не теща – блинов не напечет», «Приснился кисель – ложки не было, ложку взял в постель – не приснился кисель».

8. Тема – безденежье-деньги: «Финансы поют романсы», «Не журишь, что у меня денег нет: придет время и у тебя не будет», «Деньги есть – на лодочке катаюсь, денег нет – на бережку мотаюсь», «Деньги есть – милый мой, денег нет – иди домой».

9. Тема – бедность: «Гол, как осиновый кол», «Бедность и мудрого смиряет», «Богатый перед богом грешен, а бедный перед людьми», «Бедность – не порок, но большое свинство».

10. Тема – жадность-скупость-бережливость-расточительство: «Жадным человек становится с того дня как начинает богатеть», «Жизнь на нитке, а думает о прибытке», «Скупой богат – беднее нищего», «Тонул – топор сулил, а вытащили – и топора жаль», «Бережливость – лучшее богатство», «Пушинка к пушинке – выйдет перинка», «Прожить лучше, чем нажить», «Щеголял смолоду, а под старость умирает с голоду».

11. Тема – труд и достаток: родные братья труд и достаток. «Земля – тарелка: что на нее положишь, то и возьмешь», «Глубже пахать – больше хлеба жевать», «Кто поздно встает, у того хлеба не достает».

Системное рассмотрение русских пословиц доказывает амбивалентное отношение к богатству в народе: оно осуждается и оправдывается одновременно.

Можно привести еще много примеров такого амбивалентного или негативного отношения к богатству также и в классической русской

---

⁸⁴Там же. – С. 139.

литературе. Уже в пушкинской «Сказке о золотой рыбке» осуждается неумная жажда все большего обогащения и власти. У Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого или И.С. Тургенева, А.Н. Островского или А.П. Чехова богатство – прежде всего греховная или злая сила, подрывающая человеческие отношения. Таким образом, художественная литература отражала устойчивые стереотипы в русском национальном сознании, которые претерпевают процесс сложного и медленного изменения в последние десятилетия нашего времени.

На Руси достаток не отрицался, но богатство никогда в добродетелях не числилось. Богатство и бедность на Руси допускались, при этом предметом осуждения были лишь человеческая черствость, грубость, жадность, алчность, карьеризм, лицемерие и прочие человеческие недостатки. И богатство, и бедность были лишь тогда осуждаемы, когда они являлись следствием человеческих пороков.

Из материалов народного творчества видно, что, во-первых, потребление сверх меры в народном сознании считается избытком и принимается за недостаток. Порицается не недостаток, а богатство, то есть очень большое количество чего-либо. Во-вторых, миф о благополучии, как отсутствии голода, то есть желание жить в достатке, но не в богатстве – характерная черта русского национального менталитета.

Итак, можно сделать следующие выводы:

- Достаток – не стабильная категория, и на протяжении всей истории имеет свойство изменяться и эволюционировать. В различные периоды активизируются и начинают активно прорываться в сознание те или иные архетипические образы, выражающие «дух времени». Конкретное содержание любого архетипического образа черпается человеком из обыденности, окружающей действительности.
- На начальных стадиях общественного мышления достаток, или благополучие было сформировано как один из универсальных образцов, под влиянием которого находились не только элементарные

поведенческие реакции, но также восприятие, воображение, незаметно определяющее жизнь человека. Этот универсальный образ был своего рода готовностью снова и снова репродуцировать те же самые или схожие мифические представления.

- Архетипичность достатка формируется в общественном сознании как образец благополучия, плодovitости, полноты жизни, дара. Динамика времени определяется и выражается господствующими в обществе архетипами; смена времен означает смену архетипов или, по крайней мере, способов их проявления. Ведущие архетипы эпохи, к каким относится и достаток, сегодня завуалированы и опосредованы социальными ритуалами и общепринятыми полусознательными представлениями.

2.2. Понимание достатка во времени и пространстве

Несходство духовной природы западной и восточной обусловлено, по В.О. Ключевскому, двумя различными культурными течениями – римско-католическим и византийско-православным. Наша культура с более слабыми предпосылками прагматического мировоззрения.⁸⁵

В России сложилось иное, чем на Западе отношение к деньгам и богатству. Согласно идеям православия, «кумир богатства» всегда включает представления и о духовных благах, и о нематериальных ценностях. Русская общинная духовность не могла позволить, чтобы один был сыт и доволен, а другой голодал, в отличие от представителя западной культуры. Система нравственных ценностей на западе, преодолевшем азиатизм, центрирована вокруг автономной личности, не связанной определенно с какими-то социальными структурами. Протестант, буржуазный человек живет ради дела, «служит себе», в лучшем случае

---

⁸⁵ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Прометей; Дизайн ТПО «Квадрат», 1991. – 334 с.

своей семье, утешаясь, что тем самым служит Богу, или для атеистов – обществу. Традиции, ритуалы, идеи и ценности, не сопрягающиеся с выгодой и эффективностью, теряют свое значение. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах, для русского человека свобода – это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие богатства к свободе, т.е. к возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги. Русский человек видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающей его душу и обедняющую жизнь.

В России отсутствовала глубокая духовная основа капитализма. Богатство скорее порицалось, чем одухотворялось и оправдывалось. Как гласит русская пословица: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Религиозное сознание не могло до конца принять идею благости личного обогащения. Принципы православия привели к формированию определенной этики, основными постулатами которой являются:

1. Учиться жить в скудости. При ухудшении материальных условий остается место для оптимистического, жизнерадостного отношения к жизни. Важнейшим является душевное здоровье и равновесие;
2. Спектр физиологических потребностей не так уж широк. У человека есть только простые потребности – еда, одежда, жилье;
3. Нет места культу холодной справедливости («Суди по совести, а не по закону»);
4. Нестрогая прибыльность рыночного обмена. Сущность этого принципа состоит в отказе от требований жесткого торга с обязательным извлечением выгоды, получение прибыли любым путем несвойственно русским людям.

Таким образом, под влиянием двух важнейших направлений христианства прививались различные черты в экономической культуре общества.⁸⁶

Таблица 2.

Качественные характеристики религиозных традиций

Протестантизм	Православие
<i>1. Индивидуализм</i>	<i>1. «Общее житие», корпоративность</i>
<i>2. Частная собственность</i>	<i>2. Коллективные формы владения и хозяйствования</i>
<i>3. Приоритет материальных стимулов труда</i>	<i>3. Важнейшая роль социально-духовных стимулов труда</i>
<i>4. Практический рационализм, хозяйственный эгоизм</i>	<i>4. Одухотворенность поведения, наличие общественного идеала</i>
<i>5. Материальное благополучие как выражение совершенства и высшего благоволения</i>	<i>5. Почитание духовных ценностей выше материальных</i>
<i>6. «Индивидуальный разум» как носитель истины</i>	<i>6. Приоритет «соборного разума» (соборность – это добровольное объединение людей для общих действий независимо от имущественного, индивидуального, сословного неравенства)</i>

Под влиянием экологических (т.е. экономических в аристотелевском смысле), религиозных и этических факторов сложился определенный российский этнос. Усвоенные правила поведения составляют основное отличие его членов от другого. Выделить главные черты российского этноса очень сложно, так как доказательства существования этих черт

⁸⁶ Экономическая психология: Социокультурный подход. – СПб.: Питер, 2000. – С. 94.

проверяют только историей. Смелость описать эти черты берут на себя немногие исследователи. Например, Н. Я. Данилевский⁸⁷ выделил такие черты, которые подтвердила история:

- неуважение к казенной собственности;
- склонность к утопическому мышлению;
- природное долготерпение;
- совестливость;
- нравственный максимализм.

И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Д. С. Лихачев считали,⁸⁸ что русский народ является исключительным явлением всемирной истории, поскольку обладает чертами, отсутствующими у других народов, – сознательным предпочтением личным, индивидуальным интересам народных, государственных, общих; а интуитивные способы понимания преобладают над всеми формами логического анализа.

Особенность русской жизни в ее созданном «вторичном историческом хаосе»,⁸⁹ о котором писал Г. В. Флоровский; ее разрывы, измены, отречения, крайности, соблазны, отсутствие решимости и воли сделать выбор и принять ответственность, роковая впечатлительность, медиумическая зачарованность и пренебрегающая логической дисциплиной и трезвостью чрезмерная отзывчивость – все это, так или иначе, отражается и на отношении русского человека к вещам, шире – к имуществу, собственности, выгоде, достатку. Эти отношения во многом странны и не выяснены и определяются двумя установками: вещь – ничто (пропади она пропадом!; не в вещах, деньгах счастье) и вещь – все! Это обстоятельство являлось и тормозом и спецификой русской культуры.

⁸⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.

⁸⁸ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1998. – 463 с.; Лихачев Д.С. Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1981. – 71 с.; Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. – М. Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. – Т. 1. – 590 с.; Аксаков К.С. Отчего так нелегко живется в России? – М.: РОССПЭН, 2002. – 1007 с.

⁸⁹ Флоровский Г.В. Пути русского Богословия. – Вильнюс: Б. и., 1991. – С. 500.

В противовес Западу В. Зомбарт⁹⁰ характеризует дух хозяйственной жизни России, как в основном антикапиталистический. Исходной точкой хозяйственной деятельности русского человека явилась его естественная потребность в благах. Сколько благ он потреблял, столько и должно быть произведено. В. Зомбарт называет такую форму хозяйства расходным хозяйством, где господствует приоритет потребности. Русский хочет работать столько, чтобы заработать свое пропитание. В России никогда не было в природе человеческого стремления заработать как можно больше, сделаться как можно богаче. Здесь отсутствовал предпринимательский дух в смысле жажды денег, склонности к счету и осмотрительности. Для национальной психологии русского человека характерно понимание греховности богатства, если оно рождается не трудом, а за счет капитала. Материальное обогащение не почиталось в народе в качестве одной из важнейших ценностей. «У русских первые движущие силы – любовь и вера. Без любви русский человек становится лентяем и мотом, красиво прозябающим существом, без веры – безразличным резонером. Русскую нацию всегда мучили вечные духовные вопросы, материальное преуспевание никогда не было главной целью».⁹¹ Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели. Традиционная в России мораль с опаской смотрела на успех и богатство.

В народной среде царило убеждение, что предпринимательство – разновидность мошенничества. Поэтому большая коммерческая удача знаменовалась среди русских купцов возведением храмов. Мечтой жизни большей части русских предпринимателей было желание построить храмы. Последние возводились на добровольные пожертвования купцов и промышленников. Так своеобразно выражалась идея искупления за богатство, которое, как считалось, всегда было связано с грехом.

⁹⁰ Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – 442 с.

⁹¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 7 т. – М.: Лексика, 1994. – С. 8.

Народы Запада своими благодетелями прикованы к земной жизни и земным благам. Православная русская культура «одержима человеческим», а потому для нее ни одна конкретная вещь и форма не является идеалом. На Западе сильна сращенность человека с вещественным миром, вещи как посланники внутреннего мира человека, поэтому культура Запада – вещностная.

У большинства россиян и сегодня предпринимательство стоит вне нравственных законов. Это чувствуют и наши бизнесмены. Поэтому общинность вынуждает их ориентироваться на то, чтобы оправдать себя благотворительностью в глазах людей. При этом, как отмечает В.П. Кожевников,⁹² все это происходит в условиях, когда предприимчивость как человеческое свойство вообще, – одна из характерных черт русских. Перечисленные выше черты, свойственные именно для русского этноса, определяют специфику формирования экономической культуры в целом, и в частности, такого понятия, как достаток.

На формирование экономической культуры оказывают влияние также природно-географические особенности жизни.⁹³ Генезис категории достатка в русском сознании имеет свои существенные особенности, заключенные, прежде всего, в природно–климатических и геополитических условиях.

Специфические географические реалии России – равнинный характер местности, ее широта и многочисленные природные данные (огромные леса, поля, реки, полезные ископаемые и т.п.) сформировали в сознании русского человека понятие богатства, причем богатства общего пользования (т.е. «ничейного»), а не частного, следовательно, не нуждающегося в частной заботе. Обширность территории страны и малая плотность населения, а также богатства ее природных ресурсов

---

⁹² Кожевников В.П. Модель русской культуры. – М.: «НИЖКНИГА», 1995. – 238 с.

⁹³ Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 398 с.

обусловили возможность ведения экстенсивного хозяйства. Обширность внутреннего рынка создала предпосылки замкнутости на собственное экономическое пространство. Все это привело, в отличие от западных стран, к позднему развитию рыночных отношений. Отсюда же возникла и манера расточительности, а вечный недостаток времени и суровые природные условия, часто сводящие на нет результаты труда, не способствовали культивированию привычки к тщательности и аккуратности в работе. При этом возникают истоки дурной склонности относиться к делу «на авось», без особой рачительности и строгости. С другой стороны, преобладающим типом хозяйства было натуральное, сельскохозяйственное производство. Российский крестьянин находился в тяжелых условиях: худородные почвы, суровый климат, короткий цикл сельскохозяйственных работ. Средняя урожайность в России была низкой, а трудовые затраты исключительно высокими. Такие крайне тяжелые условия труда русского землевладельческого населения наложили отпечаток на особенности формирования понятия достатка. Это выразилось, прежде всего, в способности россиян к крайнему напряжению сил, к долготерпению и привычке жить в скудости.⁹⁴

Большое влияние на специфику формирования русской цивилизации оказали географические условия расселения славянских и других народов, организация их самоуправления, причем с самых первых шагов и на протяжении всей истории, созданию общинных, групповых структур управления, коллективных, часто артельных форм организации труда, заложили основы последующего развития кооперации. Через культуру как носителя исторической памяти народа подобная организация входила в систему представлений и ценностей, определяя и выбор строя экономической мысли.

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, то есть имела такой хозяйственный уклад,

---

⁹⁴ Экономика русской цивилизации. Под ред. О. А. Платонова. – М.: «Прогресс», 1995. – 354 с.

который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. На Руси сложился уникальный экономический механизм, обеспечивавший население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сформировалась система замкнутого самодовлеющего хозяйства, главными чертами которого была самодостаточность и самоудовлетворенность. Такая система экономического уклада целой страны проецировалась на отдельные хозяйства.

Открытость и отсутствие естественных границ Российского государства не позволяли населению быть защищенным от нашествий, набегов, вторжений и войн. Последствия этих нашествий – постоянные поборы и дани, что формировало в сознании русского человека потребность оставить «что-то про запас», «в закромах», «на черный день». Так рождались такие качества, как расчет, дальновидность и предусмотрительность. В русском сознании достаток – это, с одной стороны, щедрость и широта размаха в тратах; с другой, автаркия, самоудовлетворенность, самодостаточность, без излишеств, «крепкое» хозяйство, наличие «загашника».

На основе русской моральной традиции в конце XIX – начале XX столетия в России складывались образцы хозяйственного деятеля и экономического поведения применительно к условиям рыночного хозяйства. Православно-христианские корни русской традиции сделали невозможным для нее принципиальное неприятие частной собственности. Ибо, как известно, христианство полагает собственность священной. Поэтому достаток, частная собственность не отвергаются безусловно. Однако для русской моральной традиции характерно негативное отношение к использованию богатства для поправления личного достоинства других людей.

Таким образом, формирование понятия достатка в своих истоках имеет обусловленную различными факторами основу:

- религиозно-мировоззренческую, основанную на православии, существенные характеристики которого сформировали отличную от протестантизма экономическую культуру;
- этническая принадлежность определяет специфику формирования изучаемого понятия в сравнении с другими национальностями;
- природно-климатические и геополитические условия обеспечили выработку определенных человеческих качеств, существенно повлиявших на содержание категории достатка.

Достаток – историческая категория, и с течением времени она претерпела существенные изменения. Уже в середине XVIII в., с «открытием окна» в Европу и ориентацией на западный тип культуры, тенденция «приобщения к цивилизации» и светскость усиливаются и почти сводят в верхах на нет понятие достатка (как самообеспечивающееся хозяйство), заменяя его понятиями *роскошь, изобилие, вычурность* (что нашло свое отражение в искусстве – стиль барокко). Большое значение приобретает образованность, особенно заграничная. Иметь образование – значит, быть человеком с достатком, который может себе позволить выучиться. С середины XIX в. помещичье сельское хозяйство стало повсеместно приходить в упадок, что отразилось на помещичьих имениях. Представитель знатного рода (а, значит, богатого, по ранним представлениям) мог быть весь в долгах, жить в займы, при этом вынужден был не экономить и демонстрировать роскошь на занятые деньги. При Александре III начался промышленный рост и появился знаменитый российский червонец. При нем переболело страстью к наглой, безрассудно-вызывающей роскоши российское купечество.

Примером может служить описание быта купечества г. Саратова: «Любимым развлечением у купеческих семейств были катания на санях по праздничным дням от Рождества до последнего дня Масленицы. Они ездили от Никольской церкви по Московской и Сергиевским улицам до полицейского управления и обратно. Только на этих катаньях и можно

было увидеть купеческих дочерей, которые сидели в хороших экипажах, запряженных прекрасными лошадьми, с богатой упряжью. Они были одеты в пышные наряды, собольи шубы или салопы, увешаны жемчужными низками. Набелённые и нарумяненные, они сидели как куколки, закрыв глаза, будто ни на кого не смотрят».⁹⁵ Во второй половине XIX в. купечество уже превзошло дворянство в богатстве и роскоши нарядов, но не в образовании своих потомков. Вот что пишет современник: «...купцы щеголяют экипажами, лошадьми, упряжью, наёмной прислугой и имеют вместо кухарок поваров; детей своих они учат танцам, музыке, пению и иностранным языкам. Живут с большим комфортом и для славы своей не жалеют ничего».⁹⁶ В купеческой среде достаток – это *зажиточность* и *позерство*. Демонстрация доходов становится чуть ли не визитной карточкой. В это же время достаток, счастье, благополучие понимались простым народом как *покой*, *богатство*, *честь*.

К концу XIX – началу XX вв. произошел переход к образу «достаток – деньги». Как отмечает В. И. Ленин в своей брошюре «К деревенской бедноте»: «Деньги теперь везде стали главной силой».⁹⁷ «Нищета народа происходит во всех современных государствах оттого, что работники изготавливают всякие предметы на продажу и рынок. Фабрикант и мастеровой, помещик и зажиточный крестьянин производит те или иные изделия, выращивает скот, сеет и собирает хлеб для продажи, для выручки денег... На деньги можно купить все, что хочешь... Из-за денег чуть ли не все помещики позакладывали свои имения в банке».⁹⁸ Эта тенденция отразилась на общественном сознании. Достаток сузился до образа *денег*, *ассигнаций*, *ценных бумаг*. Крупные хозяйства, поместья с отменой крепостного права и, соответственно, нестабильности, потеряли свою значимость.

---

⁹⁵ Овсянников Ю.М. *Картины русского быта*. – М.: АСТ-Пресс; ГАЛЛАРТ, 2000. – С. 73.

⁹⁶ Там же. – С. 74.

⁹⁷ Ленин В.И. *Избранные сочинения*: В 10 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7. – С. 142.

⁹⁸ Там же. – С. 144.

По наблюдению Л. П. Карсавина,⁹⁹ у русских двигаться к идеалу шаг за шагом, осуществлять его постепенным «муравьиным трудом охоты нет». Энергия и вера в осуществимость абсолютного идеала, по его мнению, порождает «активный большевизм». До Октябрьской революции 1917 года Россия была многоукладной страной. После победы большевизма началась кардинальная ломка вещных прав, проводимая во имя социальных целей, и осуществлялась методами насильственного отчуждения объектов частной собственности. Предполагать, что социализм имеет в виду только равное разделение, – значит, не понимать существа социализма. Социализм добивается полной реорганизации как потребления, так и производства. Опыт пролетарских революций, отмечает В. Чернов, вспыхнувших после войны, прежде всего показал, что, по проверке опытом, современное человечество вовсе не столь богато, как то казалось многим на первый взгляд. Оказывается, что никакого безграничного изобилия благ не существует, что блага, накопленные буржуазией, отнюдь не годятся для полного освобождения рабочих, что раздел отнюдь не решает проблемы бедности.¹⁰⁰ Эпоха социализма – новый этап в формировании понятия достатка в нашей стране. Сбылась мечта утопистов, и вся собственность стала общей, не стало ни буржуев, ни пролетариев. Советский Союз – страна всеобщего равенства, сплошного благоденствия. Все живут в трудовом достатке, но смысл самого понятия был размыт и постепенно стирался. Люди, которые имели чуть больше (лучше квартира, машина, дача, гараж) все равно не считались богатыми, исчезло понятие зажиточность. В общественном сознании было закреплено негативное отношение к нетрудовому богатству, частной собственности, вещизму. Стойкое понимание того, что богатство – это плохо, привело к тому, что в обществе с трудовым доходом иметь что-то

---

⁹⁹ Карсавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 352 с.

¹⁰⁰ Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.

излишнее стало признаком чего-то дурного, нехорошего. Достаток, таким образом, стал восприниматься именно как *не достаток*.

Таким образом, финансовая сторона жизни выполняет важную идеологическую функцию. Изначально российская экономика была построена на принципах раздаточной системы: раздаточная владетельность господствовала с XIV века. В советское время вся собственность стала собственностью государства, и носить общественный характер и не подлежала раздаче отдельным лицам.

Основой просоциалистического строя в России была идеология, важнейшим компонентом которой являлась анти-частнособственническая составляющая. На основе этой идеологии формировалось такое понимание достатка, в основе которого лежало презрение к имуществу. Такая идеология была очень близка христианскому пониманию достатка, когда смысл его заключается в обеспечении себя самым необходимым, а именно: сытость, которая достигалась обязательным трудом, трудоустроенность, жилье. Все эти необходимые элементы обеспечивало государство. Таким образом, советская концепция достатка сводилась к всеобщему трудовому обеспечению необходимых потребностей.

«Только коммунистическое общество уничтожает социальное неравенство людей фактически, в действительности и претворяет в жизнь пролетарское требование полного экономического равенства. Социализм означает упразднение частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком».¹⁰¹ Наиболее ярко представления о «пролетарском достатке» могут быть отображены в бытовой сфере того времени. Бедность и теснота придают вещам валентности, принуждают их к полифункциональности, например, стулья используются как столы или полки, утюги и стопки книг – как груз, старые газеты – как скатерть, банки – как вазы. Если кто-то берется разобрать свои вещи, нередко какие-то предметы он предлагает соседям в качестве подарка. Это может быть

---

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Наука, 1955. – Т. 7. – С. 378.

старый предмет мебели или сломанный телевизор (его ведь еще можно починить). Жизненный цикл вещей при таких условиях проживания расширяется и продлевается. Тем более что починка старого всегда доступнее покупки нового, отчего ценится искусство чинить вещи (и мужское, и женское – применительно, соответственно, к технике и к одежде).

Еще одна составляющая понимания достатка того времени – улучшение благосостояния собственными стараниями. У экономной хозяйки вещи служат не одну жизнь, чинятся, перешиваются, сберегая средства на другие цели. Можно привести несколько примеров «изворотливости» в сберегании вещей: «если старая вещь выцвела, полиняла, ее лучше перелицевать», «из женских или мужских брюк можно сшить брюки меньшего размера или четырехшовную юбку», «если лиф платья стал коротким, его удлиняют за счет пояса».¹⁰² Современному «человеку-потребителю» и в голову не придут подобного рода занятия. На сегодняшний день достаток достигается совсем иными способами, а переделкой и починкой вещей занимаются люди с доходом ниже среднего. Такой подход остается актуальным, когда достаток заключается в обеспечении самыми необходимыми предметами, а для современного благополучия используются имиджевые методы. Значимость передается человеку-вещи, человеку-бренду. Сегодня достаток – это имидж, бренд.

Американская модель «общества массового благосостояния» с его доктриной монетаризма стала ориентиром для российского общества. Сегодня в России произошел революционный переворот, как в начале XX в., но вместо промышленного мы наблюдаем духовный переворот.

Можно провести параллель между социальными слоями начала и конца XX в.: сегодня роль аристократии занимают «олигархи», буржуазии и купечества – «новые русские», а роль пролетариата заняла интеллигенция. Необеспеченным, нищим «классом» сегодня стали люди

---

¹⁰² Энциклопедия быта. – Ростов на Дону: «Профит», 1994. – С. 489.

духа, интеллигенция, на долю которой выпало испытание, проверка со стороны господствующей власти денег. Вследствие этого сегодня возникает конфронтация храма и рынка. Христианизация европейских и русских государств способствовала тому, что в них соединялись материально-природные факторы и духовно-моралистические ценности, и местом такого соединения стал христианский храм. По мере развития цивилизации наряду с храмом выросло другое пространство – рынок. Если в храме люди объединялись на основе сострадания и прощения, то рынок формировал автономных конкурирующих индивидов и разъединял их. Ценности рынка и храма распались. Однако в Западной Европе удалось согласовать эти два пространства, в то время как у нас они были попросту разрушены. Так, М. Вебер¹⁰³ описывает капитализм как совпадение религиозных и экономико-политических ценностей. Цивилизованный капиталист меньше всего похож на карикатурную фигуру с животом. Сегодня система морального долга и внутренней цензуры стала стремительно разрушаться. Причиной является изменение структуры повседневности. Аскетизм, самоотречение, солидарность, альтруизм, экономия и ограничение потребления являются ныне устаревшими добродетелями, так как современный образ жизни строится на основе не экономии, а траты. Трата выступает эффективной формой протеста против современного порядка, основанного на обмене. Общество потребления уже не ограничивает, а управляет потребностями. Расчет и дальновидность, предусмотрительность и осторожность перестали культивироваться на индивидуальном уровне и уже не составляют основу экономической культуры.

Сегодня в развитых странах имеет место излишек вещей, и это привело к изменению стратегий управления желаниями. Запад объединяет людей системой вещей – комфортом, здоровьем, отдыхом. Различные варианты жилья и мебели, увлекательные поездки, приятное

---

¹⁰³ Вебер М. История хозяйства. Город. – М.: КАНОН пресс-Ц, 2001. – 576 с.

времяпрепровождение – так создается плотный мир повседневности, который формирует общую основу взаимодействия людей. Однако внешнее проявление достатка имеет зачастую некультурные формы. При этом нельзя отрицать положительной оценки исследуемой категории, но должна быть выработана культура достатка. Это благо, и он не должен уничтожать в человеке человеческие качества (сопереживание, сострадание). История показывает, что ненависть к достатку демонстрируют только недостаточные индивиды, не скорректированные с достаточностью души, поэтому люди, обладающие капиталом, в аристократическое время стремились к внутреннему достатку. Главное, чтобы не было пропасти между человеком и его деньгами. Достаток призван обеспечивать гармонию внутренней и внешней стороны бытия.

2.3. Русская философская мысль о достатке

Проблеме хозяйства как философскому вопросу большое внимание было уделено русскими философами еще в XVIII в. – исторический период, когда в России возникает профессиональная философская мысль. Выдающийся русский экономист и социальный философ И. Т. Посошков в своем главном произведении – «Книге о скудости и богатстве» – поставил ключевые социально-экономические вопросы, с философских позиций пытался их рассмотреть и наметить пути решения.¹⁰⁴ Особое значение Посошков придавал росту материального производства, источником общественного богатства считал труд в промышленности и сельском хозяйстве. По его мнению, экономические успехи в хозяйстве зависят от качества труда по найму. К числу причин скудости он относил недостаточное развитие промышленности, торговли, отсутствие конкуренции. Как представитель своего времени, Посошков отмечал:

---

¹⁰⁴ См. Самсин А.И. Основы философии экономики. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 69.

«Российский народ неучен есть и о сем великая нужда надлежит еже б Россию учением просветити».¹⁰⁵

Из истории развития достатка видно, что отношение русского человека к собственности, имуществу всегда было не только прагматическим, материальным, как в западной культуре, но и духовным, «прочно-интимным», по выражению Л. Франка.¹⁰⁶ Однако еще П. А. Флоренский¹⁰⁷ отмечал такие духовные аспекты русской идеи, как мечту об общежитии, совместном житии, полном любви, единомыслия, экономического единства. Он считал, что идея коммунизма близка русской душе, была уже водружена и воплощена преподобным Сергием Радонежским. Жизнь в обители святой троицы была устроена им на принципах общежительского устава (киновии). В соответствии с ним запрещалось иметь какое-либо имущество и считать что-либо своим.

Россия позднее западноевропейских стран вступила на путь капиталистического развития. Лишь к середине XIX в. в России налицо признаки, характеризующие кризис крепостнического строя. В силу этих причин закат западноевропейского утопического социализма по времени совпадает с его восходом в России. Социальная структура российского общества в основном была представлена крестьянством. Именно его интересы представляла передовая русская социально-политическая мысль того времени, в лице А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, К. А. Добролюбова, учение которых ближе всего стояло к научному коммунизму, являлось высшей ступенью в развитии утопического социализма.

Утопический социализм русских революционных демократов в целом нашел свое выражение в так называемом русском общинном социализме А.И. Герцена.¹⁰⁸ В основе его учения находилось

¹⁰⁵ См. Новиков А.И. История русской философии X-XX веков. – СПб.: Лань, 1998. – С. 108.

¹⁰⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.

¹⁰⁷ Флоренский П.А. Христианство и культура. – М.: Фолио: АСТ, 2001. – 663 с.

¹⁰⁸ Герцен А.И. Исследования и материалы. Сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ, 1974. – 244 с.

идеалистическое положение о том, что крестьянская община с ее традиционными формами владения землей и самоуправления является носителем социалистических отношений в социально-экономической жизни России, то есть основы социалистического строя заложены в Российской деревне. Взамен капитализма Герцен предлагает социализм, который опирается на крестьянскую общину и ремесленную артель при демократической народной власти. При этом необходимым условием является уничтожение крепостнических отношений и самодержавия. Таким образом, в творчестве Герцена четко прослеживаются две линии – теоретическая и практическая, направленные на разработку революционной теории и ее реализацию в специфических условиях России. Социалистические идеи Герцена были развиты с позиций революционного демократизма в творчестве В.Г. Белинского.¹⁰⁹ Основной социальной силой, способной создать демократическую республику, Белинский считал революционное крестьянство. Он выступает как открытый сторонник крестьянской революции. Историческая заслуга Белинского в развитии передовой русской социальной мысли состоит в том, что идею народной революции он тесно связал с идеей социализма, что в корне отличает его мировоззрение от критического утопического социализма Западной Европы.

Особое место в истории утопического социализма занимает учение Н.Г. Чернышевского.¹¹⁰ В основе его взглядов о социологии, так же как и у А.И. Герцена, – общинное землевладение. Научный подход к изучению природы и общества он связывал с антропологическим материализмом, акцентируя свое внимание на выяснении сущности и природы экономических отношений в обществе. Проблемное поле его мировоззрения включает понимание человека со всей совокупностью условий его жизни, включая «экономический быт». «В центр антропологии

---

¹⁰⁹ Белинский В.Г. Избранные произведения. – Минск: Гос. Учебно-пед. изд. БССР, 1954. – 438 с.

¹¹⁰ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1939. – 860 с.

Чернышевский ставит изучение не только «принципа эгоизма», но и феноменов «богатства» и «силы власти».¹¹¹ Находясь в русле утопических социалистических течений, Чернышевский видел таким социальное устройство – «союзное производство и потребление», соединение труда и собственности в одних руках.

Первоначальные границы антропологической философии раздвигаются: она должна не только ответить на вопрос, что такое «человек вообще», но и определить социально-экономические условия, которые обеспечили бы присвоение индивидом его собственных сил, свойственное ему стремление к «счастью». Демократические теории социализма получили развитие в трудах Н.А. Добролюбова.¹¹² Условием нормального развития человека, личности, считал он, должно быть состояние, при котором человек, не мешая другим, беспрепятственно пользуется всеми благами природы, а также долей общественных благ, на которую субъект получает право. Если мы хотим, как писал Н.А. Добролюбов, чтобы развивался ум человека, нужно обратить внимание на его физическое состояние, на его здоровье, которое представляет собой верховную цель развития человека, соответственно нужно, чтобы общество позаботилось о материальном благополучии человека. Этика Н.А. Добролюбова направлена против нормативистских этических концепций: истинно нравственным, с его точки зрения, является человек, добивающийся гармонии между потребностями человека природного и требованиями долга, эгоизмом и «симпатическими отношениями к другим».

Таким образом, социализм Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова лишен тех фантастических черт, которые были свойственны великим утопистам. Социал-демократы не отрицали достаток, подтверждая необходимость материального благополучия. Основные идеи социал-

---

¹¹¹ Ленин В.И. Избранные сочинения: В 10 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7. – С. 292.

¹¹² Добролюбов К.А. Избранное. – М.: Искусство, 1975. – 439 с.

демократов были выражены не против достатка, собственности вообще, а против класса богатых, за отсутствие нищеты, за всеобщий равный достаток. Тем не менее, имели место определенные противоречия в их взглядах на богатство и зажиточность.

Наиболее ярко философия хозяйства проявилась в отечественной религиозной философии XIX в. Родоначальником русской религиозной философии был В.С. Соловьев. В рамках его теоретической системы содержатся глубокие идеи социально-философского характера. Они отражали коренные социально-экономические преобразования в России второй половины XIX в., где возникали глубокие нравственные конфликты, столкновение традиционных форм жизни с новыми ее модификациями, учреждениями и ценностями. Стержневым принципом философии В.С. Соловьева является идея положительного всеединства. Он основательно развил тезис о синтезе философской и богословской мысли, рационального и иррационального типов мышления, единения западной и восточной культурных традиций. Принципиальное место в философии В.С. Соловьева отводится человеку как существу духовно свободному, действующему. Его антропология была связана с учением о добре. Идеалы совершенного добра открывает христианство. По мнению В.С. Соловьева, требования добра необходимы в политике, экономике и вообще во всех формах общественной жизни. Он высказывал мысли о социально-экономическом характере современного ему общества, представляя его как ненормальное в нравственном смысле. Причину этого он видел в том, что общество становится плутократией, где верховное значение принадлежит вещественному богатству, всевластию денег и культу имущественных благ. Согласно В.С. Соловьеву, безнравственна не индивидуальная собственность, а разделение труда и капитала. Чтобы понять сущность истории человеческого общества, необходимо выделить в ней основу, ядро. Такой основой является не экономика, не политика, не идеономика, а

сам человек как существо, духовно связанное с Богом.¹¹³ Характеризуя общество в перспективе, В.С. Соловьев отмечает значение научно-технических достижений в реализации идеи о едином человечестве. Ключевую роль он отводит трудовой, созидательной деятельности человека. «Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой. Без любви к природе нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни».¹¹⁴

Идеи и суждения Соловьева оказали огромное влияние на целый ряд отечественных мыслителей, одним из которых был Н.А. Бердяев. В работах «Христианство и классовая борьба», «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», «Истоки и смысл русского коммунизма» он критикует марксизм за сведение общественной жизни исключительно к материальной основе, показывая разрыв марксистских схем с действительностью. Бердяев не отвергает классовой природы политических партий, влияния классовой структуры на психологию его членов, но не согласен с тем, что главный критерий деления на классы лежит в сфере производства и потребления прибавочного общественного продукта. По его мнению, нельзя сводить первоосновы общественного бытия лишь только к экономике. Он не признает правильной формулу «бытие определяет сознание», будучи уверен, что высшая сила лежит в сфере духа. Бог – источник этой силы, материя же – инертна, пассивна. Экономика, хозяйство, по Бердяеву, это и создание духа, они напрямую зависят от особенностей духовного мира действующего субъекта.

Как писал Н.А. Бердяев,¹¹⁵ в русском народе всегда была неведомая народам запада отрешенность, он не чувствовал исключительной прикованности и привязанности к земным вещам, к собственности, к своей

---

¹¹³ Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – С. 116.

¹¹⁴ Там же. – С. 118.

¹¹⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 541 с.

мебели, к внешнему бытовому укладу. Если западный человек привык дорожить своим социальным положением соответственно с жизненными удобствами, то русскому человеку даже знатного происхождения такой «конформизм» был совершенно не свойственен. Собственность предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Если человек теряет предмет собственности – нравственную, духовно-интимную связь, то происходит кризис как материальной, так и духовной сферы, и возникает такое явление, как «временщина» – потеря чувства связи с землей, ощущение непостоянства, отчуждения.

Достаток вызывал у русского человека, кроме отношений пользы, материальной выгоды, еще нравственные и эстетические чувства: любовь к земле, к полю и лесу, к дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами. В то же время у русского человека отсутствовало понимание таких понятий, как собственность, владение, право пользования, которые базировались на римском праве и были привнесены в развитие экономических ценностей западных стран, что также сказалось на формировании российской экономической культуры. Легкость низвержения собственности в России, как писал Н.А. Бердяев,¹¹⁶ произошла не только от слабости правосознания в русском народе и недостатка буржуазной честности, но и от исключительной отрешенности русского человека от земных благ. По его словам, русский человек никогда не был буржуазным, поскольку деньги не являлись целью его деятельности. Православие не давало моральной поддержки стяжательству, оправданием богатства могло послужить только его благое предназначение. Поэтому предприниматель на свою деятельность смотрел не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, возложенной на него Богом. Про богатство говорили, что Бог дал его в

---

¹¹⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. – 288 с.

пользование и потребует за него отчета. Отсюда столь распространенная в дореволюционной России традиция меценатства.

Значительное внимание проблеме хозяйства было уделено русским философом С. Булгаковым. Само хозяйствование, труд он понимал как созидательную деятельность разумных существ, основой которой является свобода как творчество. В хозяйстве творится культура, его пронизывает духовность как определяющий момент. В жизни и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать экономизмом нашей эпохи. Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова. «В противоположность добровольному или насильственному аскетизму францисканско-буддийских эпох истории, презиравших богатство и отрицавших его силу над человеком, наша эпоха любит богатство – не деньги, но именно богатство – и верит в богатство, верит даже больше, чем в человеческую личность. Это не только маммонизм, корыстолюбивый и низкий (он был во все времена, есть и теперь), нет, это – экономизм».¹¹⁷ Жизнь есть процесс, прежде всего, хозяйственный, такова аксиома этого современного экономизма. Давая определение хозяйства, С. Булгаков пишет: «вещи, так называемая мертвая природа, то есть все то, в чем, по-видимому, отсутствуют признаки жизни, есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент».¹¹⁸ Неотъемлемой частью хозяйства являются вещи, причем они должны составлять частную собственность.

Хозяйство, как оно обычно понимается в политической экономии, есть планомерная деятельность человека, направленная к удовлетворению его материальных потребностей.¹¹⁹ Таким образом, по мере их удовлетворения происходит постепенное накопление предметов

¹¹⁷ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – М.: Путь, 1912. – С. 2.

¹¹⁸ Там же. – С. 39.

¹¹⁹ Там же. – С. 3.

материальной культуры, способных восполнять недостаток человека в чем-либо. Отсюда можно сделать вывод, что именно таким образом и формируется достаток. Самое основное понятие экономики – богатство, по мнению Булгакова, отличается неопределенностью и расплывчатостью. Богатство суть деньги, а источник его торговля, богатство суть продукты землевладельческого труда, а источник его земледелие, богатство суть материальные продукты всякого труда, а источник его труд промышленного или землевладельческого рабочего, богатство есть все, что радует и украшает жизнь, что полезно и приятно. Выбор диктуется практическими мотивами исследования.

Одинаково трудно приурочить определение богатства к какому-нибудь одному, даже наиболее важному и наглядному признаку, хотя бы к «материальным» потребностям, прежде всего потому, что невозможно провести ясную черту, разграничивающую материальные и идеальные потребности. Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо, и потому в его жизни не может быть проведено точной грани между животным и духовным. Все имеет и ту, и другую сторону, стало быть, все подлежало бы с этой точки зрения ведению науки о хозяйстве. Очевидно, остается прийти к тому заключению, что богатство и все с ним связанное и из него вытекающее произвольно.¹²⁰

Два совершенно неразделимых понятия как хозяйство и собственность порождают ряд философских вопросов о принадлежности этой собственности, что, несомненно, затрагивает проблему достатка. Без права на частную собственность он невозможен (достаток может быть и общим, и частным, в противном случае – это не достаток, а народное достояние – совсем другая категория). Обладание имуществом, достатком лежит в самой природе человека, затрагивает духовные аспекты человеческого существования, но при этом возникает необходимость

---

¹²⁰ Там же. – С. 276.

умения распоряжаться этой собственностью, не вступая в противоречия с совестью.

Русская экономическая мысль рассматривала капитал как излишек, включавший в себя стоимость неоплачиваемого труда других людей. Нравственным считался капитал, ориентирующийся на производство. Если он ориентировался на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка, то квалифицировался как паразитический и ростовщический. На основе вышеизложенного можно сделать некоторые предварительные выводы:

- Осознание понятия достатка присутствует на всех этапах развития культуры, но в разные эпохи на разных уровнях: на интуитивном (в период мифотворчества); на идеологическом (в период средневекового христианства), как поиск абсолюта, гармонии, рая; на символическом уровне. В зависимости от этого, достаток становится либо целью, либо отодвигается на периферию. Это отношение к достатку на протяжении всей истории проявляется волнообразно, и так называемые «нищие эпохи» повторяются.
- При рассмотрении исторического аспекта взаимосвязи достатка и личности выявились определенные закономерности: это повторяемость циклов и состояний; интеграция форм собственности, составляющих достаток, и в то же время рост разнообразия этих форм. Сходный процесс происходит и в развитии типов личности. Существуют определенные формы собственности и соответствующие им типы личности, характерные для каждой эпохи (пример: русский предприниматель считался в недавнем прошлом аномалией, в противовес сегодняшнему дню). Зная закономерности взаимодействия этих систем, можно прогнозировать их дальнейшее развитие.
- Понятие достатка изменяется в зависимости от того, какие понятия выделяются в оценочном сознании как обладающие полезностью, ценностью. Это позволяет сделать вывод о том, что достаток является

эволюционной категорией. Эволюционируя по направлению к формированию общественного мнения, он становится мощным регулятором социального поведения, что приводит к потере значимости натурального, природного и актуализации престижного достатка. Происходит переход от его понимания, как совокупности материальных вещей к нематериальному, идеальному значению.

- Достаток и сопутствующее ему богатство могут получать высокую или низкую оценку в общественном мнении, их роль в человеческой жизни может пониматься по-разному. На протяжении истории развития в различных культурах акцент мог смещаться с культурных факторов на экономические, и наоборот. Перемены, происходящие в последние десятилетия в социально-экономической сфере, обусловили серьезные сдвиги в культурных основах современного общества. Изменились ценностные ориентации людей – «преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни».¹²¹ Это означает постмодернистскую трансформацию, предусматривающую отказ от экономической эффективности.
- Философская мысль, затрагивая различные аспекты категории достатка, такие как собственность, деньги, богатство, доходы, тем не менее, не дает полного представления и характеристики данной категории: философами признается необходимость частной собственности и справедливое распределение доходов; отношение к деньгам является следствием господствующего в обществе культурно-экономического стандарта денег и показателем индивидуальной культуры человека; борьба за право собственности оправдана, если ее экономическая ценность признается вторичной по отношению к ценностям духовно-нравственным.

---

¹²¹ Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 250.

ГЛАВА III. Человек как основное проявление достатка

В современной социокультурной ситуации проблема взаимодействия человека с окружающим миром является наиболее актуальной. В основе развитых культур всегда лежит определенная концепция человека и его жизненного мира, образа жизни, отношение к окружающей действительности, отражающаяся как в ценностной ориентации, так и в культуротворческой деятельности. На сегодняшний день, когда экономика – это не только способ производства благ, но и производство жизнедеятельности вообще, экономические отношения становятся способом взаимодействия человека с миром, понимаются как способ бытия. В данных условиях изменяется сама среда и человек в ней функционирующий.

Сегодня преобладает рыночная идеология, которая состоит в утверждении неизменной природы человека, направленной на максимум экономического удовлетворения. Смысл рыночной идеологии, связанный с идеей свободы и творчества, был потерян из-за того, что в антропологическом плане подобные социальные условия развязывали, с одной стороны, страсть к обогащению, стяжание вместо экономического рационализма, а с другой, стремление выжить, результатом чего явилась победа жадности над энергией и моралью. В этой связи принципиальное значение приобретает философское осмысление феномена человека в контексте экономической жизни.

3.1. Достаток в системе идей современной культурантропологии

Становление культурантропологии связано с зарождением и развитием этнографической науки. И уже в работах Э. Б. Тайлора¹²² можно убедиться, какое большое значение для формирования и развития человека имеет материально-вещный мир, в котором он находится.

Лесли Уайт¹²³ прямо указывает на связь технических средств, орудий труда, типа жилищ с манерой поведения, экономическими, военными и этическими отношениями человека.

Бруно Малиновский¹²⁴ еще более активно исследует взаимосвязь естественных (еда, питье, воспроизводство потомства) с культурными потребностями человека.

Таким образом, философия культуры и культурантропология обнаруживают сходный интерес к взаимоотношениям идеального и воплощенного, опредмеченного бытия.

Экономическая антропология стала в наши дни одним из видов прикладной культурантропологии, но базируется на идеях как классической, так и постклассической философии и теории культуры. Экономика возникла и существует, поддерживаемая той практической значимостью, которая в настоящее время имеет экономические вопросы в жизни культурного человека. Она вызвана не теоретическими, а этическими запросами современного человечества. «Политическая экономия, по этому предварительному ее определению, есть прикладная этика, именно этика экономической жизни».¹²⁵

По мнению С. Н. Булгакова, жизнь экономике дают две основные проблемы: проблема производства богатств и их распределения, и социальный вопрос. Поэтому определяются два идеала: идеал экономический и социальный.

---

¹²² Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.-Л.: Политиздат, 1989. – 572 с.

¹²³ Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с.

¹²⁴ Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: О.Г.И., 1999. – 205 с.

¹²⁵ Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 231.

Для экономистов богатство является абсолютным благом. «Умножай богатства» – вот основной закон экономики. А так как рост богатства находится в связи с развитием потребностей, то иначе он может быть выражен следующим образом: «умножай и утончай потребности и создавай этим условия для роста богатств». Однако при последовательном развитии этой доктрины экономисты наталкиваются на трудность – роскошь. Роскошь является злом в глазах экономистов, поскольку она ведет к уменьшению богатств, следовательно, противоречит первой заповеди. Адам Смит говорил о двух ипостасях человека с совершенно противоположными чертами: с этической точки зрения он наделен одним альтруизмом, а с экономической – одним эгоизмом, говоря об «экономическом человеке».¹²⁶ Эта дуалистичность природы человека нашла свое выражение в философских и религиозных взглядах. «В вопросе о богатстве и умножении потребностей человеческая мысль движется между двумя крайними полюсами – эпикуреизмом и аскетизмом».¹²⁷ В учении Эпикура человеческим потребностям и желаниям придавалось смысло-жизненное значение. Именно Эпикур одним из первых в истории социальной философии осуществил подробную классификацию потребностей. В качестве критерия в различении потребностей он ставил степень их нужности человеку.

Однако учение Эпикура его философскими сторонниками было трактовано неверно и отличалось крайней простотой и грубостью. Оно обычно соединяется с позитивизмом и материализмом, с отрицанием всяких начал жизни и всякого бытия, кроме чувственного. Эпикуреизм постепенно развивался в эстетический, поскольку физиологические потребности человека слишком ограничены, вставала необходимость их утончать и рафинировать, что возможно при помощи эстетики. В этом заключалось противоречие, так как прекрасное по своей метафизической

---

¹²⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 596 с.

¹²⁷ Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 233.

природе неотделимо от этики, но для эпикурейского эстетизма характерно отсутствие связи с высшей деятельностью духа в подчинение низшей. Эпикурейский эстетизм относится к философии гедонизма, господствующей в наши дни.

Формулировку гедонистического учения дает В. Зомбарт: речь идет о художественной промышленности и о развитии современного вкуса. Он так характеризует век Фихте и Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, Гейне и Гете: будучи бедны материальными благами, в нищенской обстановке, они делали из бедности добродетель, строили себе мир идеалов и оттуда с презрением взирали на всякую чувственность и телесность; в ходу были воздержание и скромность. Даже художники не знали волшебного очарования обстановки из красивых вещей, они ничего не понимали в искусстве жить в красоте: они были аскетами и пуристами. Далее Зомбарт пишет, что, по-видимому, приближается эпоха культурного расцвета, которая всегда была художественной, а не этической. Явится поколение, которое из полноты богатства, притекающего к нему с расточительным изобилием, создаст целый мир вожделений и красивых форм, поколение людей, для которых наслаждение, радость жизни сделаются сами собой разумеющимися спутниками земных странствий, людей с утонченными чувствами, с эстетическим миропониманием.¹²⁸

С. Булгаков определяет в этих рассуждениях главный недостаток: отсутствие идеалов заменяется здесь «жизнью в красоте».

Рассматривая другую крайнюю точку зрения относительно богатства – аскетизм, можно утверждать, что если гедонизм отдает дух в плен материи, то аскетизм стремится его совершенно от нее освободить. Тело и его жизнь для аскетизма представляет собой абсолютное зло. Самым последовательным и решительным выражением аскетического понимания мира является религия буддизма, основным положением которой является

---

¹²⁸ Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории развития современного экономического человека. – М.: Наука, 1994. – 442 с.

то, что жизнь и всякая радость есть зло, подлежащее подавлению и отрицанию. Аскетическое миропонимание встречается в различных философских и религиозных воззрениях. Его усвоило и отчасти христианство, основанное на одностороннем и потому неверном истолковании евангельского учения о богатстве.

Недостатком обеих точек зрения, как пишет С. Булгаков, является общий им этический материализм. «Оба эти воззрения считают материальные потребности и материальную жизнь и даже вообще жизнь самостоятельной целью или ценностью и расходятся только в том, что одно воззрение эту цель признает, а другое отрицает, хотя одним этим отрицанием и ограничивается. Им обоим одинаково чужда та точка зрения, согласно которой богатство и материальная жизнь есть не самоцель, а только средство для служения высшей, абсолютной цели, и потому должны оцениваться не сами по себе, а на основании того отношения, в котором они находятся к этой высшей цели».¹²⁹ Человеческая жизнь имеет смысл и ценность вне себя и выше себя, получает ее не в качестве эмпирического или биологического факта, а как служение идеальному началу, добру. Ее содержание поэтому должна составлять духовная деятельность, и для этой цели все остальное должно рассматриваться только как средство. Эта работа выражается в различных духовных благах, и их совокупность и составляет культуру или культурные приобретения данной исторической эпохи.

Духовная жизнь требует необходимого для себя условия – свободы; нравственное самоопределение может быть только свободно, и наоборот, только свободное самоопределение может иметь нравственную цену. Свобода возможна без каких-либо внешних влияний. Человек же телесен и связан с внешним материальным миром, в котором царит механическая необходимость. Свобода поэтому подлежит внешним ограничениям, одна из форм которых – экономическая зависимость. Человеческая жизнь

---

¹²⁹Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 239.

зависит от природы – возникает необходимость в еде, одежде, жилище и т.п. Телесность, материальность нашего существования познается нами как бремя, во имя которого мы должны хозяйствовать. Однако можно быть свободным от потребностей, не имея их совсем или просто удовлетворив их. Например, от потребности в одежде дикарь свободен, оставаясь голым, а культурный человек, будучи одетым.

Таким образом, рост богатства признается благом, но при этом надо признать и необходимые условия для этого роста. К необходимым условиям относится рост потребностей, представляющий обратную сторону роста богатства. Чтобы совершить какое-то завоевание у природы, необходимо сначала ощутить в этом потребность. «Рост потребностей есть закон не только материального существования, но и духа, развитие духа именно состоит в росте его запросов, в том, что он видит проблемы и задачи там, где раньше не видел».¹³⁰

С ростом жизненного уровня уменьшаются заботы, связанные с удовлетворением насущных потребностей, и, создавая благоприятные условия для проявления творческих потенций личности, вместе с тем увеличиваются и усложняются формы связи индивида с окружающим миром, повышается значение и роль субъективного фактора в организации индивидуального быта. Актуализируется проблема отношения между преобразованием окружающего мира и развитием личности. Не случайно в последнее время все чаще обсуждается, становясь предметом специального научного рассмотрения, такая проблема, как вопрос о взаимоотношениях человека и вещи. Возникает потребность осмыслить новые связи между человеком и окружающим его миром вещей, между все расширяющимся потреблением и саморазвитием. Если с точки зрения достигнутых возможностей в обеспечении жилищем, одеждой, бытовым комфортом благополучие воспринимается как нечто вполне естественное, то с позиции зрения изменений в образе жизни людей этот же процесс

---

¹³⁰ Там же. – С. 244.

порождает немало конфликтных ситуаций. Именно в контексте повседневности, конкретной практики социальных и культурных отношений людей обнаруживается общественный смысл того, что принято называть достатком. В одном смысловом пространстве человек приобретает вещи и предметы, необходимые для повседневной жизни, в другом – совершенно естественное стремление создать благоприятные условия существования становятся страстью человека, превращаются в самоцель, а не средство его развития и самосовершенствования. При увеличении совокупных и индивидуальных доходов актуализируется вопрос о качественных изменениях в сфере человеческих потребностей, составляющих основное звено гармонизации отношений между действительным уровнем жизни (достатком) и представлениями о качестве жизни. Потребности являются формой выражения противоречия между субъектом и внешним миром. Эта проблема имеет много различных аспектов. Важное место среди них принадлежит нравственному аспекту, суть которого состоит в том, что потребности одних рассматриваются сквозь призму других. Это выявляет, в какой мере потребности (уровень, направленность, способ удовлетворения) способствуют сплочению людей, а в какой – разъединяет их.

Нравственность задает свой гуманистически ориентированный критерий оценки потребностей. Жилище, даже если оно является примитивным, соответствует предъявляемым к нему требованиям, и проживающие в нем люди чувствуют себя вполне уютно до тех пор, пока окружающие жилища являются такими же. Но, как только рядом вырастают более просторные дома, отношение к прежнему жилищу меняется, оно воспринимается как жалкая лачуга, проживающие в нем люди уже чувствуют себя совсем иначе – ущемленными, ограбленными. Интерес проявляется не к самому дому (его размерам, архитектуре, достоинствам), а как соотносится он с другими домами, не ограничены ли его достоинства по сравнению с другими жилищами. Человек ощущает

социально-нравственную потребность в чем-то лишь в соотношении своего бытия с бытием других людей. Неразумными потребности становятся тогда, когда они направляют деятельность в русло, лишенное общественной ценности и разрушающе действуют на саму личность, формируют примитивное, эгоистическое мироощущение. С моральной точки зрения потребности содержат в себе элементы неразумности, прежде всего, в той мере, в какой они придают межлическим отношениям вещный, инструментальный характер, низводят одних индивидов до уровня средств по отношению к другим. Потребности, таким образом, становятся предметом морального освоения, поскольку они являются посредником между людьми. Удовлетворение потребностей напрямую зависит от реальных возможностей человека. В данном контексте достаток выступает как диапазон возможностей. Владелец денежных средств всегда имеет выбор. Он стоит перед бесконечным выбором, перед бесконечным количеством возможностей, каждая из которых может стать реальной. Поиск целостности, синтетического единства всех сфер человеческого бытия и всех движений человеческого духа ярко проявляется в русском космизме, в философии и метафизике всеединства. Данный мотив выступает как своеобразное духовное наследие древней Греции, духа православной церкви, гармония мира греческой философии.

Антропоцентризм у русских философов – не онтологическая, а, скорее, морально ориентированная позиция.¹³¹ При этом творчеству, искусству, поиску и анализу красоты придавался религиозный смысл, что было следствием соединения в русской культуре ее религиозной основы со своеобразным эстетизмом, когда красота рассматривается как способ обнаружения Бога, способ проявления духа. Этим определяется канон эстетической проблематики в русской культуре, своеобразный ее гуманизм. Особенностью русского национального характера можно назвать особое тяготение к красоте, при этом мера всегда была слабым

---

¹³¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 349.

местом. Русский характер всегда отличался безмерностью, имеющей свои корни в геополитическом положении России.

Антропология С.Н. Булгакова в наибольшей степени отражает еще одну из важнейших составляющих его общемировоззренческой и философской концепции – идею всеединства. Человек есть часть природы, вместе с тем он носит в себе образ идеального всеединства: в нем потенциально заложено самосознание всей природы. В обществе идея всеединства раскрывает себя как соборность – следование некоей высшей идее. Отталкиваясь от идеи софийности, выдвинутой Вл. Соловьевым,¹³² С.Н. Булгаков развил концепцию, согласно которой София – это не просто мудрость Христа, идеальное представление, лишённое бытия, София – это мировая душа, и в этом качестве является посредником между Богом и миром.

В человеческом самосознании проявляется София, мировая душа, идеальный центр мира, и в этом смысле природа является человекообразной, а человек носит в себе всю Вселенную. «Природа человекообразна, она познает и находит себя в человеке, человек же находит себя в Софии и через нее воспринимает и отражает в природу умные лучи божественного Логоса, через него и в нем природа становится софийна. Такова эта метафизическая иерархия».¹³³ София – это вид гармонии, путь гармонизации человека с миром, выступающий как символ коллективной мудрости. Достаток – это тоже вид такой гармонии, когда человек живет в мире с обществом и собой. «Хозяйство софийно в своем метафизическом существовании. Оно возможно только благодаря причастности человека к обоим мирам, к Софии и к эмпирии».¹³⁴ С.Н. Булгаков считал, что нормальная, или идеальная цивилизация, синтез средних веков и ренессанса, прав духа и плоти, еще впереди. Предпочтение он отдавал судьбе России, которая еще не выполнила своего

---

¹³² Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 687 с.

¹³³ Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х тт. – М.: Наука, 1997. – Т. 2. – С. 139.

¹³⁴ Там же. – С. 141.

предназначения. «Понятие личности, ее прав, потребностей и имущественного благосостояния, словом, *наш русский ренессанс*, таков остается лозунг нашего времени, наша историческая задача, наша гражданская обязанность».¹³⁵

Несмотря на все язвы, о которых еще основатель славянофильства А.С. Хомяков, при всем своем патриотизме, писал: «современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит, о ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими».¹³⁶ При всем этом С.Н. Булгаков отмечает отсутствие у русских важной социальной болезни – духовного мещанства. Вынужденный аскетизм и смирение, нищета и бесправие все еще стоят на пути его развития. Но истинная цивилизация может быть построена только на прочном материальном фундаменте. Без этого материального основания возникает другая крайность – нищета и бедность.

Концепция «культуры бедности» и андеркласса была предложена профессором Иллинойского университета О. Льюисом в 1960-е годы. Суть ее состоит в утверждении, что низшие слои в условиях постоянной нужды вырабатывают определенный образ жизни, установки, ценности, которые социально наследуемы, блокируют возможности продвижения по социальной лестнице и удерживают на социальном дне.¹³⁷ Как отмечают и другие зарубежные исследователи¹³⁸, «культура бедности» имеет тенденцию к самовоспроизводству, причем главным фактором становится не сохранение соответствующих материальных и социальных условий, т.е. стабильность, а социализация следующих поколений, предопределенность их положения. По мнению О. Льюиса, культура бедности – это феномен, присущий капитализму, открытому и мобильному обществу, для которого

¹³⁵ Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 1. – С. 250.

¹³⁶ Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. – М.: Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. – С. 491.

¹³⁷ Lewis O. The Culture of Poverty // Poverty in America / Ferman, L. And others (Eds). – Lansing: University of Michigan Press, 1965. – P. 405-409.

¹³⁸ Marklund St. Structures of modern poverty // Acta Sociologica, vol.33. – 1990. – P. 125-140.; Valentine Ch. Culture and poverty. – Chicago-London: Univ. Of Chicago press, 1968. – 213 s.

характерны высокая значимость личного успеха и высокий уровень безработицы. Культура бедности несовместима с социализмом: в этом случае у людей нет чувства апатии и бессилия, а есть равенство в бедности и перенесение решения проблемы в «светлое будущее». Эти положения перекликаются с утверждением Э. Фромма о том, что в коммунистических обществах меньше неврозов: система, в которой люди освобождены от необходимости конкурировать друг с другом.¹³⁹

В последнее десятилетие в России к идеям концепции культуры бедности обратились и отечественные исследователи.¹⁴⁰ Российские бедные в силу своей многочисленности никак не образуют «субкультуру» и поэтому не изолированы от «большого общества». Их скорее можно назвать носителями менталитета «советского человека».

Поднятие существующего уровня народных масс, привитие вкусов и потребностей культурной жизни и в этом смысле завоевание их для гедонизма есть обязанность современного общества. Ведь аскетизм, отказ от наслаждений имеет цену только тогда, когда он свободен, а свобода предполагает предварительное обладание (Будда был царским сыном, прежде чем сделаться аскетом; Франциск Ассизский был сыном богатого купца). Невольный аскетизм не может считаться нравственным достижением. Общество должно стремиться к свободе от нищеты, унижающей человека. Отвергая аскетизм как жизненную философию, аскетическое начало нравственности остается бесспорным. Если смысл жизни не в наслаждениях, а в благах духа, то внутренняя жизнь человека и общества представляет постоянную борьбу духовности и чувственности. «Экономический прогресс, ослабляя зависимость человека от природы, испытываемую как внешнее ограничение, не освобождает его от

---

¹³⁹ Фромм Э. Человек для себя. – Минск: Издатель В.П. Ильин, 1992. – 415 с.

¹⁴⁰ Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: РОССПЭН, 1999. – 318 с.; Беляева Л.А. Стратегия выживания, адаптации, преуспевание // Социс. – 2001. № 6. – С. 44-53; Солодова Г.С. Бедность и богатство в представлениях современных российских подростков // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001. № 3. – С. 7-12.; Фенько А.Б. Дети и деньги: особенности экономической социализации // Вопросы психологии. – 2000. №2. – С. 35-38.

внутренней зависимости от своего тела. Богатство становится духовной силой, изнутри влияющей на дух человека, из ограничения превращается в искушение».¹⁴¹ Гармоничное соотношение между потребностями духа и плоти возникает на основе духовной борьбы. Поэтому аскетическое начало нравственности не противоречит основной экономической заповеди об умножении потребностей, поскольку имеет в виду освобождение от власти природы видах создания более широкого базиса для духовной культуры.

В области нравственной жизни определяющее значение имеет нематериальная сторона человеческой жизни, направление усилий личности. «Умножай свои потребности, пока этого требует жизнь духа и человеческое достоинство, но и умей сокращать их, поскольку она же этого требует, – такова формула, свободная от крайностей как гедонизма, так и аскетизма».¹⁴² Эту идею необходимо помнить современному российскому обществу, идущему по пути развития западной цивилизации, которая своим все увеличивающимся гедонизмом удаляется от гармонии.

Вот уже более двадцати лет нашу цивилизацию называют цивилизацией потребления,¹⁴³ в которой поведение индивидов (особенно наиболее «цивилизованных») сводится исключительно к таким лишенным функциональности действиям, как приобретение, использование и предметное потребление «благ». Причем благ, не ведущих к саморазвитию, подпитке и, следовательно, росту, развитию, а используемых и потребляемых как таковые. Заповеди отрицательного гедонизма стоят неотступно в современном русском сознании, и, быть может, потому оно способно слишком легко склониться к тому, чтобы видеть в гедонизме вообще высший нравственный принцип.

Соотношение духовных основ русского человека и материального благополучия остается одним из главных вопросов современной России.

---

¹⁴¹ Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – С. 246.

¹⁴² Там же. – С. 247.

¹⁴³ Веблен Т. Теории праздного класса. – М.: Мысль, 1983. – 379 с.; Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.

Еще русский мыслитель И.А. Ильин отмечал, что «качество необходимо России: верные, волевые, знающие и даровитые люди; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный первосортный продукт; высокий уровень жизни».¹⁴⁴ Ключевой проблемой в отношении духовности становится бездуховный способ существования людей как социальное явление, критическое для судьбы современной российской цивилизации. К этому привела экспансия экономизма во всех сферах деятельности. Люди, становясь более деловыми и интеллектуальными, живя богаче и комфортнее, но механичнее, теряют способность к сопереживанию и пониманию, становятся более функциональными, но отчужденными. Обездушивание общества коррелятивно его обескультуриванию, по содержанию это один и тот же процесс. Нельзя забывать, что мир людей, не умеющих слышать друг друга, сопереживать друг другу, не умеющих вместе работать и видеть общую цель, никогда не будет благополучным, а мир вещей, сделанных холодными руками, не одухотворенный человеческим теплом, мертв.

Достаток – категория, неразрывно связанная с самим существованием человека. В отличие от природного мира, где изначально все функционирует согласно неписанным законам: смена времен года, рождение, смерть, законы сотворенного человеком мира возникают с самим этим миром. Проблема гармонизации человеческой жизни как с природой, так и с самим собой и другими людьми – одна из главных проблем человечества. Поскольку культура и материальна, и духовна, то и законы мира культуры, обладая теми же свойствами, трудно отследить, что вызывает энтропию, хаос.

Экономика – дело миллионов людей, она напрямую касается жизненных интересов множества субъектов. Нашей экономике не хватает гармонического начала. Сейчас много говорится о социально

---

¹⁴⁴ Ильин И.А. О частной собственности / Исаупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 131.

ориентированной экономике. Это означает, что как на практике, так и в научной теории проблемы человека, личности выступают в качестве кардинальных. Об этом говорит тот факт, что за 2003 год получено шесть Нобелевских премий,¹⁴⁵ в которых утверждается необходимость учитывать человеческий фактор. Это в противовес тому, что за последние десять лет не было ни одной премии по экономике. Экономика без связи с человеком приводит к дисгармонизации личности – неудачам, беспокойству, неуверенности. В качестве примеров можно привести нередкие случаи из среды богатых людей: уход в монастырь в поисках душевного покоя или суицид, как вариант выхода из сложной ситуации. Экономика, как сфера культуры, нуждается в гармонизации. Реформы, направленные на благосостояние общества, без этого фактора работать не будут. Для современной России как деиндустриализированного общества главная ориентация должна быть на создание максимально благоприятных условий для интеллектуальной деятельности. При этом особое внимание надо обратить на то, что эта деятельность напрямую связана с формированием и развитием среднего класса. Именно он выступает в качестве социальной базы реформирования нашего общества, носителем либеральных принципов в экономике (развития бизнеса, защиты прав собственности и снижения налогов). Одновременно средний класс занимает позицию противостояния засилию олигархов в экономике и всевластию чиновников в управленческих органах.

Существует распространенный ошибочный взгляд на природу среднего класса в России. Его зачастую путают с российским средним классом XIX в., проходившим под названием «средней и мелкой буржуазии». Современные средние слои сформировались в период

---

¹⁴⁵ Морис Алле. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. – М.: Твис, 2003. – 314 с.; Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.; Джозеф Юджин Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – 300 с.; Фридрих Август фон Хайек. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. – М.: О.Г.И., 2003. – 288 с.; Джон Хикс. Теория экономической истории. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224 с.; К. Дж. Эрроу. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.

развитого индустриального общества, связанные с эпохой научно-технической революции и массовой интеллектуализацией производства. Средний класс – это работники современной сферы услуг, образования, здравоохранения, это инженерный корпус, сотрудники лабораторий и исследовательских институтов, ученые, преподаватели, деятели искусств, журналисты. Однако по уровню доходов нередко перечисленные группы находятся ниже среднего уровня. Эта значительная прослойка российского общества обладает значительным духовным потенциалом, способным создать не общество потребительства, а общество достатка, где материальные и духовные потребности находятся в гармоничном соотношении.

Достаток, с одной стороны – создание рук человеческих (материальные блага, экономические), а, с другой, эта деятельность отражается в сознании человека. Он строится как на инстинкте, так и на моральных нормах: «Я даю, но меньше у меня не становится», отдавая – получаешь (принцип альтруизма). Достаток в дисгармоничном мире невозможен, поскольку это состояние не просто материального благополучия, но и душевного, духовного комфорта. Его трудно представить без любви, детей, признания – высших человеческих потребностей. Достаток из экономической категории, имеющей материальные основания, переходит в ментальную, в идеал. Это категория русского национального сознания, она духовна, метафизична. Будучи народным идеалом, достаток нельзя не учитывать при создании благополучного общества, иначе это будет дисгармоничное общество без идеалов, которые необходимы.

3.2. От экономического человека к человеку достатка

Тенденции развития цивилизации к концу XX в. привели к появлению «экономического человека». «Экономика, – с ее погоней за деньгами, а соответственно потребительскими благами, – вызвала бунт человека хозяйствующего против природы и против Бога-Творца, он решил вырваться за пределы хозяйства природы и хозяйства Бога».¹⁴⁶ Превращение хозяйства в экономику – революционный шаг, источником его является не натуральное, природное, а человеком созданное образование. Экономического субъекта преследует феномен, который обычно определяется как фетишизм, называемый чаще всего товарно-денежным фетишизмом.

Поступки людей всегда мотивируются ценностями, идеалами, категориями той среды и эпохи, которой принадлежат. Такие политико-экономические категории, как достаток, собственность, богатство представляют собой вместе с тем и категории, включенные в определенное нравственное поле и имеющие поэтому определенную нравственную «нагрузку». Они могут получать высокую или низкую оценку, их роль в человеческой жизни может пониматься по-разному.

Хозяйственная деятельность – составная часть общественной практики, взаимодействия человека с миром и его творческого воздействия на мир. Она отражает жизненные установки общества, и поэтому реконструкция духовного климата культуры, господствовавшего в этом обществе, существенно важна для понимания таких категорий. «В том же, что производят, какие цели ставят люди данной эпохи перед производством, что они от него хотят, то есть в ценностной концепции труда, в его осмыслении находит свое непосредственное выражение

---

¹⁴⁶ Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 221.

отношение людей к своей жизни, принятая в обществе концепция смысла жизни».¹⁴⁷

Сегодня вновь стала актуальна проблема человека и соотношения в нем духовного и природного начал. Это объясняется самой сущностью человека, ее двойственной и противоречивой природой. С одной стороны, постоянное стремление приобщенности к высшим проявлениям духа, к идеальным ориентирам. С другой стороны, естественная необходимость удовлетворять свои утилитарные потребности, обустроить свое физическое существование.

С тотальным рационализмом и экономизмом эта проблема приобрела особенную остроту. Товарно-денежные отношения, изначально призванные быть лишь «строительным материалом», рычагом создания новой цивилизации, начинают приобретать концептуальный смысл. Капитал становится не только базой для построения нового общества, но и идеологией этого общества. Изменяется интенциональность мышления, проявляющаяся в рациональности действий, она затрагивает внутренние процессы человека, что способствует выработке новых качеств. В своем крайнем выражении «человек цивилизованный» часто превращается в носителя «денежного» мировоззрения и противостоит «человеку культурному». При этом выживаемость и выносливость «человека цивилизованного», ориентированного на потребление, покорение, эгоцентризм оказывается значительно выше, чем у «человека культурного», ориентированного на созидание, созерцание. Нередко денежный капитал воспринимается в качестве источника свободы человека, его счастья, здоровья, гармонического существования. Увидев связь между нищетой и унижением, между деньгами и полноценным существованием, личность зачастую спешит абсолютизировать эту связь. Из того, что благополучию сопутствуют деньги, совершенно не следует,

---

¹⁴⁷ Панфилов О.М. Ценностное сознание: Основания субъективной философии. – СПб.: Б.и., 1992. – С. 90.

что именно они являются его причиной. Деньги лишь могут выступать условием благополучия, что не одно и то же.

Отношение к деньгам является следствием и показателем как господствующего в обществе стандарта денег, так и индивидуальной культуры и воспитанности человека. «Что означают для человека деньги?» – это вопрос о том, какие способы существования человека возможны. Э. Фромм назвал два способа: обладание и бытие. Он считал, что доминирование одного из них определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера и формирует две основных ориентации: неплодотворную и плодотворную.¹⁴⁸ Неплодотворная ориентация представлена следующими установками личности:

- *рецептивная* (берущая), выражается стремлением человека к благам, источник которых он видит только во внешних факторах: в материальных ценностях, в любви, знаниях, удовольствиях;
- *эксплуаторская* (овладевающая), как и рецептивная, признает только внешний источник благ, но в отличие от первой, эксплуататорский тип не ждет даров и благодеяния, а отнимает у других то, чего желает сам. Отличительной особенностью экономического поведения с данной ориентацией является их агрессивность, неадекватность оценки конкретной ситуации, поскольку они склонны переоценивать то, что принадлежит другим и недооценивать свое;
- *стяжательская* (сберегающая) отличается от двух первых тем, что видит залог собственной безопасности в стяжательстве, экономии, избегании трат, в стремлении взять как можно больше в общении, в любви и в других отношениях. Страсть к обладанию – главная черта характера;
- *рыночная* (обменивающая) – появляется вместе с зарождением и развитием рыночных отношений. Характеризуется восприятием себя как товара для продажи. Спрос на рынке выступает мерилем ценности человека, чувства собственного достоинства. Значение имеет не

¹⁴⁸ Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Наука, 1986. – С. 66.

самореализация, а успех в процессе обмена ценностями и продажи. Ролевая функция меняется с «я – то, что я делаю», на «я – то, чего изволите».

Перечисленные четыре разновидности неплодотворной ориентации не обязательно обладают только отрицательными качествами. Но важно отметить, что никакие дополнительные их достоинства не способны создать модель совершенного экономического поведения, основанного на любой из описанных выше ориентаций.

Отношение к достатку является важным компонентом эргономического сознания групп и конкретных людей. Для отдельного индивида достаток может выступать как цель, средство, самодостаточная ценность. Все зависит от того, какое место он занимает в иерархии ценностей и стереотипов социального поведения, как соотносится и регулируется культурными нормами.

Типы личности обычно выделяют в зависимости от распоряжения, пользования предметом собственности, но не менее важны ценностные установки личности относительно предмета и отношений собственности. В зависимости от этого основания на сегодняшний день можно выделить два основных противоположных типа личностей:

Личность – потребитель, для которой владение предметом собственности – самоцель. Состояние «иметь» – цель его жизни. Приобретение – пользование – уничтожение предмета – приобретение – вот та ценность, которой посвящена жизнь человека. Тип, очень распространенный не только из-за «пагубной» (В. Соловьев) ориентации человека, не только из-за недостатка материальных благ, но и господствующего принципа экономической деятельности – удовлетворения растущих потребностей личности. Это личность, ориентированная на повышение материального благосостояния. Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для «экономического человека» физической потребностью. Не познание и

развитие становится главной жизненной целью, а развлечение, требующее минимального духовного напряжения.

Противоположный тип – созидатель, личность, ориентированная на развитие себя, внутреннего мира, способностей. Достаток в этом случае – средство достижения нравственных целей. «Человек или расточает свою чувственную душу, или собирает ее. В первом случае он ничего не достигает ни для себя, ни для природы, во втором он исцеляет и спасает себя и ее».¹⁴⁹ К типу созидателя относились в России меценаты, благотворители. Для меценатов характерно нравственное отношение к богатству, собственности, стремление вложить капитал с пользой для культуры, развития различных социальных слоев. Мотивы их поступков, связанных с помощью, выглядят так: милосердие, желание оказать адресную помощь, самоуважение, следование традициям России. В настоящее время в России вновь возрождается благотворительность, но в ином обличье. Меценатство в его старом понимании встречается реже. Под влиянием новых экономических установок появился новый социальный тип мецената.

В условиях неэкономике достаток гораздо чаще воспринимается как цель, а не средство, и соответствующий этой установке тип – homo economicus – это рациональный экономический человек, характерный для высшей стадии развития общественной экономической формации. Бытие экономического человека предполагает:

- замену мира как хозяйства на мир потребления;
- превращение человека в функцию процесса потребления;
- удовлетворение никогда не насыщаемых экономических потребностей как цель экономической деятельности;

---

¹⁴⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра / Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 181.

- сведение многообразного мира общественных потребностей к материальным потребностям индивида;
- крайний индивидуализм, уходящий корнями в протестантизм, и одновременно бездуховность;
- постоянное сравнение предельных издержек и предельных выгод как высшее проявление экономического мышления.

Дуализм экономического человека проявляется в том, что он, будучи занятым в разных сферах, проявляет себя как деятельная, приспособливающаяся личность, в которой формируются новые качества, сродни творчеству, то есть это творческий человек, но в другом измерении, в измерении экономическом. Однако сущность такого человека – антигуманна, так как его деятельность направлена на бездуховное потребление, вещизм и стяжательство. Интенция его творческой деятельности лежит в области достижения материального, а не духовного.

Концепция экономического человека ущербна уже тем, что редуцирует сущность и потенциал человека только к экономике и допускает только экономическое измерение человека, фигурируя уже как парадигма в организации человеческой жизнедеятельности. Экономический человек отказывается от духовности, для него материальные ценности, экономический статус и престиж становятся превыше всего. Смысл и красота жизни заключается в вещном богатстве, которому он подчиняет и науку, и искусство и художественную литературу. Подрывается почва духовного развития человека. Открывается путь к снижению содержательности жизни.¹⁵⁰ Черты характера экономического человека, его действия, созидательный потенциал стали детерминирующими факторами происходящих процессов не только в хозяйственной сфере, но и в общественной жизни в целом.

---

¹⁵⁰ Кутырев В.А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия // Вопросы философии. – 2001. № 8. – С. 35-39.

С одной стороны, качества экономического человека воплощаются в явления и процессы жизни общества, особенно экономической, в ее устройстве, организации деятельности, так как общественная в целом и экономическая, в частности, жизнь являются творениями человека. С другой стороны, экономический человек сформировался под воздействием экономической среды и, исходя из опыта поколений и законов хозяйства, выработал определенный рационализм, правила взаимодействия с различными сферами – политической, образовательной, культурной. Он получает от этих сфер огромные ресурсы для производства экономических благ, оказывает мощное обратное воздействие на их развитие, главным образом по направлениям, служащим его интересам. На основе созданной им экономической системы образовался механизм, постоянно подталкивающий к прогрессу производства, к более высокой ступени его развития. В этом механизме воплощается взаимосвязь материальной заинтересованности в росте результатов деятельности и положения в обществе (социального статуса). Богатство становится ведущим, всеми признанным критерием социального успеха – к нему явно или тайно, законно или криминально стремятся все, кто озабочен собственным общественным положением, степенью социальной защищенности и возможными продвижениями в человеческой иерархии.

В современных отечественных представлениях доход и потребление становятся господствующей установкой человека, смыслом его жизнедеятельности. Общество, пронизанное идеей «эталона жизни» тянет за собой субъекта, стремящегося «не отстать от жизни», «быть не хуже других», «чтоб все как у людей».

Обычно продвижение вверх требует нравственных усилий, морального труда над собой и своим положением в обществе. Поэтому для скорейшего достижения заданной цели выбирается более легкий путь – подражание. Результатом таких действий выступает человек–мозаика, состоящий из отдельных единиц (мемов), отвечающих не собственному

вкусу, а общепринятому образцу благосостояния. Воспроизведение достатка может осуществляться личностью даже прямо противоположной этому состоянию – состоянию гармонии с материальным и идеальным миром. Это происходит с помощью воспроизведения знаков и символов достатка, где особую роль играет мода.

Как отмечают исследователи в данной области,¹⁵¹ мода – это в первую очередь явный знак социального различия, маркирующий положение индивида в имущественной, профессиональной, половозрастной структуре. Вся современная культура представляет собой набор символов в борьбе за признание, престиж, идентичность. Уже достаточно хорошо изучено, как доминирующие социальные группы навязывают всему обществу свое мировоззрение, свои моральные оценки и эстетические вкусы, проявляющиеся в безграничном потреблении. Общество потребления — это не просто общество изобилия, где вдоволь всяких вещей. Это общество, в котором потребление сделалось главным содержанием общественной жизни, оттеснив на второй план производство и накопление.¹⁵²

Специфика современного российского общества такова, что именно достаток прочно связан с положением человека в обществе, его статусом. Поэтому достаток становится удобным объектом для меметической рефлексии. Когда индивид представляет себя перед другими, его «исполнение» будет проявляться как воплощение собственным примером общепринятых ценностей данного сообщества в гораздо большей мере, чем это делает его поведение в целом. По образцу Э. Дюркгейма¹⁵³ и А. Р. Радклифф-Брауна,¹⁵⁴ на это исполнение можно смотреть как на церемонию экспрессивного обновления данного человеческого

¹⁵¹ Барт Р. Система моды. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.; Гофман А. Б. Мода и люди: Новая теория моды. – М.: Наука, 1994. – 160 с; Михайлова Л.И. Социология культуры: Учеб. пособие для студ. вузов гуманитарных специальностей. – М.: Гранд: Фаир-Пресс, 1999. – 230 с.

¹⁵² Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.

¹⁵³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: методика социологии. – М.: Наука, 1991. – 527 с.

¹⁵⁴ Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 414 с.

сообщества. В этой «церемонии представления» самую важную часть знакового снаряжения подражаемого социального класса составляют статусные символы, через которые выражается материальное благосостояние.¹⁵⁵ Соображения престижности, демонстрации достатка оказывают свое воздействие не только на представления о прекрасном и полезном в отношении вещей, но в отношении всех, материальных и идеальных, объектов потребления, средств потребления, а также на суждения о самом человеке, его внешности, манере поведения, всего стиля его жизни, образа его мысли, культуры. Это определяет «свободу выбора» образа жизни большинства россиян, которая на практике оборачивается несвободой. Универсализация на уровне обыденного сознания объективно ведет к размыванию и обесцениванию личной индивидуальности.

Однако осознание роли воспроизводящихся единиц культуры обеспечивает основу для понимания эволюции общества до его сегодняшнего состояния и дает реальные инструменты для его изменения, технологию построения будущего. Современным человеком достаток воспринимается слишком узко, он сводится к чисто экономическим характеристикам, в то время как достаток является категорией нравственной, мировоззренческой. Быть «человеком достатка» – значит, не просто соблюдать определенные нормы внешнего вида, которые предъявляет человеку данная группа, но и обладать соответствующими качествами и нормами поведения. «Человек достатка» это не набор символов богатства и финансовой состоятельности – одежда дорогих марок, соответствующие аксессуары, машина последней модели и вилла за городом. Именно так в обыденном представлении рисуется данный образ. «Человек достатка» (а не богач) – это, прежде всего, гармонично развитая личность, способная держать под контролем свои потребности, знающая меру в отношениях с материальным миром и использующая свои доходы

---

¹⁵⁵ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – С. 78.

(достаток) как средство для достижения иных целей, лежащих за пределами вещных интересов.

Отличие «человека достатка» от «человека-потребителя» заключается в том, что его деятельность имеет не утилитарную, гедонистическую интенциональность, а помимо удовлетворения потребностей, еще и создание культурных ценностей, имеющих общественное значение. Это не индивидуалист, заботящийся лишь о собственном благе, но создатель, строитель как самого себя, так и окружающего мира. Достаток, положение в обществе, социальный статус – это не материальная вещь, которой надо овладеть и выставить на показ. По сути, это воплощение соответствующего занимаемой позиции поведения – последовательного, идеализированного и четко выраженного.

Тем не менее, способность к наращиванию капитала ассоциируется в общественной психологии с продуктивной энергией, силой воли и неординарностью личности.¹⁵⁶ Именно таким образом современный человек, преодолевая собственную пассивность и слабость, в корне изменяет свое бытие, перестраивает вокруг себя мир.

Возникает образ человека – эталона благополучия, некоей идеальной модели. Финансовое возвышение субъекта все чаще и чаще рассматривается в качестве общественного признания его значимости и исключительности, в качестве высшей и наиболее полной реализации его интеллектуальных способностей. Идея отчужденного равенства, заключенная в деньгах, означает равную для всех возможность в достижении социального неравенства. При этом, достижение обозначенного неравенства переживается как исключительность духовная, а его не реализация – как духовная ущербность. Если внутренние духовные ресурсы оказываются исчерпанными (или переживаются как таковые), возникает скрытый комплекс неполноценности. Духовная

---

¹⁵⁶ Кортунов В.В. Философия денег. – М.: Логос, 1997. – С. 32.

пустота может быть компенсирована иной возможностью – возможностью признания через экономическую исключительность.

Таким образом, недостаток начинает выступать как определенная культурологическая технология: иной путь к самоутверждению и попытке получения общественного признания (не требующий продуктивных действий), в формировании экономической исключительности. Именно она должна компенсировать отсутствие духовных ресурсов и создать имидж социально признанной ценности. Жизнь и деятельность экономического человека проходит в таких условиях, при которых постоянно возникают противоречия с общечеловеческими ценностями – с нормами морали, справедливости и не согласуется с истиной свободой. Противоречия обостряются между частной и общественной сторонами жизни, индивидуальными и общественными интересами человека. «Творчество, как высшее проявление человеческой сущности, утрачивает статус социальной и личностной ценности, перестает быть притягательным, что превращает человека в придаток механической и социальной машины, притупляет и глушит в нем тягу к новациям, их реализации, тем более к их самостоятельному продуцированию и воплощению в действительность».¹⁵⁷ Происходящая в силу этого дегуманизация духовно обедняет человека, порождая дискомфорт психики. Не неся созидательного начала, но действуя потребительски, появляется человек-разрушитель, разрушитель себя как личности и окружающей среды.

Как отмечает Э. Фромм, «люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть».¹⁵⁸ Человек вынужден обращаться даже с собой как с товаром, который старается продать повыгоднее, руководствуясь высшим принципом рынка – наивысшей эффективности. Отстают на

---

¹⁵⁷ Лежников В.П. Человек гуманный вместо экономического //Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму. – М.: Слово, 2003. – С. 400.

¹⁵⁸ Фромм Э. Иметь или быть? – М: Наука, 1986. – С. 106.

задний план истина, мораль, справедливость, достоинство и другие общечеловеческие ценности, когда они не соответствуют экономическим интересам.

В данных условиях человек экономический беспощаден как конкурент или даже партнер. Во всех случаях он старается быть в выигрыше, прибегает для этого к любым мерам. Таким его вынуждает быть та среда, в которой он находится. Экономический человек создал мир, где другой индивид – противник, конкурент или жертва, от которого надо получить как можно больше выгоды, заставить подчиняться, продаваться, потерять самостоятельность.

Совсем иным является определение человека достатка, которое родственно определению *homo creator*. Это человек, который воспринимает достаток как средство творить, а не потреблять, он не просто включен в творческую деятельность, хотя таким может быть его определение в узком смысле слова, а человека творческого как личности, существующей в мире глобальной экономики. Его деятельность является, прежде всего, актом сотворения новых культурных ценностей и саморазвитие, так как важнейший результат творческой жизнедеятельности – это прогресс самого творца. Фундаментальной характеристикой такого человека является его неотделимость от творческой деятельности, ибо результатом этой деятельности является сам творец. Такая характеристика бросает вызов глобальному экономизму, основанному на отношениях купли-продажи.

Формы творчества проявляются и в предпринимательстве, где человек использует свои новаторские способности не для развития своей личности или формирования мира культуры, а для увеличения капитала. Здесь творчество направлено на реализацию превратной формы, на увеличение овеществленного стоимостного богатства. Здесь человек-творец заботится не о том, чтобы создать культурную ценность, развить личность своих коллег и свою собственную; он живет в мире, где

самовозрастание стоимости и развитие денег есть самоцель, а все остальное не более чем средства. «В ряде случаев эта цель может совпадать с прогрессом производительных сил, в ряде случаев она может вызывать чудовищные разрушения, и наиболее предприимчивым окажется тот, чья деятельность наиболее разрушительна. Так не раз происходило, когда наиболее предприимчивые капиталисты, особенно эпохи первоначального накопления капитала, в чем-то весьма близкой к российской действительности конца XX в., а оказывались чудовищно циничными людьми, готовыми за 300% прибыли, как писал когда-то Маркс, пойти на любое преступление».¹⁵⁹

С другой стороны, предприниматель может воспринимать рост стоимостного богатства или достаток всего лишь как средство для решения позитивных задач: роста производительности труда, развития новых технологий, создания новых предприятий, внедрения новых достижений науки или прогресса образования. Такое тоже возможно, но в этом случае в нем творческий человек доминирует над предпринимателем, а статус предпринимателя является лишь внешней оболочкой, которую человек вынужден на себя надевать для того, чтобы заниматься творчеством в условиях капитализма. Однако эта оболочка далеко не безобидна: включаясь в мир капитала и мир денег, такой человек очень быстро забывает о том, что было первоначальным порывом, ради чего он решил зарабатывать деньги. Существует масса примеров, когда человек пытается заняться бизнесом только для того, чтобы в перспективе иметь возможность для самосовершенствования и интересной творческой деятельности. Но лишь единицы потом вспоминают о первоначальной цели. Такое положение является исключением в мире экономизма, где деньги и капитал господствуют над человеком, а не наоборот. Проблема дохода при существующей нестабильности социально-экономической

---

¹⁵⁹ Бугалин А. Трагедия социализма – М.: ТОО «Экономическая демократия», 1992. – С. 278.

ситуации является ключевой для развития общества. В современном понимании достаток – это качество жизни, сложный феномен, охватывающий социальное и индивидуальное благополучие. Он выходит за рамки традиционного представления о материальном благополучии, «жизненном уровне» и включает философские, психологические и культурные компоненты. Эта социально-экономическая категория включает в себя не только потребление материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, здоровья, продолжительности жизни, условия среды, окружающей человека, морально-психологический климат, душевный комфорт. Все эти компоненты не будут удовлетворены без высокого экономического уровня.

Бесспорными обладателями достатка в обыденном сознании 90-х годов XX века являлись так называемые «новые русские». Этот феномен, как сложное культурное явление, требует более глубокой неоднозначной оценки. Из анализа анекдотов видно, что представителем данной категории является личность, обладающая набором негативных характеристик. Однако класс «новых русских» сегодня трансформировался в средний класс, что служит отражением происходящих в этом социальном слое значительных культурных изменений, затронувших все сферы деятельности:

- образование – с каждым годом в среде людей с достатком появляется все большее число образованных, дипломированных специалистов. Факт повышения статуса человека, имеющего высшее образование в исследуемой среде, говорит о процессе трансформации в положительную сторону;
- культура общения – бизнес, связанный с деньгами, как известно, требует к себе уважения и специфических знаний, в том числе и в области профессиональной этики. Это важный момент в развитии нашего общества, с резко меняющимися ориентирами, также носит элемент переоценки в сторону ее повышения;

- мода и вкус – можно с уверенностью сказать, что достаток воспитывает вкус и способствует развитию эстетических взглядов. Принадлежность к данному классу диктует свои требования, и одним из условий является следование европейским стандартам в области моды;
- здоровый образ жизни – многие люди, занятые в сфере бизнеса, давно осознали для себя полезность и необходимость ведения здорового образа жизни, необходимого для успешной работы;
- «цивилизованность» – достаток позволяет приобщиться к европейской цивилизации как в области быта, так и в сфере искусства и творчества.

Достаток, таким образом, служит формой культуuroобразования личности. Однако это не значит, что образ жизни всецело определяется объективными условиями человеческого существования. Бесспорен тот факт, что люди с одинаковым достатком ведут различный образ жизни, и их отношение к материальным благам и ценностям не одинаково.

Неоднозначный характер этой зависимости подтверждается и тем, что более высокий уровень благосостояния сам по себе еще не обеспечивает более возвышенного образа жизни, который может сочетаться с минимумом благ и удобств. Различия начинаются там, где речь идет о способах достижения благополучия. Социальная группа, достигающая достаток «цивилизованным» способом, не нарушая моральные и этические нормы, в основной массе демонстрирует позитивные, отвечающие интересам общества социальные качества, возрождая в новых условиях традиционный российский уклад жизни, основанной на принципе разумной достаточности, дополненной стремлениями к личной свободе, независимости, инициативе и ответственности.

Сопоставление основных черт человека экономического и гуманного выявляет множество различий.

Основные черты экономического человека: личная выгода как исходный экономический интерес; стремление к неравной выгоде

сотрудничества, наибольшей выгоде при любых условиях; агрессивное поведение, использование жестких средств для достижения целей; отношение к другим людям – корыстное, холодное; главная цель – увеличение богатства для личного благосостояния; мотивация действий – рационализм и экономическая эффективность; идеал – деньги; относительное понимание справедливости; характер – чаще всего хитрый, лицемерный, алчный; философия жизни – пессимизм; степень свободы – ограниченная; беспощадное отношение к природе; итоговый жизненный результат – дефицит истинного счастья.

Основные черты гуманного человека: заинтересованность в высоких результатах для общества; желание равновыгодного сотрудничества; благожелательное поведение; бескорыстное, дружеское отношение к другим людям; ориентация – к человеку; главная цель – служение добру и получение удовлетворения от него; мотивация действий – высший реальный социальный эффект, всеобщее благополучие; идеал – всеобщее счастье; характер откровенный, правдивый; философия жизни – оптимизм; степень свободы – полноценная; заботливое отношение к природе; итоговый жизненный результат – подлинное счастье.

Сравнивая важнейшие черты экономического человека и гуманного, важно отметить, что экономический человек не мог совсем потерять общечеловеческие качества, он их сохранил, но использует в прагматических целях, частично признает и имеет к ним двойное отношение. Именно такое поведение для него выгодно.

Гуманный же человек не терпит двойных стандартов. Логика жизни человека как человека неумолимо приводит его к отказу от подчинения экономическому детерминизму, который ведет к самоуничтожению. Это не будет принижением роли экономики, а лишь возвышением места человека в жизни общества, усилением его функций в социальных процессах как главного ориентира и фактора.

Следует отметить, что экономика никогда не была независимой от других сфер – науки, образования, культуры, политики – она всегда находилась под сильным воздействием духовных и социальных факторов и существовала в тесной взаимосвязи с ними. Это и обуславливало целостность социума и развитие самой экономики, деятельность экономического человека. Сегодня роль этих сфер особенно важна в осуществлении освобождения от экономической детерминации. Это позволит перейти к новым правилам жизни, когда человеческие направления духовно-интеллектуального развития выйдут на первый план и станут важнейшей частью в гуманизации общества, в формировании человека достатка. Именно такой процесс может гарантировать наиболее гармонизированное и эффективное развитие экономики, где она обретет свое истинное место и функции.

Очевидно, что на смену человеку экономическому должен прийти «человек достатка», в котором возможно сочетание материи и духа. Достаток – это состояние гармонии в отношении материального и идеального мира, хозяйства и культуры. Достижение подобного состояния – прежде всего каждодневная, кропотливая работа человека над собой по обнаружению своих личностных возможностей и по отысканию способов их расширения в процессе самообразования, самореализации, самоощетворения выбранного им образца.

Путь, по которому должен двигаться человек в самореализации – гармонизация своей жизни, основным условием которой является мера. Соблюдение меры во всех сферах своей жизнедеятельности должно осуществляться за счет пропорционального соотношения в удовлетворении материальных и духовных потребностей. В реализации этой задачи определяющая роль принадлежит образованию человека, образованию как социальному институту, который в России имеет значительный, но не реализованный потенциал.

3.3. Достаток как фактор инкультурации личности

В современных условиях наблюдается дефицит внимания к проблеме достатка в воспитании молодого поколения – будущего России, в пространстве экономической культуры, в границах решения социальных проблем качества жизни. Нельзя сказать о невнимании философов к этому феномену, однако в современной философии достаток понимается неопределенно, как архаическая форма экономической культуры.

Актуальность изучения достатка в границах отечественной культуры усиливается в связи с потребностью формировать гражданские цели, главную идею для русского общества. Таким образом, достаток из экономической проблемы превращается в общегуманитарную. До сих пор считалось, что бедность является основой добродетели, что она объединяет душу и тело. Несмотря на то, что достаток – это антитеза бедности, он, тем не менее, живет по тем же законам. Следовательно, он также способен приводить в гармонию душу и тело. Здесь речь идет о внутреннем состоянии, о самодостаточности. Кроме того, достаток дает возможность вести комфортную жизнь, приобретая красивые вещи и функциональные технические средства, обустривая свое жизненное пространство, создавая собственный дизайн, где можно проявить свое творческое начало. Способствует приобщению к мировой культуре через театры, кино, выставки и прочее, что малодоступно человеку неимущему.

В целом люди с достатком способствуют формированию новой идеологии, нового мировоззрения, во главе которого стоит материальная стабильность, уверенность в завтрашнем дне, финансовая независимость. Отечественная педагогика в вопросах воспитания со времен советской власти руководствовалась теми же принципами, что и вся идеология государства: полное экономическое равенство, упразднение частной собственности. Педагогическая наука послеперестроечного времени

отмечает необходимость воспитания у молодого поколения культуру потребления, правильного отношения к деньгам, вещам и тратам.

«Социологи отмечают, что наряды нынешних школьников обходятся родителям в два раза дороже, чем пятнадцать лет назад. Семейный бюджет имеет определенный крен: зачастую ученица VIII-X класса ходит в одежде, какую ее сорокалетняя мать позволить себе не может. Фирменные джинсы, импортные сапоги, дубленки, драгоценные украшения – все это болезнь престижа. А ведь формирование разумных потребностей у школьников должно быть объектом постоянной заботы педколлективов, семьи и общественных организаций. Культура потребностей является частью общей культуры человека».¹⁶⁰ Между тем ученые¹⁶¹ отмечают, что взамен отрицаемого старого молодежи пока не предложено ничего достойного, кроме идеалов наживы и потребительства.

Состояние школы, в котором она оказалась в середине 80-х годов, отражает кризисное состояние общества, руководимого командно-административной системой. «В числе главных причин позже назовут искажение марксистско-ленинской концепции социализма, повлекшее за собой ориентацию школы лишь на государственные интересы в ущерб развитию потребностей самой личности. Начавшаяся в апреле 1985 года перестройка общества высветила это противоречие, показала нецелесообразность односторонней ориентации воспитания».¹⁶² Среди новых актуальных задач встали задачи экономического воспитания.

Этика бизнеса – одна из самых молодых и стремительно развивающихся областей науки. К сожалению, в нашей стране сложилось не совсем точное представление о ней. Этика бизнеса в России часто подменяется психологией делового общения, описанием правил делового

---

¹⁶⁰ Педагогика. – Минск: «Народная АСВЕТА», 1988. – С. 4.

¹⁶¹ Терентьев А.А., Свадьбина Т.В. Духовно-нравственные ориентиры воспитания молодежи в идейном наследии И.А. Ильина. – Н.Новгород: Нижегородский регион. ИН-Т управления и экономики АПК, 2000. – 30 с.

¹⁶² Нравственно-эстетическое воспитание учащихся: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1988. – С. 96.

этикета и др. Однако данная дисциплина может быть полезна и практикам бизнеса, которые могут найти в ней необходимый инструментарий для анализа и решения этических проблем деловой жизни и повышения этического уровня организации.

Современная деловая этика, по мнению многих ученых,¹⁶³ должна основываться на трех важнейших положениях:

1. Создание материальных ценностей во всем многообразии форм рассматривается как изначально важный процесс;
2. Прибыль и другие доходы рассматриваются как результат достижения различных общественно значимых целей;
3. Приоритет при разрешении проблем, возникающих в деловом мире, должен отдаваться интересам межличностных отношений, а не производству продукции.

Рыночные отношения, коммерциализация повседневной жизни побуждают педагогов формировать правильные ориентации в товарно-денежных проблемах, давать рациональную и нравственную оценку поведению людей в сфере потребления. Духовная рациональность затронула сферу воспитания, а в частности, проблему детства и достатка. Сильно действующим негативным фактором, определяющим поведение молодежи, является поляризация жизненного уровня и дезинтеграция вследствие этого российского общества. Радикальные изменения, происходящие в сфере распределения, несправедливость общественных отношений дезориентируют молодое поколение. Большинство детей видят, с одной стороны, своих безработных родителей или работающих, но получающих чрезвычайно низкую заработную плату, старающихся иметь множественную занятость и все равно находящихся в бедности. С другой стороны, они наблюдают (в том числе по телевидению) совершенно для

---

¹⁶³Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса: Учеб. Пособие. – М.: «Дело», 2001. – 280 с.; Швейцер А. Культура и этика. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1973. – 112 с.; De George R.T. The Status of Business Ethics Past and Future // *Journal of Business Ethics*, vol. 6. – 1987. – P. 201-211; Василенко И. Православная этика и российская цивилизация // *Новая Россия*. – 1999. № 1. – С. 29-32.

них непонятное богатство в повседневной жизни, которым пользуется определенный круг людей.

Отклонение в поведении детей и молодежи в значительной мере связано с тем, что многие потеряли нравственные ориентиры. Важнейшим фактором становится формирование социальных ценностей, так как от старых общество спешит отказаться, а новые постулаты еще не заняли свое место. Немало молодых ребят оказались сегодня в рабской зависимости от материального положения, что толкает их даже на криминал. В условиях постоянного недостатка, в детской среде формируется новая ценность – достаток через бизнес. «По мере взросления всё большее количество работающих детей связывают своё будущее с бизнесом, управлением и экономикой: в подростковом возрасте около 21%, в юношеском – 36%».¹⁶⁴ Процесс ранней экономической социализации работающих детей требует грамотного педагогического, психологического, организационно-управленческого сопровождения и поддержки, что должно заключаться в совместном с ними поиске путей преодоления проблем, мешающих достигать желаемых результатов в обучении, жизни и саморазвитии. В данных условиях достаток воспринимается как цель, а не средство, что формирует уже в детской среде соответствующий этой установке тип рационального экономического человека. Этому способствуют враждебные культуре обстоятельства в нашей экономической и духовной жизни и предопределяются, главным образом, все более неблагоприятно складывающимся взаимодействием между экономическим и духовным началами.

Кризис ценностного сознания в первую очередь проявился в среде студенческой молодежи, которая сейчас представляет собой наиболее перспективную возрастную категорию в плане осуществления социальной

---

¹⁶⁴ Рыбинский Е.М. Социальные проблемы детства // Народонаселение. – 2002. №2. – С. 42.

и профессиональной карьеры.¹⁶⁵ Она в чисто прагматическом отношении все чаще связывает свой жизненный путь и цели с высоким уровнем и качеством образования. В то же время из-за сильного материального неравенства возможностей в получении образования и самореализации доступность элитарных форм образования возможна лишь для узкого круга высокооплачиваемых слоев населения. Богатство и деньги, как и карьера, вошли в число ведущих ценностей молодежи. Достаток воспринимается молодыми людьми как условие большей свободы выбора, удовлетворения разнообразных потребностей, социального престижа и власти. В целом, образовательная система все более разделяется на элитную часть, обеспечивающую образование для небольших привилегированных слоев, и менее престижное, но более доступное образование для всех остальных.

Существующая элитарность в общем и высшем образовании чревата различного рода проблемами. Распространилась мода не просто на высшее образование, появилась тенденция престижного образования, предполагающего в основной своей массе крупные денежные вливания. Ориентация на престижное образование – дань моде, но для личности с низким уровнем духовного развития, как показывает практика, такое дорогостоящее образование не дает стимулов для самосовершенствования. Престижный вуз играет здесь роль символа достатка и успешности в глазах окружающих. Можно утверждать, что престижность образования выполняет определенную социальную функцию, а именно — функцию социального маркирования культурного потребления. В то же время в высокоразвитых обществах (и, прежде всего, в определенных социальных слоях) все более очевидно становится тенденция постепенного разрушения традиционной ориентации – на достижение материального благосостояния и потребительского успеха. Эта тенденция обозначается

---

¹⁶⁵ Данкова Ж.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в современном обществе // Социология социальных трансформаций. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2003. – С. 486.

как «девальвация материализма» (под материализмом понимается преобладание ориентации на деньги и богатство). Возникает понимание богатства как важного условия и средства для достижения иных (в отличие от количества денег), более значимых целей с точки зрения ценностей человеческого существования, например, получение хорошего образования, доступа к богатствам культуры.

В центре внимания все более оказывается проблема самореализации личности – от создания своего внешнего, физического имиджа до возможности занятий интеллектуальными, духовными видами деятельности по своему вкусу и выбору. В этом смысле можно говорить об ориентации как мотивации личности к самореализации, к поиску себя, к утверждению своего личностного начала. В данном случае достаток здесь понимается и как материальное благо, и как духовное благополучие. Как известно, совершенная, всесторонняя и гармонично развитая личность – наивысшая цель воспитания. Поэтому встает вопрос о необходимости внесения этики достатка в процесс воспитания и образования. Создавая искусственную обстановку и конкретные ситуации, появляется возможность посредством игры обучить и воспитать необходимые нравственные установки в вопросах бедности и богатства.

Игра – уникальный феномен общечеловеческой культуры. Ни в каких других видах деятельности человек не демонстрирует такого самозабвения и обнаруживает свои психофизиологические, интеллектуальные ресурсы, как в игре. Она, как огромный пласт культуры разнообразит и обогащает досуг, воссоздавая ценность бытия человека. Выдающийся нидерландский мыслитель XX в. Йохан Хейзинга утверждает, что понятие «человек играющий» выражает такую же существенную функцию, как «человек созидающий», что анализ любой человеческой деятельности до самых пределов сознания свидетельствует, что это не более чем игра, что игра есть специфический фактор всего, что окружает людей в мире. Й. Хейзинга во многих своих работах понятие

игры настойчиво интегрирует в понятие культуры.¹⁶⁶ Детство без игры – аномально. Лишение ребенка игровой практики – это лишение его главного источника развития: импульсов творчества, признаков и примет социальной практики, микроклимата коллективных отношений, активизации процесса познания мира. «Для детей игра – продолжение жизни, где вымысел – грань правды... Игра – первая ступень лестницы действительной жизни, и ценность ее именно в том, что она – первая ступень».¹⁶⁷ Одним из ее назначений является социокультурное направление. Это – сильнейшее средство социализации ребенка, включающее в себя как социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на становление личности, усвоение детьми знаний, духовных ценностей и норм, присущих обществу, конкретной социальной общности или группе сверстников, так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на формирование ребенка. «Игра своего рода эталон культуры, контролируемый феномен, который наиболее полно выражает самобытное в людях, психологический склад народов, национальностей, традиции сублимации».¹⁶⁸ Все игры социальны в своей основе. Но все-таки существуют игры с наибольшим социальным запасом и ориентацией на социализацию личности человека. К ним прежде всего относятся сюжетно-ролевые и деловые игры. Это форма моделирования ребенком прежде всего социальных отношений и свободная импровизация, не подчиненная жестким правилам, неизменяемым условиям. Ее свойство – улавливать и отражать жизнь, изменения в жизни и развитии общества.

Поскольку ролевые игры копируют взрослую жизнь, дети, в них играющие, накапливают опыт общественных отношений людей, опыт социальных переживаний. Они сильны тем, что основаны на трудовом усилии, движении, интеллектуальном напряжении. Впоследствии эти игры

---

¹⁶⁶ Хейзинга Й. Сочинения: В 3-х тт. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 413 с.; Хейзинга Й. Человек играющий. В тени заутраченного дня. – М.: Прогресс, 1997. – 413 с.

¹⁶⁷ Шмаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры. – М.: Новая школа, 1994. – С. 6.

¹⁶⁸ Там же. – С. 63.

постепенно перерастает в работу, в серьезную деятельность. Содержание роли – основа такой игры. Интенсивное развитие личности ребенка идет через смену ролей, которые помогают ему укрепиться в различных жизненных позициях. Содержание игрового процесса – реальные действия, реальные операции деятельности, реальные образы ее воплощения, но в воображаемой ситуации. Формирование нравственных установок по отношению к достатку может быть продолжено и на следующей ступени образования – в высшем учебном заведении. Для студентов могут быть предложены различные спецкурсы, одной из целей которых будет нормирование экономической культуры личности.

В последнее время в науке встал вопрос о влиянии экономики на обыденное сознание. Объективная реальность есть психологическая установка на определенную заданную модальность восприятия. Модальности представляют собой тип отношения высказывания к реальности. Обращаясь к словарю, мы находим, что: «Модальность – вид и способ бытия или события. Категориями модальности являются: возможность, действительность, необходимость, соответственно которым существует модальность проблематического (возможного), ассерторического (действительного) или аподикритического (необходимого) суждений».¹⁶⁹ Таким образом, модальностью восприятия можно назвать восприятие окружающего мира при помощи уже заданных категорий, описывающих реальность и характерных для той или иной эпохи.

В основе обыденного экономического мышления лежит поведенческий опыт. Экономическое мышление и практика находятся в диалектическом единстве и противоречии. В этом единстве первенство принадлежит практике, мышление вторично, производно. Но производность мышления не означает, что оно автоматически воспроизводит практику. Экономическое мышление, как и экономическая

---

¹⁶⁹ Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 273.

практика, обладает относительной самостоятельностью, собственными закономерностями развития. Оно, вытекая из практики, активно влияет на нее. Они не просто взаимодействуют, но и взаимопроникают.

Посредством экономического сознания небольшая группа людей проводит в жизнь свою мифологию (модальность восприятия) и навязывает ее остальным людям. Экономическое сознание – это определенная модальность восприятия и интерпретации «реальности» или «миф», который проецирует свою реальность на сознание людей («...миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»). Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола». ¹⁷⁰ Каждодневному решению экономических задач обязано человечество своей начальной подготовкой в области рационального мышления и поведения. Вся логика начинает строиться по образцу экономических решений. Человек экономический инициирует рационализацию способа ведения хозяйства, управления во всех сферах социальной жизни. В свою очередь, этот процесс оказывает обратное воздействие – рационализирует образ мышления людей, способ их чувствования и образ жизни в целом.

Экономическая модальность относится к онтологической, как способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления. В зависимости от смысла, который вкладывается в модальность, различают несколько видов логик модальностей. В ракурсе проблемы соотношения экономических отношений и этики можно выделить логику алетических модальностей, логику аксиологических модальностей и деонтическую логику. Поведение человека определяется теми ценностными установками и предпочтениями, которых он придерживается. Существуют искажающие, или опосредующие, факторы,

---

¹⁷⁰ Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 24.

которые воздействуют на поведение человека. Одним из наиболее существенных опосредующих факторов в современных условиях является экономическая рациональность на всех уровнях бытия. Рациональность современного мышления порождает не только резкий разрыв между процветающими и бедствующими слоями населения, но воздействует и на более глубокие процессы в сфере восприятия окружающего мира. Выделив в таблицу модальности и плоскости их существования как позитивный, негативный и нейтральный, можно проследить основные противоречия в данном вопросе.

Категория достатка, мотивированная экономическими факторами и связанная с общественным сознанием, является эволюционной категорией. Под воздействием на обыденное сознание экономической рациональности происходит изменение в области ценностных ориентаций и этических отношений. Аксиологическая модальность приобретает при этом новую направленность. Восприятие окружающей действительности с точки зрения оценочного отношения «хорошо» и «плохо» трансформируется на всех уровнях сознания, перемещаясь со знака «+» на знак «-», и наоборот. То, что, например, ранее воспринималось как негативный фактор («Буду добывать средства любыми путями, в том числе и незаконными, если потеряю работу» – открыто заявляют более трети респондентов в Нижегородской области¹⁷¹), сегодня в логике аксиологических модальностей относится к норме. При этом видоизменяется ценностная ориентация как отдельных людей, так и целого общества.

Деньги из средства обеспечения жизнедеятельности становятся еще и универсальным механизмом регулирования человеческих отношений. Культура бытовых займов изменилась довольно значительно в сторону разобщения людей на денежной почве. «Когда брал раньше в долг, чувствовал к человеку благодарность, а сейчас чаще чувствую к нему

---

¹⁷¹ Широкалова Г.С. Соблюдение прав человека // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 17. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 191.

досаду и раздражение».¹⁷² Если раньше бытовой заем был привычной частью межличностных отношений и значимо не влиял на них, то сейчас факт займа или дачи денег в долг становится фактором, разобщающим людей, ухудшающим межличностные отношения.

Подобно логике аксиологических модальностей деонтическая логика претерпевает те же изменения в знаках «+» и «-» – «должно», «разрешено», «запрещено», касаясь этики денежных взаимоотношений. «Концепции этического человека в рамках аморальной системы будут изменяться с учетом требований выживания, то есть провоцировать неэтичное поведение, поддерживаемое самой системой».¹⁷³ Понятие «запрещено» с позиций экономически действующего человека может быть заменено понятием «разрешено», если при этом будет получена материальная выгода, а понятие «должен» все более уменьшается в своей значимости. Искажая отношение к моральным аспектам долговых обязательств не только в материальной, но и в духовной сфере, подвергается разрушению диалог с внешним окружением и, как следствие, диалог с собственным внутренним миром.

В достатке как категории, находящейся в сфере алетических логических модальностей необходимости, возможности и невозможности, модальная направленность изменяется под воздействием экономических детерминант. Эти изменения из сферы простых противопоставлений переходят в иные качества. Интенциональность устремлений человека с достатком вбирает качества противоположной категории – недостатка, что влечет за собой смешение в области социальных, психологических и культурных смыслов.

---

¹⁷² Гильманов С.А. Влияние бытового денежного долга на межличностные отношения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы пятой научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2004. – С. 107.

¹⁷³ Шмулевич М.С. О нравственных проблемах бизнеса // Культура и этика бизнеса: история, традиции, проблемы переходного периода: Материалы международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1997. – С. 121.

Качества, характеризующие состояния достатка и недостатка (нехватки средств) начинают изменять направленность, обусловленные различными мотивировками. Можно отметить следующие противоречия.

Находясь на высокой ступени социальной лестницы, можно приобрести любые знаки внимания, но подлинного чувства при этом купить нельзя. Человек с достатком имеет возможность направить материальные средства на развитие искусства, при этом не имеет желание заниматься этим видом деятельности. Состоятельные люди, имеющие большие состояния, зачастую их стыдятся. Эта тенденция присутствовала в истории православной Руси, сохранилась она и сейчас. В среде крупной буржуазии, среди богатых промышленников, купцов были настроения, которые показывали, что они как бы стыдятся своего богатства и сочли бы кощунством называть право собственника «священным».¹⁷⁴ Не стыдятся воровать для достижения материального благополучия, совершаются поступки, которые, с точки зрения морали, делать нельзя. Излишества в обладании приводят к пресыщенности в желаниях, с одной стороны. С другой – к отчужденности личности, развитию одних качеств за счет других, при этом возникает не желание работать на духовном уровне.

Таким образом, экономически действующий человек, рационализируя способ своего существования, порождает новый тип сознания – экономическое мышление, которое оказывает дегуманизированное воздействие в сфере восприятия окружающего мира. Однако экономическая рациональность на всех уровнях бытия воздействует на более глубокие процессы в обществе, меняя модальность экономического мышления. Вот почему достаток, существующий в плоскости экономического мышления, является одним из опосредующих факторов поведения человека и приводит к гармонизации в области ценностных ориентаций и этических отношений. При этом личностные

---

¹⁷⁴ Кожевников В.П. Русский национальный характер // Духовная культура: Материалы докладов Пятой межвузовской конференции по теории и методологии преподавания культурологии в высшей школе. – Н.Новгород: Вектор-ТиС, 1999. – 185 с.

устремления под воздействием экономических мотивов приобретают новые направления, порождая диффузию модальных интенций.

Теоретическая разработка изучаемой проблемы и синтез различных подходов подтвердили правомерность истолкования понятия достатка как универсальной культурологической категории и позволили сделать вывод: являясь опосредующим фактором поведения человека, достаток приводит к изменению модальности экономического мышления, переходя из глубин отечественного народного идеала в механизм формирования качественной жизни и духовного раскрепощения человека.

Заключение

Понимание феноменально-универсальных свойств достатка – актуальная научная задача. В ходе написания монографии выяснилось, что данная категория формировалась постепенно и сопровождалась многими факторами, отражающими общественные процессы.

Достаток зиждется на материальном благополучии и жизненном успехе. Этой проблеме издавна уделялось повышенное внимание в философии. Именно человеческая мудрость акцентировала в нем его *достаточность*, т.е. чувство меры, обуздывающее стремление к наживе, к увеличению своего богатства, своего состояния.

Однако в ходе развития человеческой культуры к мере в достатке добавилась необходимость жизненной гармонии человека с достатком, т.е. духовное, нематериальное начало. Это особенно ярко проявилось в России, где православие и свойственные русской культуре эмоциональность и интуитивизм придали этой категории нравственно-этическое содержание. Вот почему на современном этапе русское и западное понимание достатка принципиально отличаются друг от друга, что вызывает ощущение различных путей развития наших культур.

Природно-православное отношение в России дополнилось социалистическим восприятием мира и отношением людей друг к другу. Таким образом, к природе и вере добавилась сама история, создав сложный сплав этики, материализма, духовности и различных крайностей в решении всего комплекса проблем, связанных с достатком в жизни русского человека.

Негативно-разрушительную роль сыграло игнорирование этих процессов в последние три десятилетия, когда сформировалось поколение, порвавшее со староотеческими традициями и не укоренившееся по большей части в заимствованной культуре. Именно сейчас стало особенно очевидно, что достаток является мощным человекоформирующим фактором, который требует научных антропологических подходов и разных аналитических методик своего изучения.

Достаток в чисто экономической трактовке создает целый спектр людей – «человек монетарный», «человек экономический», «человек потребляющий» и др. В массе своей это люди, олицетворяющие собой только внешнюю, материальную сторону своего успеха.

Настоятельной потребностью образования и воспитания является формирование поколения, не чуждого достатка, благополучия и даже изобилия, но воспринимающего его лишь как средство для достижения высоких, вечных, обращенных к будущему целей.

Таким образом, настало время создания идеологии достатка, не игнорирующей или эксплуатирующей бедность, а исключаящую таковую в принципе. Конечно, это относится к неоптопизму наших дней, но только до тех пор, пока подобные рассуждения будут прерогативой гуманитариев или сторонних наблюдателей. Если же за осуществление этой мечты возьмутся люди дела, прагматически мыслящие, но наделенные тонкой чувствительностью, т.е. обладающие всесторонней экономической культурой, то многие идеи социалистических утопий прошлого приобретут зримые очертания в настоящем.

Литература:

1. Абалкин, Л.И. Выбор за Россией / Л.И. Абалкин. – М.: Ин-т экономики РАН, 1998. – 212 с.
2. Абалкин, Л.И. К самопознанию России / Л.И. Абалкин. – М.: Институт экономики РАН, 1995. – 204 с.
3. Автономов, В.С. Человек в зеркале экономической теории / В.С. Автономов. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
4. Агеев, А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры / А.И. Агеев. – М.: Наука, 1991. – 106 с.
5. Аксаков, К.С. Отчего так нелегко живется в России? / К.С. Аксаков. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1007 с.
6. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: Аграф, 1998. – 635 с.
7. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
8. Аронов, А.А. Золотой век русского меценатства / А.А. Аронов. – М.: Наука, 1995. – 115 с.
9. Байбурин, А.К. Семиотические аспекты изучения вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – М.: Наука, 1989. – С. 63-88.
10. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер с фр. С.Н. Зенкин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
11. Беккер, Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Сост. Р.И. Копелюшников. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.
12. Белинский, В.Г. Избранные произведения / В.Г. Белинский. – Минск: Гос. Учебно-пед. изд. БССР, 1954. – 438 с.

13. Беляева, И.Ю. Отношение бизнеса к благотворительности в России: веришь не веришь / И.Ю. Беляева // Деньги и благотворительность. – 1994. – № 3. – С. 42-45.
14. Беляева, Л.А. Стратегия выживания, адаптации, преуспевание / Л.А. Беляева // Социс. – 2001. – № 6. – С. 44-53.
15. Беляева, Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века / Л.А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 1997. – 214 с.
16. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 382 с.
17. Бердяев, Н.А. Судьба России. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – Ростов н/Дону: Феникс, 1997. – 541 с.
18. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1990. – 288 с.
19. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 479 с.
20. Бибахин, В.В. Язык философии / В.В. Бибахин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 415 с.
21. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1995. – 168 с.
22. Болинова, С.Г. «Человек-деньги» – герой современной сцены / С.Г. Болинова // Сборник «Театр. Творчество. Образование». – Н.Новгород: администрация Нижнего Новгорода, 2003. – С. 85-88.
23. Болинова, С.Г. Антропологический аспект категории достатка в контексте неэкономии / С.Г. Болинова // Материалы Международной научной конференции «Новая политика для новой экономики: альтернативы рыночному и консервативному фундаментализму». – М.: Слово, 2003. – С. 81-81.
24. Болинова, С.Г. Богатство в западном и русском национальном сознании / С.Г. Болинова // Материалы научно-практической конференции

- студентов и преподавателей «Труды НФ ГУ – ВШЭ». – Н.Новгород: ВШЭ, 2002. – С. 44-46.
25. Болинова, С.Г. Психологическая адаптация к достатку как социокультурная проблема современности / С.Г. Болинова // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе: Материалы Международной научной конференции. – Балашов: Изд-во «Николаев», 2003. – С. 54-57.
26. Болинова, С.Г. Собственность в культурологическом аспекте современности / С.Г. Болинова // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Стратегическое управление: регион, город, предприятие». – Н.Новгород: НИМБ, 2002. – С. 49-50.
27. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
28. Борисова, Л.Г. Экономическая предприимчивость – новое социальное качество поколения / Л.Г. Борисова, Г.С. Солодова, И.Н. Харченко // ЭКО. – 2000. – № 5. – С. 53-55.
29. Бузгалин, А. Трагедия социализма / А. Бузгалин. – М.: ТОО «Экономическая демократия», 1992. – 311 с.
30. Булгаков, С. Н. Сочинения в 2-х тт. / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – 334 с.
31. Булгаков, С. Н. Сочинения в 2-х тт. / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1997. – Т. 2. – 825 с.
32. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Путь, 1912. – 321 с.
33. Бурдые, П. Начала / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1994. – 287 с.
34. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые // Социология политики. – СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
35. Быховская, И.М. Аксиология человеческого тела / И.М. Быховская. – М.: «Эдиториал УРСС», 2000. – 208 с.

36. Бюллетень фонда «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения 7 июня 1999 г. // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 156-158.
37. Василенко, И. Православная этика и российская цивилизация / И. Василенко // Новая Россия. – 1999. – № 1. – С. 29-32.
38. Васильчук, Ю.А. Социальное развитие человек в XX веке. Фактор денег / Ю.А. Васильчук // Общественные науки и современность. – 2001. – № 4. – С. 5-30.
39. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М.: КАНОН пресс-Ц, 2001. – 576 с.
40. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 379 с.
41. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. – М.: Высшая школа, 1988. – 495 с.
42. Возрождение экономики России: путь в XXI век. – М.: Наука, 2000. – 269 с.
43. Воронин, Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994-1996-1998) / Г.Л. Воронин // Социс. – 2001. – № 6. – С. 59-66.
44. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В. Гегель; Кол. авт. Ин-т филос. Рос. акад. наук. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
45. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В. Гегель; Кол. авт. Ин-т филос. Рос. акад. наук. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
46. Герцен, А.И. Исследования и материалы. Сб. науч. трудов / А.И. Герцен; Кол. авт. Рос. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л.: ЛГПИ, 1974. – 244 с.
47. Гильманов, С.А. Влияние бытового денежного долга на межличностные отношения / Под ред. А.Д. Карнышева // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы пятой научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2004. – С. 105-108.

48. Глаголев, А. Экономическая философия великих русских меценатов к. 19-н. 20 вв. / А. Глаголев // Вопросы экономики, 1994. – № 7. – С. 109-121.
49. Глотова, Г.А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека / Г.А. Глотова. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 253 с.
50. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
51. Гордон, Л.А. Потери и обретения в России девяностых: Ист. социол. очерки экон. положения народного большинства / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов; Кол. авт. Рос. акад. наук; Кол. авт. Ин-т мировой экон. и междунар. отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – Т. 1. – 304 с.
52. Гофман, А.Б. Мода и люди: Новая теория моды / А.Б. Гофман; Кол. авт Рос. АН и Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994. – 160 с.
53. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
54. Гришин, А. Мы как участники рыночных отношений / А. Гришин // Вопросы экономики. – 2000. – № 8. – С. 31-37.
55. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры.: Пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
56. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М.: «Искусство», 1990. – 395 с.
57. Гуревич, А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М.: «Искусство», 1981. – 359 с.
58. Гуревич, А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М.: «Искусство», 1989. – 366 с.
59. Гуревич, А.Я. Человек и культура: индивидуальность в истории культуры / А.Я. Гуревич. – М.: «Искусство», 1990. – 238 с.
60. Гусева, С.Г. Дети и достаток как проблема воспитания в трансформирующемся обществе / С.Г. Гусева // Гуманизм и духовность

- в образовании. Научные труды Третьей Международной конференции. – Н. Новгород: «АртПромДизайн», 2005. – С. 145-148.
61. Гусева, С.Г. Изменение феномена новорусскости / С.Г. Гусева // Стратегическое планирование ресурсов региона: Материалы научно-практической конференции. – Н.Новгород: НИМБ, 2003. – С. 70-72.
62. Гусева, С.Г. Категория достатка и духовное пространство современной личности / С.Г. Гусева // Высокие технологии в педагогическом процессе: Труды V Международной научно-методической конференции преподавателей, вузов, ученых и специалистов. – Н.Новгород: ВГИПА, 2004. – С. 203-207.
63. Гусева, С.Г. Категория достатка и культурное развитие общества / С.Г. Гусева // Философия в XXI веке: Международный сборник научных трудов. – Выпуск 2. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2004. – С. 99-103.
64. Гусева, С.Г. Национальное понимание достатка во времени и пространстве / С.Г. Гусева // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006, №3. – С. 200-206.
65. Гусева, С.Г. Русская духовность и качество жизни / С.Г. Гусева // Стратегические проблемы высшего образования и инновационного развития России: Материалы российской научно-практической конференции. – Н.Новгород: НИМБ, 2005. – С.135-137.
66. Гусева, С.Г. Социально-философские аспекты взаимоотношений человека и достатка / С.Г. Гусева // Вестник Поморского университета. – 2006, №6. – 58-62.
67. Гусева, С.Г. Социально-философский аспект архетипичности достатка / С.Г. Гусева // Науки о культуре – шаг в XXI век. Том 5. Сборник материалов ежегодной конференции-семинара молодых ученых. – М.: РИК, 2005. – С. 367-371.
68. Гусева, С.Г. Социально-функциональная природа достатка в культуре современного общества / С.Г. Гусева // Эстезис: Научно-

- художественный сборник кафедры культурологии. – Н.Новгород: НГПУ, 2004. – С. 32-49.
69. Гусева, С.Г. Человек и деньги – есть ли свобода выбора? / С.Г. Гусева // Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты: Доклады и выступления. – М.: РОХОС, 2004. – С. 60-63.
70. Гусева, С.Г. Человек экономический против гуманного как духовная проблема XXI века / С.Г. Гусева // Гуманизм как теоретическая и практическая проблема XXI века: философские, социальные, экономические и политические аспекты: Доклады и выступления. – М.: РОХОС, 2004. – С. 51-54.
71. Гусева, С.Г. Экономическая этика как социокультурная проблема современности / С.Г. Гусева // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы Межвузовской научной конференции «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 94-97.
72. Гусева, С.Г. Этический портрет собственника в современном российском сознании / С.Г. Гусева // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы пятой научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во БГУ ЭП, 2004. – С. 60-63.
73. Гусева, С.Г. Я и Другой в пространстве достатка / С.Г. Гусева // Глобальное пространство культуры. Материалы международного научного форума 12-16 апреля 2005 г. – СПб.: Центр ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2005. – С. 188-191.
74. Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 3 т. / В.И. Даль. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – 638 с.
75. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: «Прогресс», «Универс», 1994. – 1190 с.

76. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
77. Данкова, Ж.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в современном обществе / Ж.Ю. Данкова // Социология социальных трансформаций. – Н. Новгород: НИСОЦ, 2003. – 595 с.
78. Джемс, У. Психология / У. Джемс. – М.: Педагогика, 1991. – 367 с.
79. Добролюбов, К.А. Избранное / К.А. Добролюбов. – М.: Искусство, 1975. – 439 с.
80. Достоевский, Ф.М. Бедные люди. Двойник. Хозяйка. Игрок / Ф.М. Достоевский. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во. – 1983. – 431 с.
81. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 7 т. / Ф.М. Достоевский. – М.: Лексика, 1994. – 559 с.
82. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда: методика социологии / Изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапов. – М.: Наука, 1991. – 527 с.
83. Евангелие от Матфея. – Б. м.: Издание Воронежской Епархии, Б. г. – 48 с.
84. Ерасов, Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Б.С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 524 с.
85. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
86. Зарубина Н.Н. Религиозные ориентации постсоветского предпринимательства / Н.Н. Зарубина // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2003. – № 3. – С. 11-19
87. Заславская, Т.И. Бизнес слой российского общества: сущность, структура, статус / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 15-23.
88. Зеленов, Л.А. Введение в общую методологию: Монография / Л.А. Зеленов. – Н.Новгород: Изд. Гладкова О. В., 2002. – 150 с.

89. Зеленов, Л.А. Основы философии / Л.А. Зеленов. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 160 с.
90. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского языка. Объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – М.: «Сюита», 1996. – 456 с.
91. Зиммель, Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
92. Зомбарт, В. Буржуа: этюды по истории развития современного экономического человека / В. Зомбарт. – М.: Наука, 1994. – 442 с.
93. Ильин, И.А. О частной собственности / Исупов К., Савкин И. / Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – 512 с.
94. Инглегарт, Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Под ред. В.Л. Иноземцева // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 245-261.
95. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 352 с.
96. Касьянова, К.А. О русском национальном характере / К.А. Касьянова. – М.: Изд-во: Академический проект, 2003. – 560 с.
97. Киреевский, И.В. Критика и эстетика / И.В. Киреевский. – М.: Искусство, 1998. – 463 с.
98. Китов, А.И. Экономическая психология / А.И. Китов. – М.: Экономика, 1987. – 303 с.
99. Ключевский, В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В.О. Ключевский. – М.: Прометей; Дизайн ТПО «Квадрат», 1991. – 334 с.
100. Кнабе, Г. С. Быт и история античности / Г.С. Кнабе. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
101. Кнабе, Г.С. Древний Рим – история и повседневность / Г.С. Кнабе. – М.: «Искусство», 1986. – 206 с.

102. Кнабе, Г.С. Категория престижности в жизни Древнего Рима / Г.С. Кнабе. – М.: «Искусство», 1986. – 315 с.
103. Кнабе, Г.С. Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия / Г.С. Кнабе. – М.: Издательство высших гуманитарных исследований, 2000. – 238 с.
104. Кожевников, В.П. Модель русской культуры / В.П. Кожевников. – М.: «НИЖКНИГА», 1995. – 238 с.
105. Кожевников, В.П. Русский национальный характер / Ред. кол. Л.А. Зеленов, В.П. Кожевников, В.И. Кулагина, А.М. Пищик // Духовная культура: Материалы докладов Пятой межвузовской конференции по теории и методологии преподавания культурологии в высшей школе. – Н.Новгород: Вектор-ТиС, 1999. – 185 с.
106. КОРТУНОВ, В.В. Философия денег / В.В. КОРТУНОВ. – М.: Логос, 1997. – 172 с.
107. Круглова, Л.К. Социализм. Человек. Культура. / Л.К. Круглова. – М.: Высшая школа, 1990. – 141 с.
108. Кулишер, И.М. История экономического быта Западной Европы / И.М. Кулишер. – М.-Л.: «Знак», 1931. – Т. 1. – 322 с.
109. Кутырев В.А. Духовность, экономизм и «после»: драма взаимодействия / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 35-39.
110. Куцкий, С.Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность»: дис. ... канд. филол. наук / С.Б. Куцкий. – М., 2003. – 179 с.
111. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-пресс, 1999. – 608 с.
112. Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа / Е.Е. Левкиевская. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
113. Лежников, В.П. Человек гуманный вместо экономического / В.П. Лежников // Новая политика для новой экономики: альтернативы

- рыночному и консервативному фундаментализму. – М.: Слово, 2003. – С. 399-401.
114. Ленин, В.И. Избранные сочинения: В 10 т. / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7. – 635 с.
115. Лившиц, Р.Л. Духовность и бездуховность личности / Р.Л. Лившиц. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 150 с.
116. Литвинов, В.А. Богатые люди: опыт социального исследования / В.А. Литвинов // Обществознание в школе. – 2000. – № 1. – С. 2-12.
117. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – М.: Сов. Россия, 1981. – 71 с.
118. Лихачев, Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3-7.
119. Локк, Дж. Сочинения: В 3-х тт. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – 670 с.
120. Лосев, А.Ф. Философия, мифология, культура / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 284 с.
121. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Дарь, 2005. – 334 с.
122. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
123. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
124. Львов, Д.С. Экономика России на перепутье веков / Д.С. Львов, В. Макаров, Г. Клейнер. – М.: Управление мера Москвы, 2000. – 87 с.
125. Малашхия, Г. От человека экономического к человеческому: критический взгляд на современную экономическую систему / Г. Малашхия // Перспективы человека в глобализирующемся мире. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 278-318.

126. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – М.: О.Г.И., 1999. – 205 с.
127. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
128. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Наука, 1955. – Т. 7. – 638 с.
129. Марьяновский, В. Российский экономический менталитет / В. Марьяновский // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 158-160.
130. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
131. Мизес, Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: пер с англ. / Л. Мизес. – М.: Дело, 1993. – 230 с.
132. Мифы древних славян. Велесова книга / Сост. А.И. Баженова, Г.Е. Вардугин. – Саратов: «Надежда», 1993. – 320 с.
133. Михайлова, Л.И. Социология культуры: Учеб. пособие для студ. вузов гуманитарных специальностей / Л.И. Михайлова. – М.: Гранд: Фаир-Пресс, 1999. – 230 с.
134. Монастырская, И.А. Проблема архетипов в русской культуре / И.А. Монастырская //Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск №8 – СПб.: Издательство Санкт-петербургского философского общества, 2001. – 398 с.
135. Морис, А. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность / А. Морис. – М.: Твис, 2003. – 314 с.
136. Мостовая, И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры / И.В. Мостовая. – М.: Механик, 1997. – 207 с.
137. Надточий, И.О. К вопросу о понятии русской души / Ред. кол. Л.А. Зеленов, В.П. Кожевников, В.И. Кулагина, А.М. Пищик // Духовная

- культура: Материалы докладов Пятой межвузовской конференции по теории и методологии преподавания культурологии в высшей школе. – Н.Новгород: Вектор-ТиС, 1999. – 185 с.
138. Некрасов, Н.А. Стихотворения и поэмы / Н.А. Некрасов. – М.: Художественная литература, 1980. – 559 с.
139. Новиков, А.И. История русской философии X-XX веков / А.И. Новиков. – СПб.: Лань, 1998. – 320 с.
140. Нравственно-эстетическое воспитание учащихся: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГПИ, 1988. – 141 с.
141. Овсянников, Ю.М. Картины русского быта / Ю.М. Овсянников. – М.: АСТ-Пресс; ГАЛЛАРТ, 2000. – 351 с.
142. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов. – М.: «АЗЪ», 1993. – 960 с.
143. Ойкен, В. Основы национальной экономики / В. Ойкен. – М.: Экономика, 1996. – 315 с.
144. Осипов, Ю.М. Философия хозяйства / Ю.М. Осипов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 381 с.
145. Островский, А.Н. Избранное / А.Н. Островский. – М.: Профиздат, 1993. – 368 с.
146. Очерки русской культуры 13-15 вв. / Под ред. И.И. Лебедевой. – М.: Издательство МГТУ, 1969. – 479 с.
147. Панфилов, О.М. Ценностное сознание: Основания субъективной философии / О.М. Панфилов. – СПб.: Б.и., 1992. – 110 с.
148. Педагогика / Сост. Л.И. Дрозд. – Минск: «Народная АСВЕТА», 1988. – 62 с.
149. Петрунин, Ю.Ю. Этика бизнеса: Учеб. Пособие / Ю.Ю. Петрунин, В.К. Борисов. – М.: «Дело», 2001. – 280 с.
150. Пигу, А.С. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. / А.С. Пигу. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 398 с.

151. Платон. Сочинения: в 4-х тт. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 830 с.
152. Платон. Сочинения: в 4-х тт. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – 830 с.
153. Платонов, О.А. Экономика русской цивилизации / О.А. Платонов. – М.: «Прогресс», 1995. – 354 с.
154. Поланьи, К. Семантика использования денег / К. Поланьи // Историко-экономический альманах. – М.: Академический проект, 2004. – С. 415-448.
155. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – Киев: Ника-Центр, 2005. – 798 с.
156. Почепцов, Г.Г. Имиджология / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 766 с.
157. Романов, Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историческо-бытовые очерки 11-13 вв. / Б.А. Романов. – М.-Л.: Наука, 1966. – 240 с.
158. Русские народные сказки / Сост. В.П. Аникина. – Мн.: Харвест, 1975. – 346 с.
159. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 345 с.
160. Рыбинский, Е.М. Социальные проблемы детства / Е.М. Рыбинский // Народонаселение. – 2002. – № 2. – С. 42-49.
161. Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии / А.Р. Рэдклифф-Браун. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 414 с.
162. Самсин, А.И. Основы философии экономики / А.И. Самсин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 271 с.
163. Сикевич, З.В. Русские: «образ» народа (Социологический очерк) / З.В. Сикевич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 152 с.
164. Словарь синонимов / Ред. И. Писарев. – М.: ТОМ, 1997. – 648 с.
165. Смирнов, И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси 12-13 вв. / И.И. Смирнов. – М.-Л.: Издательство Академия наук СССР, 1963. – 364 с.

166. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. / А. Смит. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 596 с.
167. Смольков, В.Г. Предпринимательство как особый вид деятельности / В.Г. Смольков // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 123-124.
168. Соловьев, В.С. Оправдание добра / Исупов К., Савкин И. / Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – 512 с.
169. Соловьев, В.С. Сочинения в 2-х тт. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 687 с.
170. Солодова, Г.С. Бедность и богатство в представлениях современных российских подростков / Г.С. Солодова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2001. – № 3. – С. 7-12.
171. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1992. – 456 с.
172. Степун, Ф.А. Портреты: (очерки о представителях русской культуры 19-1/2 20 вв.) / Ф.А. Степун. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. – 213 с.
173. Стиглиц, Д.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Д.Ю. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 300 с.
174. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.-Л.: Политиздат, 1989. – 572 с.
175. Так ли плох был Домострой? / В.М. Пилипов. – М.: Художественная литература, 1991. – 317 с.
176. Терентьев, А.А. Духовно-нравственные ориентиры воспитания молодежи в идейном наследии И.А. Ильина / А.А. Терентьев, Т.В. Свадьбина. – Н.Новгород: Нижегородский регион. ИН-Т управления и экономики АПК, 2000. – 30 с.

177. Тихонова, Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике / Н.Е. Тихонова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 318 с.
178. Толстой, Л.Н. Избранное: Повести и рассказы / Л.Н. Толстой. – М.: Профиздат, 1993. – 349 с.
179. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 622 с.
180. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – 461 с.
181. Тургенев, И.С. Избранное / И.С. Тургенев. – М.: Профиздат, 1994. – 315 с.
182. Уайт, Л.А. Избранное: Наука о культуре / Л.А. Уайт. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с.
183. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – 782 с.
184. Фальцман, В. Российское предпринимательство с позиций христианской морали / В. Фальцман // Вопросы экономики. – 2000. – № 8. – С. 45-48.
185. Фасахов А.И. Мировоззренческие основы экономического выбора: Автореф. дис. ... канд. филос. Наук / А.И. Фасахов. – Н.Новгород, 2002. – 26 с.
186. Федоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – М.: Раритет, 1994. – 416 с.
187. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры / Г.П. Федотов. – СПб.: София, 1991. – 352 с.
188. Фенько, А.Б. Дети и деньги: особенности экономической социализации / А.Б. Фенько // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 35-38.
189. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.

190. Флоренский, П.А. Христианство и культура / П.А. Флоренскимй. – М.: Фолио: АСТ, 2001. – 663 с.
191. Флоровский, Г.В. Восточные отцы церкви IV века / Г.В. Флоровский. – М.: МП «Паломник», 1992. – 239 с.
192. Флоровский, Г.В. Пути русского Богословия / Г.В. Флоровский. – Вильнюс: Б. и., 1991. – 601 с.
193. Фортунатова, В.А. Богатство и деньги как культурологические ценности / Под ред. А.А. Касьяна / Культурология. – М.: Высшая школа, 2003. – 613 с.
194. Фрагменты ранних греческих философов / АН СССР, Ин-т филос.; Изд. подгот. А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 575 с.
195. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
196. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. – М.: Ренессанс, 1992. – 289 с.
197. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Наука, 1986. – 387 с.
198. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Издатель В.П. Ильин, 1992. – 415 с.
199. Хайек, Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. Хайек. — М.: Изограф, 2001. – 254 с.
200. Хайек, Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом / Ф.А. Хайек. – М.: О.Г.И., 2003. – 288 с.
201. Хейзинга, Й. Сочинения: В 3-х тт. / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс. Культура, 1995. – 413 с.
202. Хейзинга, Й. Человек играющий. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, 1992. – 413 с.
203. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне. – М.: Дело catallaху, Б., 1986. – 701 с.
204. Хикс, Д. Теория экономической истории / Д. Хикс. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224 с.

205. Хомяков, А.С. Сочинения: В 2 т. / А.С. Хомяков. – М. Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. – Т. 1. – 590 с.
206. Хренов, И.А. Мифология досуга / И.А. Хренов. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1998. – 448 с.
207. Чернов, В.М. Конструктивный социализм / В.М. Хренов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 670 с.
208. Чернышевский, Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. / Н.Г. Чернышевский. – М.: Гослитиздат, 1939. – 860 с.
209. Чехов, А.П. Избранное: В 3-х тт. / А.П. Чехов. – М.: АО «Векта», 1994. – Т. 3. – 606 с.
210. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М.: ИМА-ПРЕСС, 1973. – 112 с.
211. Широкалова, Г.С. Соблюдение прав человека / Г.С. Широкалова // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 17. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 391 с.
212. Шмаков, С.А. Игры учащихся – феномен культуры / С.А. Шмаков. – М.: Новая школа, 1994. – 238 с.
213. Шмулевич, М.С. О нравственных проблемах бизнеса / М.С. Шмулевич // Культура и этика бизнеса: история, традиции, проблемы переходного периода: Материалы международной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1997. – С. 119-121.
214. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Альманах «Русская идея», 1997. – 446 с.
215. Экономическая психология: Социокультурный подход / Сост. И.В. Андреева. – СПб.: Питер, 2000. – 511 с.
216. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – Т. 7. – 472 с.

217. Энциклопедия быта / Сост. Информ-техн. Произв. Кооператив «Сиргис». – Ростов на Дону: «Профит», 1994. – 558 с.
218. Энциклопедия литературных произведений / Под ред. С.В. Стахорского. – М.: Вагриус, 1998. – 654 с.
219. Эрн, В.Ф. Сочинения / В.Ф. Эрн. – М.: Правда, 1991. – 575 с.
220. Эрроу, К.Д. Коллективный выбор и индивидуальные ценности / К.Д. Эрроу. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 204 с.
221. Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – М.: Прогресс, 1993. – 329 с.
222. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М.: АСТ: Канон, 1998. – 399 с.
223. Юнг, К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг. – СПб.: Б.С.К., 1996 – 454 с.
224. De George R.T. The Status of Business Ethics Past and Future / R.T. De George // Journal of Business Ethics, vol. 6. – 1987. – P. 201-211.
225. Geertz C. The interpretation of Cultures / C.Geertz. – London, 1973. – 470 s.
226. Lewis O. The Culture of Poverty / Poverty in America / Ferman, L. And others (Eds). – Lansing: University of Michigan Press, 1965. – P. 405-409.
227. Marklund St. Structures of modern poverty / St. Marklund // Acta Sociologica, vol.33. – 1990. – P. 125-140.
228. Valentine Ch. Culture and poverty / Ch. Valentine. – Chicago-London: Univ. Of Chicago press, 1968. – 213 s.

Гусева Светлана Геннадьевна

Социокультурный образ достатка в русском
национальном сознании

Монография

Редактор

Н.В. Викулова

Подписано в печать   Формат 60x90/16 Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Уч. изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет»

603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.

Полиграфический центр ННГАСУ, 603950, Н.Новгород, Ильинская, 65

<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru